Герой Ненашего Времени

Павел Владимирович Зябкин

SHOUT
SHARE
IT

- Павел Зябкин
  - ГЛАВА 1
  - ГЛАВА 2
  - ГЛАВА 3
  - ГЛАВА 4
  - ГЛАВА 5
  - ГЛАВА 6
  - ГЛАВА 7
  - ГЛАВА 8
  - ГЛАВА 9
  - ГЛАВА 10
  - ГЛАВА 11
  - ГЛАВА 12
  - ГЛАВА 13
  - ГЛАВА 14
  - ГЛАВА 15
  - ГЛАВА 16
  - ЭПИЛОГ

Павел Зябкин
Герой Ненашего Времени
(повесть о лишнем человеке)

Солдатам и офицерам, воевавшим в Чечне в первую кампанию, посвящается.

ГЛАВА 1

Крадучись и озираясь Володя пробирался через двор. Благо еще была зима, конец февраля месяца и темнело рано. Ему стыдно было с кем — либо встречаться. Он сильно пил уже третий месяц. Жизнь казалась сплошной черной полосой, без всякого пробела. Ощущение пира во время чумы не оставляло его. В пьянстве и разврате он хотел забыться, уйти от реалий жестокого мира, что окружал его. Жизнь явно дала трещину.

Еще несколько месяцев назад этот жалкий пьяница был следователем прокуратуры в одном из сельских районов, но все испортил то проклятый отпуск, где он и набедокурил. Как результат увольнение по статье. Теперь он на практике понял, что не человек красит место, а место человека. Оказавшись выброшенным из жизни, он стал опускаться на дно. Оно и не мудрено, кроме профессии юриста он ничего больше не освоил. Да хоть бы и освоил, все одно заводы стоят, люди не получают годами зарплату, а с экранов звучат призывы жить красиво и обогащаться. Кто-то и следует этим призывам. Те, у кого локти покрепче и зубы острее. Вот они и живут красиво, а тут хоть упрись и в лепешку разбейся так и будешь нищетой. Хорошо быть безмозглым ослом, ничего не замечать, что вокруг твориться, верить в то, что все будет хорошо. А почему оно будет хорошо? Ну, скажите, что те, кто урвал все от жизни, возьмут так все и отдадут. Да полно, не для того хапали. А по специальности Володя устроился, и не просто так, а в адвокатуру. Казалось бы, чего желать? А вот тут и ждал главный подвох. Зарплата адвоката — это гонорары от клиентов. А клиентов Вова найти не мог. Тут опять же, те же качества, как и во всей проклятой капиталистической жизни — зубы да локти. За клиента надо сначала побороться, найти его, не упустить, развести его, чтобы он заплатил тебе. Иначе сиди без ничего. Володя вот и сидел гол как сокол. На работе он мог не появляться неделями, все равно работать было не с кем, а еще и конкурентом меньше, для других ему подобных неудачников.

Будучи по натуре своей человеком мягким и открытым, совестливым он никак не мог приспособиться к миру лжи окружившему его в стане "золотого тельца". Раньше на работе его ценили только за профессиональные качества, которые, в общем-то, у него присутствовали — трудолюбие, исполнительность, в определенной мере творческий подход. Он был хороший исполнитель, но не лидер по своей натуре. Теперь оставшись один на один с неизвестностью, он не знал с чего начать. Клиенты

не шли к нему, не было у него лощеного и преуспевающего вида, а если и приходил клиент с деньгами и не знал к кому податься, то другие коллеги Вовы тут же уводили его, а Вова просто не мог ничего сделать. И где искать клиентуру он даже не представлял, и спросить было не кого. Куда либо еще устроиться по специальности не представлялось возможным — все места юристов, где платили реальную зарплату, были заняты "своими" людьми и освобождать их они не собирались.

Мать Володи, с которой он жил вместе в хорошей двухкомнатной квартире, не огорчилась его увольнению, напротив, теперь сын полностью материально зависел от нее. Матери не нужен был самостоятельный и независимый сын, ей хотелось вечно нянчится с ним, теперь ее мечта сбывалась. Она не хотела никакого карьерного роста сына, однажды, в разговоре с подругой, мать высказала мысль, что хотела бы, чтобы Вова устроился, куда ни будь грузчиком или дворником. Почему-то ей и в голову не приходило, что сыну хочется реализовать себя, жить полноценно. Образец для подражания жил в соседнем доме — Игорек, ровесник Вовы не умеющий ни читать, ни писать даун. Он в течение десяти лет грузил мешки на хлебозаводе, мизерную получку за него получала его мать. Игорек был послушен, и управляем, ни к чему не стремился, женщинами не интересовался, пил редко и пьяным мало, чем отличался трезвого по причине слабоумия. Вот это был образец для Володиной матери. Однако, образец образцом, но сын ему следовать явно не желал. Ну, никак не устраивала его такая жизнь, ну не хотел он быть быдлом, которым его, как и многих других сограждан делала окружающая действительность. Сил для борьбы не хватало, вот и как причина пьянство.

Второй причиной толкнувшей Володю в объятия "зеленого змия" было полное отсутствие личной жизни и одиночество, которое разрывало его как вакуум. Не было толком у него ни друзей, кроме соратников по борьбе с "зеленым змием", но с ними было ужасно скучно — люди бездеятельные, строящие несбыточные планы и самодовольные, ни подруг, об этом особый разговор.

Женщины вообще-то любят наглецов и трепачей, умеющих вешать лапшу на уши, которую потом приходится снимать вместе с подарком в виде ребенка. Это относится, конечно, к заправским донжуанам, но в принципе перед ними никто и не устаивает. А вот Володя никак не мог стать наглым и беспринципным, поэтому таким он виделся женщинам. Потому, что был самим собой и крайне редко обманывал их. Он вообще в душе своей деликатно относился к женщинам и излишне осложнял простые вещи. Ему

казалось, что женскую любовь можно заслужить какими-то делами, поступками. Интеллектом, наконец. Но женщины часто заворожено слушали его, а спать шли с ребятами попроще, но конкретнее, живущими по принципу: "весь мир бардак, все бабы бляди". Вова никак не хотел соглашаться с этим постулатом и в глубине души считал, что это не так, однако жизнь ежедневно подносила ему обратные примеры. Может быть и нашлись бы женщины, которые отдали бы предпочтение ему, но такие особи как правило живут незаметно и пересечься с ними проблематично. А потом, даже если такие и есть, то почему мы думаем, что скромницам и интеллектуалкам должны нравится именно скромники и интеллектуалы?

Конечно, ангелом он не был, все было в его жизни и те же подлость с обманом, иначе ведь не проживешь, но слабым звеном была совесть, которая как фурия мучила и преследовала его после совершения какой либо мерзости, в результате усилия сводились на нет. Поэтому он и дошел до жизни такой. Тот взлет, когда ему, вчерашнему солдату с рекомендацией воинской части удалось поступить на юридический факультет университета, был возможен только в то время и в том месте. Потом, когда он уже учился, жизнь потрясли реформы и ориентиры поменялись. Все что вчера было хорошо — стало плохо. Красное знамя поменяли на зеленое — цвета долларовой бумажки и понеслось. Как повеяло свободой, ему, молодому студенту престижного ВУЗа казалось, что теперь все в его руках, все дороги открыты. С жадностью он поглощал знания, с открытым ртом сидел на лекциях, внимая премудростям юриспруденции. Читал запоем весь вал информации появившийся в те годы. Эх, кабы знать какой кабалой вся эта свобода обернется. Если раньше от общей кормушки доставалось всем по чуть-чуть, а кому-то и чуть-чуть больше, то теперь кормушку бессовестно "прихватизировали" и вообще всех посторонних в лице народа от нее отогнали.

Но Володя этих трудностей поначалу благополучно избежал, был определен работать в прокуратуру глухого сельского района, где полный радужных иллюзий тянул лямку следователя. Работа увлекла его. За ней он забывал о личной жизни и дневал и ночевал в прокуратуре. Мотался на места происшествий. Не боялся учиться на чужих и своих ошибках. В отличие от большинства коллег не обладал чванством и высокомерием перед милиционерами и прислушивался к умным словам, пусть их говорили даже нижестоящие работники. Постепенно приходило осознание того, что отнюдь не все в твоих руках. Переводить обратно в город никто его не стремился, а прижиться в деревне никак не мог. Как потом дошло до него, работать надо было не

над делами, а над карьерой, но поздно дошло. Да вряд ли и получилось бы, если и захотел бы. Одним словом глухо застрял он в своей деревне. Рвался в город, где прожил всю жизнь, где была хорошая квартира, где кипела жизнь, где была масса возможностей для роста и самореализации. А вместо этого деревня. При этом, те кто был похитрее сразу же пролезли в город, а не повелись на обещания, что через полгода — год работы в глухомани их с распростертыми объятиями призовут назад. Нет, в район вход рубль, а выход два. На третьем году работы Вова это понял. Выбраться можно было либо при помощи связей, а их не было, и не появлялись, либо путем выгодной женитьбы, но женщины особо не жаловали его своим вниманием. Поэтому шансов выбраться путем перевода практически не было. Нет, конечно, может быть, лет так через десять — пятнадцать. Но жить то хочется сейчас. Вон, с кем учился, многие уже все от жизни хватают. Без году неделя как закончили факультет, а уже иномарки покупают, квартиры, да чего там, живут, как и призывается — красиво. Ах, если бы перевестись в город, там уж можно развернуться. В общем в конце концов, в отпуске, на третьем году работы, когда кадровик в обл. прокуратуре в очередной раз отказал ему в переводе. А причиной, как Вова узнал точно, было устройство на вакантные места двух сынов члена областного суда, которые окончили ВУЗ в этом году. Тут наш герой с горя дико напился и кончил пьяным скандалом с соседом со стрельбой из газового пистолета в подъезде. Дело стало достоянием гласности, и от Володи органы очистились, на вполне законном и справедливом основании, украсив его трудовую книжку статьей о "недостойном поведении в быту". Все было бы ничего, вон Дима, с другого города сокурсник, по той же статье был уволен годом ранее, а сейчас "крутой" бизнесмен. Но то же Дима, человек с крепкими локтями и острыми зубами, и не глуп к тому же, а то Вова. А раз ты Вова, а не Дима, то и ходи быдлом. И только-то и вины, если разобраться, что не кому словечка замолвить, а по характеру сам не боец, ну и пропадай, хрен с тобою. Вот Вова и пропадал. Ну, а раз попал в неудачники, то это всерьез и надолго. Вслед за карьерным обвалом, рухнула и вся личная жизнь.

Собственно по этой причине он и брел сейчас понуро домой, прячась от соседей. Прекрасно начатые посиделки у друга и собутыльника Леши, надломили Володю. И надломили очень серьезно. В какой-то степени они стали последней каплей, переполнившей чашу его отчаяния.

А начиналось все лучше не придумать. Еще днем к Лехе должна была прийти Наташка со своей подругой, которую ни

Вова, ни Леша еще не знали. Но не в этом дело. Вовка давно запал на Наташку и ждал от сегодняшнего дня много.

Наташка нравилась ему уже давно, года как четыре. Тогда она была еще малолетка, а Вова студент последнего курса. Знакомство их произошло спонтанно. Хотя ранее он слышал о сексуальных подвигах этой юной девицы, проживавшей с ним в одном дворе. Однако Вова был равнодушен к прошлому, и несмотря ни на что втюрился в глупую девчонку. Были у них редкие минуты близости, но уж совсем редкие. Наташка иногда забегала к нему домой чисто по дружески посидеть. Однако как мужчину с большой буквы она его не воспринимала. Вон вокруг, сколько отличных парней. Однако отличные парни, попользовавшись, прогоняли ее, но находились другие и так до бесконечности. Вова не понимал, чем лучше были эти ее ухажеры. Ведь в большинстве своем они ни по интеллекту, ни по душевным качествам не годились ему и в подметки, даже внешне многие проигрывали ему. Но те ребята четко, без всякой романтической дури, само копания, знали чего хотели и получали это, иногда и силой. А Володе с его неисправимой романтикой оставались прогулки под луной и красивые слова. Одним словом Вова и Наташа оставались друзьями. Теперь Вова хотел перейти от дружбы к более серьезному.

Закупили водки с утречка, бутылок шесть. Леха постарался, ему отец денег выделил. Сам Леха, с тех пор, как полгода назад был уволен из железнодорожного ВОХРа за прогулы, самостоятельных денег не имел. Квартира его пустовала и часто была прибежищем Вовки на время запоя. Вовка впрочем, и дома мог запить, но у Лехи часто были гости со спиртным, а иногда, как сегодня и девушки.

Девушки пришли. Наташа привела некую Юлю, свою ровесницу, тоже двадцати лет, и застолье понеслось. Когда Юля охотно пошла с Алексеем в ванную, где льющаяся вода заглушала их смех, Вова решился все-таки объясниться с Наташей, признаться ей в своих чувствах. Однако Наташка прислушивалась не к словам Володи, а к голосам в ванной. Поняв, что словами мало чего можно добиться, наш герой перешел к решительным действиям и через пару минут лежал с возлюбленной на кровати. Она, однако, пассивно воспринимала его ласки, все время, посматривая в сторону ванной. В какой-то момент уже полностью раздетая она выскользнула из объятий и мгновенно скрылась в ванной. Вова подбежал к двери, но она уже была закрыта на защелку, и три томных голоса одновременно отозвались

— Вов, ну не мешай, после зайдешь! — а затем восторженный голос Наташки — Ах, Юля, что за мужчина, какой мужчина!

Однако и после Вовке зайти не удалось. Слушать охи и вздохи из ванной не было сил. Вот так и получилось. И кого же теперь винить? Сам ведь познакомил Наташку с Лехой и сам же стал третьим, да нет, пожалуй, тут уж четвертым лишним. Одевшись Вовка поплелся домой.

ГЛАВА 2

Дома Вовка упал на диван и уставился в потолок. Надо было что-то предпринимать. Он был по натуре человеком энергичным, но сейчас не было той сферы, где можно применить энергию. Нужен был какой-то прорыв из того болота, куда он попал. Адвокатство как Вовка понял, не принесет ему ничего. Там уже все схвачено и за все заплачено. Сокурсники на контакт не шли и отделывались дежурными любезностями. Немудрено, неудачник никому не нужен. Воплощался древнеримский принцип — "горе побежденному", а Вовка в борьбе за место под солнцем явно оказался побежденным. И ладно пока еще мать кормит, а что потом? Профессии кроме юриста, нет. Переучиваться на рабочего в двадцать восемь лет поздновато, да и кому ты нужен? Тут люди и с золотыми руками годами без зарплаты сидят. Что осталось? Дворник, сторож и грузчик. Да, такая перспектива совсем удручала выпускника престижного ВУЗа. И ладно бы еще как у врачей или инженеров был выбор работать по профессии за копейки или идти в другое место, но за большие деньги, а то нет. По профессии вообще не влезешь. Юрист стал синонимом богача. А Вовка как позорище адвокатской гильдии.

Чтобы отвлечься немного, Вовка включил телевизор и решил посмотреть, что же происходит в мире, а больше забыться за какой ни будь "музыкалкой" или комедией. Однако первое что он увидел, это новости из Чечни, где происходили какие-то непонятные события. За своими личными трудностями он совсем не видел происходившего за пределами его мирка. И вот оказывается, что уже целый месяц идет война на окраине России. Да, судя по кадрам новостей с горящими домами и трупами наших солдат, это настоящая война. Не сказать, чтобы Вовка совсем уж ничего не подозревал о событиях на Кавказе, нет, он слышал, что там проводится какое-то восстановление конституционного строя, но что это такое слабо представлял, тем более что экраны телевизоров и страницы газет и без того пестрели леденящими душу сообщениями из разных концов страны. Теперь вот Вовка наконец-то более подробно узнал, что именно на первое место вышли события в Чечне. И события там развернулись нешуточные. Но все это было так далеко от его среднерусского города. Несмотря на то, что на первом этаже его дома располагался райвоенкомат, никакого ажиотажа там не наблюдалось. Никаких повесток никому не приходило, а если кто и поминал о тех событиях, то только живущие этажом выше братья Агеевы. Но о них особый разговор.

Эти два почтеннейших брата были, как говаривали в старину благородного происхождения. Их отец, правда, с ними не живший, занимал должность генерального директора крупной финансово-промышленой группы. Однако природа отдыхает на детях. И на сыновьях генерального директора она очень хорошо отдохнула. Если старший сын Игорь имел еще неплохие интеллектуальные задатки и умудрился закончить три курса политехнического института, променяв их на более выгодное место рубщика мяса на рынке, то младший — Саша, несмотря на помощь отца, не смог осилить и одного семестра в Пожарно-техническом училище, куда он был отправлен вместо службы в армии. Однако это четырехмесячное пребывание в училище МВД дало право Агееву младшему считать себя офицером МВД, как он себя постоянно называл, и считаться знатоком военного дела, особенно спец. подразделений. Интересно, что он настолько забил своим офицерством МВД всем головы, что кажется, даже его жена в это верила. Она, как ни странно жила с ним, что их связывало кроме совместного ребенка, было неясно. Старший Агеев тоже числился в больших вояках и уверял всех, что служил в Афганистане (как совершенно случайно Вовка узнал, Игорь служил все два года срочной службы в Ковровской учебной части). Но со старшим братом в отличие от младшего, жена не ужилась, забрав ребенка, ушла к себе. Все свободное время, а его у них было в избытке, братья проводили в пьянстве. Если Игорь еще до обеда находился на рынке, то Саша вообще торчал все время дома или "зависал" у Лехи. При этом числился он товароведом в отцовской фирме, где регулярно получал жалование, правда, небольшое. А главное Агеевых вполне устраивала такая полуфантастическая жизнь. Угрызениями совести они не страдали и стыда за перманентную ложь не испытывали.

Вот именно от Саши Вовка частенько слышал о чеченских событиях и о том, как там надо действовать. И еще якобы Сашины друзья-спец. назовцы уже ездили туда и привезли обратно вагоны трупов и еще что-то в таком же духе. Однако Володя всерьез Сашины слова, особенно по пьяни не воспринимал. А живьем ни одного из своих спецназовцев Саша предъявить не мог. Да и вообще Вовку не интересовали Сашины псевдовоенные похождения. Больше его интересовали возможности его отца в плане устройства своей жизни. Но здесь иллюзии рухнули быстро. Саша и Игорь много обещали, но ничего не делали и даже не пытались сделать. Да хоть бы и попытались, вряд ли их отец послушал бы своих непутевых сыновей.

Теперь у Вовки, как из мозаики складывалась определенная

картина выхода из создавшегося тупика. А почему бы и в самом деле не попробовать поехать в Чечню. Пойти в военкомат и поступить на службу по контракту. Не думается, чтобы особо трудно было это сделать. Одна загвоздка. Что это вообще такое контрактная служба? А то вдруг как на "срочке" пошлют не туда, куда хочешь, а туда куда надо. А на кой черт тянуть солдатскую лямку, где ни будь в глухомани, а хоть даже и в своем городе. Вовка прекрасно еще по срочной службе представлял все радости солдатского житья-бытья и, не смотря на уговоры его одноклассника Сереги Копылова, поступить по контракту в воинскую часть, где тот сам служил, даже не рассматривал такой вариант развития события. Но если вот поехать на войну, тут другое.

Если все получится удачно, то Володя полагал, что ему простятся его неблаговидные поступки и очень может быть удастся восстановиться в органах. Он также видел, каким официальным почетом пользовались во времена его юности участники войны в Афганистане, льготы тоже не мешали бы. А еще, он сам себе не хотел в этом признаваться, но эта мысль довлела над всем: "Да что я, тварь дрожащая или право имею". В конце концов, сколько можно быть ничтожеством. Ну и пускай убьют, в конце-то концов. Какой от меня прок в этой жизни. Так мать сорок дней поплачет, а то сорок лет плакать со мной придется. Ведь впереди стена, тупик. Война может тоже не выход, но это хотя бы какое-то действие. В любом случае посмотрю на мир, увижу, то, что для моих знакомых совершенно неведомо. Вон они только треплются о военных делах, а тут удастся самому пострелять. А там приеду, может и с Наташкой что-то склеится. Ведь не может быть, чтобы она не увидела, что в отличие от ее "женихов" я человек куда более мужественный и не только на словах, а и на деле. Если сейчас меня считают за ничтожество, только потому, что нищ, слаб физически, да еще и морально подавлен, то после войны, наверное, поймут, что у меня еще есть порох в пороховницах. А может быть — Вова продолжал мечтать — удастся стать офицером (ведь образование то высшее) и продолжить служить до пенсии. Тоже неплохой вариант решения проблем. Нет, в любом случае надо идти в военкомат и доводить дело до конца.

Был вечер пятница, и предстояло еще два дня мучительного бездействия. Вовка торопил время. Он мечтал заснуть и не просыпаться до понедельника. Теперь он понял, что надо делать. Мозг услужливо предоставлял ему аргументы в пользу сделанного выбора и через десять минут после возникновения замысла Вовка только и жил мыслью о предстоящем оформлении

в армию. Очень хотелось поделиться с кем ни будь, своими соображениями, спросить совета, что и как лучше сделать. Но никого, кроме ленивого кота Барсика, в доме не было, а он не был расположен к общению с хозяином.

В это время, отчаянно мяукая, Барсик подбежал к двери, почуяв приход хозяйки и стал скрести дверь. Вовкины размышления прервал приход матери. Войдя в кухню, старушка поставила сумку и только теперь посмотрела на сына. Увидела она то, что и ожидала увидеть. Слегка пьяный, с нездоровым блеском в глазах, Вовка сидел на стуле, уставившись в телевизор. Тяжело вздохнув, мать спросила:

— Ну что пришел? А, опять пил.

— Да, пил, а что делать? Что ты можешь предложить?

— Берись за ум, да живи как все. Работай, матери помогай, — пошли дежурные, набившие оскомину материнские поучения.

Если бы они могли быть хоть как-то воплощены в реальную жизнь, то Вовка, может быть, и принял бы их к сведению, но не совсем ординарная ситуация, в какую он попал, требовала неординарного решения. А его мать подсказать явно не могла. Она жила в каком-то своем мире, где все люди добившиеся успеха и твердо стоящие на ногах были честные, умные, трудолюбивые и добрые. А те, кто подобно Вовке и его окружению опускались на дно, были все до единого жалкими пьяницами и бездельниками. Может быть, в какой-то степени это и было правдой, но именно в какой-то степени. Как наверху, так и внизу существовало множество оттенков и нюансов. Мир-то не черно-белый. Мать не могла понять события последних лет и по старинке считала, что своим трудом и способностями честный человек может всего сам добиться. И те, кто добились успеха в жизни, вне всякого сомнения, люди достойные, так как негодяй в этой жизни должен и находиться там, где ему положено, то есть внизу, на дне. В своем сыне она видела только пьяницу, точно такого же, как и те, что валяются под заборами. Здесь она не проводила никаких различий. А его не всегда удачные амурные похождения рассматривала как плод алкогольного помешательства, приведшего сына к дикой, по ее мнению половой распущенности. Она почему-то думала, что люди в подавляющем большинстве бесплотные создания. Вовка подчас недоумевал, как он вообще мог появиться на свет при таких материнских воззрениях.

— На работе уже три дня не был, — продолжала мать.

— А что там делать? Клиентов то все равно нет. Вон, с утра позвонил, а там никто обо мне и не спохватился, — вяло отвечал Вовка. — А нет клиентов, не за что и деньги получать, а за так чего туда ходить.

— Работал бы, да не пил, — продолжала мать, — и клиенты были бы и деньги.

— Да откуда они возьмутся, черт побери! — в сердцах крикнул Вовка и, хлопнув дверью, ушел в свою комнату.

Он не мог перенести непробиваемую позицию матери. Как не пытался он ранее объяснить ей свои трудности, все сводилось в ее голове к двум причинам пьянка и лень. Если бы так, — думал Вовка, — как бы все просто решилось. Но ведь даже, если и появится он в понедельник в консультации свежим и трезвым, то все одно, перед кем ему там красоваться? Да и когда он приходил к старым знакомым по университету, то ведь не пьяным же, в самом деле. Оставил везде визитки, просил звонить, как появятся обвиняемые желающие иметь защитника. Сам названивал. И толку то что? Нет, — продолжал в уме Володя свою мысль, в жизни, наверное, все-таки главное казаться, а не быть. Ведь сколько откровенных баранов занимает хорошие места, лишь потому, что производят впечатление умных людей. А кто-то просто кому-то нужен. "Чтобы быть принятым, надо быть приятным" — вспомнились Вовке слова Евангелия, которое он, кстати, неоднократно читал. Но слова то эти были сказаны про антихриста. А приятным Вовка не был. Нет, он не был хамом или негодяем, просто он плохо умел маскировать свои чувства, и был как на ладони. Он не умел притворяться умным, если чего-то не знал. Не получалось у него искренне льстить и лгать. А главное, он предпочитал сам добираться до истины, а не слепо верить вышестоящим. Вот потому и не мог сделать карьеру. Привычка чаще говорить правду, и не скрывать своих сомнений, чем выкручиваться служила ему очень плохую службу.

Остаток дня он пролежал на кровати, обдумывая, замысел с поездкой в Чечню. Все бы хорошо, но он даже не предполагал, с какими реальными трудностями он может столкнуться при оформлении. Ведь, во-первых: медкомиссия. Несмотря на то, что он служил срочную службу, при приеме в МВД не смог пройти комиссию из-за сердца, которое, кстати, его никогда и не беспокоило. Беспокоить стало только сейчас, да не само сердце, а мысли о возможной забраковке. Тем более и его покойный отец был "сердечником", а вдруг это наследственное? Во-вторых, статья, по какой он уволен. А мало ли что? И третье, а вдруг вообще никого туда по контракту не берут. Ведь если верить Саше Агееву, хотя можно ли ему верить, то воюет там вообще один спецназ, а туда попасть Вове никак не светило, ибо кроме слабого сердца он вообще физическим здоровьем и силой не отличался. Поэтому и был в детстве частенько бит сверстниками, а все нормативы были для него хуже каторги. Правда, на срочной

службе главный упор делался на дисциплину, поэтому Вова и был отличным солдатом, но мало ли что за десять лет изменилось. Вон ведь только и говорят, что служить по контракту должны профессионалы, а на профессионала Вова никак не тянул. " Хотя и Копылов вроде не тянет, засыпая, подумал он, — вот у него завтра и спрошу что почем".

Проснувшись, Вовка прошествовал на кухню, где мать колдовала за плитой, готовя ему какое-то кушанье. Рацион разнообразием не отличался либо макароны, либо картошка. В этот раз были макароны. Вяло жуя, Вова выбрал момент и заговорил.

— Мам, я вот надумал в армию пойти служить, что тут делать. Все одно ни работы, ни денег. А там хоть что-то да будет.

— Ну, иди, — равнодушно ответила мать, продолжая, остервенело оттирать раковину.

Поняв, что всерьез его слова не воспринимаются, Вовка быстро закончил трапезу и стал собираться к Копылову.

— Опять пить идешь? — то ли спросила, то ли констатировала факт мать.

— Да, да, пить иду! — в сердцах ответил Вовка, хлопнув дверью.

— Вот, а не пил бы…..

Но, что было бы, если не пил, Вовка так и не услышал, так как спускался в это время по лестнице.

Копылов встретил его в дверях своей квартиры. Далее он Вовку не пропустил, так как панически боялся свою жену, у которой прочно находился под каблуком. Вовка теперь не представлял ценности, и пускать его в приличный дом, не было смысла. Во время разговора он все время оглядывался назад в комнату, боясь, что жена будет недовольна долгой беседой. Все что Вовка почерпнул из разговора, отнюдь не обрадовало его. Суть была в следующем.

Сергей очень рад, что Вова наконец-то принял правильное решение. Пускай идет в его воинскую часть и берет там отношение. Служба нормальная и зарплата неплохая. Да, солдатские должности есть. Офицером или прапорщиком? Ну, ты загнул. Нет только солдатом. В Чечню? Ты что дурак совсем. Там же война. С их части посылали туда, но только "срочников". Контрактники "отмазались" и он тоже. Что, он из ума выжил лоб под пули подставлять. А так, если оформляться, то комиссия строгая, кучу справок еще надо, характеристику само собой. По времени сколько? Ну, месяца два как у меня было. Быстрее, ну в лучшем случае — полтора. Набирают ли в военкомате в Чечню? Не знаю, есть ли такие дураки?

На том и распрощались. Вовка ушел удрученный. Нет, служить у Копылова в части, ходить строем и мести плац, а что еще может делать солдат в мирное время, совсем не хотелось. Это уж самый крайний случай. А полтора — два месяца оформления, за это время и Чечня вся кончится. А вдруг действительно туда никого и не посылают по контракту, тогда что? Опять жалкое существование. Нет, этого не может быть, все получится. Если там так страшно как говорит Копылов, то людей туда должны гнать стадом. Дожить до понедельника, а там все станет ясно. А пока как ни будь забыться. Надо опять идти к Лехе, может чего ни будь и выпить найдется. Все равно ничего до понедельника не изменишь, надо просто провести эти два дня, только два дня.

Дверь в Лехину квартиру открыла голая, пьяная и счастливая Наташка. Взглянув на Вовку как на пустое место, она молча пропустила его в комнату и тут же занырнула под одеяло к Алексею, который спал беспробудным сном алкоголика. Обняв его, она, не стесняясь Вовку, стала целовать своего очередного друга. Леха проснулся. Поздоровавшись с Вовкой, они втроем сели за стол. Водка осталась. Однако разговор не клеился. И минут через пять Леха с Наташкой снова оказались в постели. Теперь Вова был третьим лишним. Ничего не оставалось, как идти домой.

Вечером к нему совсем уж нежданно негаданно пришла Наташка и стала жаловаться на Лешу, который выпроводил ее сегодня, не оставив на ночь, а ей так хотелось. Нет, Вова, мы просто друзья, ну было с тобой пару раз по пьянке, так что же теперь. Вот Леша это да, а Валера, какой мужчина. А ты просто друг. Я позвоню? Ладно, я побежала, Валерка в гости зовет.

И опять Вова одиноко разглядывал потолок. Да чем эти Леши, Валеры и иже с ними лучше. Насколько видел их ничем не умнее, не красивее меня. Только наглее, этого не отнимешь. Ведь Наташку они за человека не считают, а посмотри, бежит к ним как собачка, только пальцем поманят. Конечно, набрешут с три короба, какие они "крутые", а на деле, так балласт, такой же, как и я сам. Безжалостно закончил внутренний монолог Вовка.

Весь следующий день он провел дома, приводя себя в порядок, чтобы утром появиться в военкомате как огурчику. Смотрел Новости по телевизору. В Чечне происходило что-то непонятное, но тревожное. Кто с кем воюет, было не совсем ясно. Не ясно было и как воюют. Складывалось впечатление, что милиция проводит там какие-то операции, а гибнут армейские солдаты. В какой-то момент Вова вспомнил о БОГЕ. Ведь совсем еще недавно он часто посещал церковь и молился, а может ОН и поможет? Господи! — взмолился в душе он прости, я совсем

забыл тебя. Я нарушил, наверное, все ТВОИ заповеди, я утонул в грехе. Помоги, помоги мне выбраться из этого кошмара, в каком я живу. Помоги мне стать другим. Дай мне ВЕРУ! Господи, я чувствую мне надо попасть в Чечню, может эта встряска поможет мне. Помоги Господи. Я не обещаю ТЕБЕ исправиться, так как не раз уже обманывал ТЕБЯ. Ты видишь мою слабость. Просто помоги мне, ведь ТЫ видишь, что я пропадаю. Оставшись здесь, я буду тонуть все глубже и глубже. Я уже в отчаянии, изыми меня из него. И повинуясь неведомой силе, он упал на колени и взмолился молитвой мытаря "Боже милостив, буди мне грешному!" И так на коленях он простоял в комнате около получаса, после чего немного успокоившись, стал наводить порядок в комнате.

ГЛАВА 3

Наступил долгожданный понедельник. И вот Володя уже стоит перед окошком четвертого отделения военкомата. Первым перед ним стоял парень, примерно его лет, хулиганской внешности и, размахивая руками, говорил девушке-регистратору:

— Да что меня за дурака совсем там держат! Обещали сутки надвое караул, а тут послать решили в командировку. Пускай сами едут, а мне жить охота.

Девушка, сочувственно качая головой, заполнила парню документы и вручила ему. Теперь подошла Володина очередь.

— Я хотел бы узнать, — начал он свою речь, — можно ли поехать по контракту в Чечню?

— Я не знаю, — ответила девушка, — пока наоборот, увольняются только. Вот парень, что перед тобой стоял, служил год, у нас в ВВ, а тут его в командировку туда посылают. Вот он и уволился. Правильно сделал. Чего туда ехать?

— Так можно или нельзя?

— Зайдите в тридцать девятый кабинет, может там знают.

Когда Володя заходил в указанный кабинет, к окошку подходили еще двое нетрезвых дядек, которые громогласно негодовали, что их хотят послать в Чечню, где они непременно должны сложить свои головы.

— Я хотел бы поступить на службу по контракту, — обратился Володя к миловидной женщине с погонами прапорщика, сидевшей в кабинете.

— Отношение из воинской части есть?

— Нет.

— Вот приносите отношение, тогда будем разговаривать, — отрезала прапорщик.

— Да вы не поняли, — не на шутку испугавшись отказа, промямлил Вова. Я хотел бы служить в Чеченской республике. Возможно ли это.

Женщина, оторвавшись от бумаг, с интересом посмотрела на необычного просителя. Такого клиента она увидела впервые за три месяца, что шла война. Теперь беседа Вовы с женщиной — прапорщиком вошла в конструктивное русло. Наконец-то для него забрезжил лучик надежды. Да, это возможно. Правда, еще никого не отправляли, не было желающих. Но вообще по области кое-кто уже уехал. Выяснились и еще интересные моменты. Оказалось, что в Чечне неплохо платят. Тройные командировочные, двойной оклад, "пайковые". Контракт на срок от трех месяцев до трех лет. Все оказалось лучше, чем Вова

ожидал.

Вова заполнил анкеты, написал заявление и с легким сердец пошел по диспансерам собирать различные справки. Наконец-то в его жизни стало что-то меняться. Вопрос, к лучшему ли?

В течение дня все диспансеры были обойдены, осталась поликлиника. Там предстояло сдавать анализы. Это не раньше завтра. Вова спешил. Приближалось восьмое марта, а это еще отсрочка дня на три-четыре. Однако закончить до восьмого марта он не успел. Комиссия переносилась на после праздников. Все эти три дня, что он посвятил сбору справок, Вова ни с кем из знакомых не встречался. Умудрился даже взять характеристику на работе. Там все оставалось по старому. Вова сказал, что характеристику требуют в военкомате. Коллеги посочувствовали: "Кабы в Чечню не забрали". Знали бы они, что он туда как раз и рвется. Но этого они и представить себе не могли. Главная цель их была зарабатывание больших денег. Война в это напрямую не вписывалась. Они, наверное, полагали, что, и Володя как-то крутится под прикрытием юрконсультации. То, что он не имеет ничего, им и в голову не приходило. Сытый голодного не уразумеет. Да и хрен с ними. Вова понимал, что пути дорожки со старым миром у него разошлись. Теперь после войны он приедет другим человеком. Каким? Этого он не знал. Но оставлять все как есть уже нельзя. Здесь ему никто не поможет. Человек человеку волк. Закон бизнеса.

С матерью ни о чем не говорил, боясь сглазить удачу. И вот наступили три дня праздников для многих и три дня вынужденного безделья для Вовки. С самого утра, поздравив мать с праздником, Вовка маялся от безделья. Нет, три дня не высидеть. Хотелось хоть с кем-то поговорить. Посоветоваться. Ведь дело не шуточное. Пользуясь тем, что мать была рада его трезвому образу жизни, в течении этих дней, он решил поставить ее в известность.

— Мам, я в Чечню оформляюсь, — как бы, между прочим, произнес Вова.

— Тебе что, жить надоело? — отозвалась мать. — Допился. Работай, живи как все, — понеслась старая песня.

— Мама, ну как как все? Ну что мне здесь делать? Ведь я даже себя прокормить не могу в этой юрконсультации. Только название одно что адвокат.

— Ну, в другое место устройся работать.

— В какое другое?

— А вот сторожем, например, Клавдия Леонидовна говорила, чего он мол, пошел бы сторожем. Вон профессора грузчиками работают, а он тоже мне, принц нашелся.

— Мама, ну что я вообще полное ничтожество. Ну почему ты мне сразу советуешь самые поганые места. Я что для того университет заканчивал, чтобы сторожить или мешки таскать.

— А надо было в деревне работать. Тебя бы оценили и в город перевели бы.

— Да хоть одного просто так перевели?

— Кто не пьет и трудится, того всегда переведут.

— Да что я алкоголик что ли? За кого ты меня вообще считаешь? взорвался Вовка.

— А кто же ты есть. Отец был алкоголик и ты алкоголик.

Вот и поговорили. Поняв, что ничего путного, кроме звания алкоголика он от матери не получит Вовка закончил разговор. И плюнув на все, он отправился к Лехе, надеясь, что там напьется и оправдает полученное от матери почетное звание.

У Лехи его уже поджидали братья Агеевы в полном составе. Виновниц праздника, то есть женщин, не было. Может быть, пока не было, как с надеждой подумал Вова. Спонсировал сегодняшнее мероприятие Игорь. На столе в кухне стояло три бутылки водки, а на полу валялось пустых около десятка. Видимо за дни Вовиного отсутствия жизнь здесь била ключом и все в том же русле. Компания была уже изрядно подогрета. По "видику" крутили фильм "Черная акула", боевик об Афганистане. Саша Агеев его увлеченно, как специалист комментировал.

— Меня тоже в училище МВД учили убивать. Я офицер спецназа! — слышались из комнаты пьяные утверждения несостоявшегося пожарника. — Вот, вот, спецназ пошел! Это спецназ ГРУ, а я в спецназе МВД служил. — Продолжал пожарник свои комментарии.

Ага, убивать тебя учили, — думал про себя Вовка, — рукава пожарные разматывать тебя учили, да не выучили до конца. Каком спецназе МВД, если ты и "срочку" даже не служил. А ведь как брешет складно. И бабы главное верят в это. Как и в то, что старший его брат в "Афгане" был. Да, перефразируя рекламу, жажда ничто — имидж все.

— Вован, посмотри как юрист и зацени. — Подал снова голос "спецназовец", — мне вчера "белый билет" сделали, — и с этими словами протянул Володе новенькую книжечку военного билета.

Ну что, "белый билет" как "белый билет". Во всех графах: "не служил", "не имеет", "не принимал" и коронная "как не имеющий военной подготовки призван годным к нестроевой службе в военное время", плюс загадочная аббревиатура в графе медицинского освидетельствования.

— Саш, все нормально, — вынес Володя свой вердикт, и продолжил, ребята, а я в Чечню поеду, уже оформляться в

военкомате начал.

— Да ты ох….. - подал голос Игорь, — там тебя в пять минут грохнут. Я сам в "Афгане" был, а тут вообще мясорубка.

— Да, да, мясорубка, там спецназ, — проявил свою осведомленность младший братец.

Молчал один только Леха. Он просто не знал верить ли этому. Так как уже за три дня пребывания в компании Агеевых, наслушался столько вымышленных спецназовских и афганских историй, что перестал различать грань между вымыслом и реальностью. Леха вообще был значительно умнее обоих Агеевых, просто в данный конкретный момент жизнь его сошла с колеи и как это присуще русскому человеку, он страшно запил и не мог остановиться. И как это бывает, коготок увяз и все птичке конец, так и тут, налетели пустые приятели, и понеслось.

Агеевы кинулись активно отговаривать будущего контрактника от такого самоубийственного, по их мнению, поступка. Ведь даже они, такие мастера военного дела и то туда не суются. Там место только спецназу, это особо подчеркивал младший Агеев. А Вовку в бараний рог скрутят в пять секунд по прибытии. Самому потенциальному смертнику стало не страшно, а смешно от их советов. Чья бы уж корова мычала.

Меж тем разговор с чеченской темы сразу перескочил на баб и Леха позвонил Наташке. В этот раз она пришла опять не одна. Привела с собой некую Олю, такую же видимо, как и она. Ох, и зря она пришла. Все было бы хорошо, если бы не Саша. Женщины его интересовали только как объект для его похвальбы. И Саша распустил павлиний хвост. На бис был поставлен фильм "Черная акула" и в очередной раз, заплетающимся языком, Саша поведал о том, как его учили убивать и что он там еще может сделать. Последовал и показ всяких приемов, корявый конечно. Девчонки сидели и хлопали глазами. Они просто ничего не могли понять. Вовку это стало раздражать, особенно, когда Саша загнул, что уже завтра едет в Чечню в составе спецназа МВД, и девчонки стали дружно жалеть и отговаривать его. Когда Саша уже в десятый раз произнес фразу "с моей военной подготовкой", Вовка совершенно серьезным тоном произнес:

— Саш, по моему девчонки не совсем тебе поверили. Ты покажи им свой военный билет, чтобы они сами все увидели и поверили.

Момент был выбран очень удачно. Вовка знал, что когда Сашка в угаре, как сейчас, он сам свято верит во все что говорит. И никакого подвоха не замечает. А искушение поставить на место современного барона Мюнхгаузена было слишком велико, и не смотря на опасность быть за это побитым, Вова рискнул.

— На, сам им покажи что надо, — с этими словами Сашенька протянул Вовке свой свежеиспеченный военный билет. Сам он продолжал показывать какой-то прием с кухонным ножом в руке.

Ситуация сложилась лучше не придумать. Леха с интересом смотрел на предстоящее развенчание мифа. Игорь был равнодушен. Ему и самому надоело непрерывное, не знающее границ хвастовство младшего братца. Вова тем временем, развернул военный билет на странице с надписью: "как не имеющий военной подготовки, признан годным к нестроевой службе в военной время", и показал это Ольке с Наташкой. Затем неторопливо перевернул страницу и показал запись: "не служил". Затем, по иронии судьбы именно в тот момент, когда Саша говорил, что он лейтенант МВД, указал на страничку с воинским званием, где был просто пробел. Несмотря на небольшой ум, даже до Ольки с Наташкой дошло, в чем дело и они дружно прыснули со смеху. До Саши это сразу не дошло, и он опять ляпнул, что его учили убивать в училище МВД. Тут девки упали со смеху. Леха отвернувшись, беззвучно смеялся. Игорь уже и не к такому привыкший с братцем просто улыбался, ожидая дальнейшего развития события.

Когда Сашенька понял, что смеются над ним, он пришел в ярость. Однако ярость была как ни странно, обрушена не на Вовку, сидевшего с невозмутимым видом, а на Наташку. Олька выпала из поля зрения оскорбленного "спецназовца".

— Ты, вафлерша е… ная, — стоя перед ней, кипятился младший Агеев. Да ты знаешь кто я! Я лейтенант ФСК (он уже забыл, что пять минут назад служил в МВД). Ты у меня сейчас сука сосать будешь. — С этими словами он расстегнул ширинку перед лицом Наташки.

— Саш, брось ты херней заниматься, — лениво произнес Вова (к нему пришло какое-то спокойствие, с той поры, как он начал оформление). — С чего ты взял, что она над тобой смеялась? Я ей анекдот рассказал, вот она и ржала как лошадь. Все мы знаем, что ты в спецназе служил офицером, какие проблемы?

Непривычно холодный и спокойный тон Вовки остудил Сашкину энергию, а может быть, он и сам понял глупость создавшегося положения. Теперь он повернулся к Ольке и, насколько это можно было миролюбиво, сказал ей:

— Тогда ты соси. — И к Лехе, — Поставь порнуху, ту, где ссут и срут (почему-то именно такого рода порнография всегда нравилась Сашеньке).

Однако Наташка с Олькой, как большинство блядей, щепетильно относились к своей репутации, наивно полагая, что каждый из их партнеров верит, что он второй. Поэтому, состроив

вид оскорбленной невинности, они гордо удалились. И пошла пьянка. В какой-то момент Игорь засел на телефон и стал названивать знакомым бабам, поздравляя их с праздником и пытаясь договориться о встрече. Видимо это ему удалось, и минут через двадцать он ушел на встречу. А в это время прибежала Сашкина мать и порадовала, что его жена собирает вещи и собирается уходить из дома. Сашка, резко сорвавшись, побежал ее возвращать. А Леха стал действовать совершенно непредсказуемо. Он набрал Сашкин телефон и, услышав голос его жены, стал соблазнять ее.

— Люда, я тебя люблю. Зачем тебе этот придурок. Со мной тебе будет лучше, приходи ко мне.

— Сейчас я к тебе скотина сам приду, — рявкнула трубка голосом оскорбленного супруга. (Леха не учел того, что у Саши был параллельный телефон, а ходьбы до дома ему не больше минуты). — Сейчас скотина ты у меня п… получишь.

И через мгновение ока, пока пьяный Леха не успел еще ничего сообразить, и даже замкнуть дверь на замок, разъяренный муж ворвался в квартиру. Удар и Леха растянулся в прихожей. Однако дальше ссора не пошла и через несколько минут они уже сидели за столом.

Вернулся Игорь, он привел с собой интеллигентного вида дамочку лет тридцати пяти.

— Вот, познакомьтесь, Люба, — представил он ее присутствующим, — это она Саше с "белым билетом" помогла. Она в военкомате медкомиссию возглавляет.

Вовку при этих словах как громом поразило. Вот он шанс решить медицинские проблемы, если только Игорь говорит правду. Удача сама шла к нему в руки. На фоне этой кампании Вова выглядел интеллектуалом, а именно такого плана люди видимо и интересовали дамочку. Его предчувствия оправдались. Саша опять, забыв с кем разговаривает, стал расписывать свои подвиги в МВД, а Игорь учить Вовку ползать по-пластунски. Правильнее сказать просто ползал на животе по полу на глазах у всей честной кампании. Конечно же, муссировалось Вовкино оформление в Чечню. При этом лились крокодиловы слезы и обещания всем вместе поехать в Чечню. В момент, когда Игорю удалось заползти под стол, Вова обратился к Любе:

— Люба, я не знаю, что ты тут про нас всех подумала, голова, наверное, кругом пошла, но я на самом деле оформляюсь в нашем военкомате по контракту в Чечню. Если можешь, помоги мне с медкомиссией, справки я уже собрал, теперь вот только пройти.

Люба с интересом смотрела на этого парня. В отличие от множества болтунов, окружавших ее, она, наконец, увидела

человека пытающегося что-то совершить на самом деле. Поступок конечно глупый, но все-таки поступок. И вообще после постоянного общения на работе со всякими "отказчиками" и "бегунками", наконец увидела мужчину желающего служить в армии. И не просто в армии, а в "горячей точке". Да, редкость в наше время. Конечно, видимо беден. Но коммерсанты так скучны, у них кроме денег в голове ничего нет. Военкоматовские деятели тоже широтой мышления не отличались. Обычные чиновники в погонах. Робкие перед начальством и грозные с подчиненными. Как правило, разговоры их сводились к настроениям комиссара, званиям, выслугам и сопутствующим этому благам. Боже как это скучно. А Сашенька конечно смазливый мальчик, но пустышка, глуп совершенно. Игорь конечно интереснее, но пройденный этап. Да и по правде сказать, тоже банальность. Леша тоже ничего, мальчик не глупый, но все-таки Владимир явно особняком с ними. Кажется, есть какая-то изюминка. Давно хотелось встряхнуться, встретить что-то необычное. Такие вот мысли посетили Любу. Уже лет шесть как она была разведена с мужем и вела довольно свободный образ жизни. Дочери ее было уже шестнадцать, и она росла вполне самостоятельной девушкой. Место председателя медкомиссии в районном военкомате позволяло ей финансово не зависеть от мужчин. Их вилось вокруг нее не мало, да и она мало кому отказывала. Но как-то все ей приелось. Пустые речи, пустые головы, пустые души. А ей так хотелось влюбиться в кого-нибудь. Володя подвернулся как нельзя кстати. Она выпила рюмку для храбрости и взяла инициативу в свои руки. Эту ночь они провели вместе у нее дома, благо, что жила она неподалеку. Все складывалось крайне благоприятно для нашего героя. Утром он был уверен, что пройдет медкомиссию и в ближайшее время уедет служить. А может быть и правда, что самоубийце сам черт указывает дорогу к смерти.

ГЛАВА 4

Любе все больше и больше нравился ее новый знакомый. Наконец она нашла человека, с кем можно было обсуждать самые разные вопросы. Жаль, конечно, что он упорно продолжал оформляться в свою дурацкую Чечню, и уже только и ждал отправки. Но она надеялась, что это не надолго. Может быть, он в первый же день разорвет контракт и уедет оттуда. Вообще-то поначалу она не верила вообще, что он куда-то собирается ехать. Первое, что подумалось ей, когда Вова спросил, про ее работу в военкомате, она подумала: "Ну, очередной "отмазчик"". Но, услышав, что он собрался воевать, была весьма озадачена. Да, в пьяных компаниях, ей часто приходилось слышать подобные заверения, что типа, хоть завтра поедем, и всех чеченов поубиваем и за наших ребят там покажем. Но разговоры были пусты. Вовка начал конкретно, попросил помощь на медкомиссии. Это было нечто оригинальное. Да и вообще по сравнению с Агеевыми он выглядел более серьезным и умным, хотя тоже был порядочно пьян. Леха тоже ничего, умненький малый, и симпатичен, может быть в другой раз, и с ним можно было бы. Но в этот раз Вовка перещеголял всех своей идеей "фикс". После, через три дня она увидела, что идея фикс, приобретает реальные очертания. Вовка с ее помощью быстро проскочил комиссию (его страхи о здоровье были совершенно напрасны, конечно, в ВМФ и ВДВ не годен, но для пехоты вполне сгодится) и был готов к отправке. Теперь в середине марта он уже в прямом смысле сидел на чемоданах. Помогая ему она думала, что закончив все он доказав самому себе, что то и победив свои комплексы, откажется от самоубийственного по ее мнению решения. Но Вовка почему-то не отказывался. В какой-то момент она поняла, что это кажется не игра, и он серьезно собрался воевать. Поняв это, Люба потихоньку стала терять голову. Она сочинила себе любовь. Но увы, любовь ее была, как это часто бывает, была неразделенной. Она забыла о том, что на десять лет старше своего любовника.

Сам же Володя рассматривал Любу как полезного друга, но никаких чувств, кроме признательности к ней не испытывал. Часто ловил себя на мысли, что поступает подло, и что заслуженно принимает безразличие Наташки к своей особе. Но ничего поделать уже не мог. Да и в самом деле. Ну какие планы можно строить с женщиной старше себя на десять лет. А впереди неизвестность. Можно конечно, присосаться как пиявка и сесть к ней на шею, что предлагали ему кое какие знакомые. Но играть роль альфонса Вовка долго бы не смог, да противна ему эта роль.

И вообще было стыдно сидеть дома, да ладно бы еще заниматься чем-то полезным, а то просто как трутню, когда молодые ребята воюют. Вовка не смог бы себе простить бездействия в такой момент. Не сказать, чтобы им овладел патриотизм, нет, проснулись какие-то авантюрные черты идущие из подсознания. Его обуяли древнейшие инстинкты, гнавшие мужчин испокон веков истреблять ближнего своего. Мысль, о том, что может быть и ему придется убивать кого-то Вовку ни сколько не пугала, а наоборот возбуждала. А риск быть убитым? "Мужчины испокон веков воевали, — думал он, — и это считалось их нормальным делом". А еще Вовка не любил "черных". Но еще более Вовка не любил тех соотечественников, что призывали бить "черных", а когда представилась возможность делать это с оружием в руках на законном основании в их логове, так оставались сидеть дома и продолжать проповедовать чистоту нации.

Люба по мере сил отговаривала Вовку от поездки.

— Ну все, показал всем, какой ты крутой, — говорила она после акта любви, — теперь хватит. Давай бросай эту идею. Оставайся здесь. Будем жить вместе. Я поговорю с кем ни будь и что ни будь придумаем.

— Люба, ну что ты можешь мне предложить. Опять жалкое существование. Что я тут буду делать?

— Жить, жить со мной. Зарабатывать "бабки", как все.

— Вот именно, как все. А как все не получается. Мне надо встряхнуться. Пойми, сейчас я просто не вижу никакого выхода. Тупик. — Вова не стал обижать ее и не прибавил, что жизнь с дамой бальзаковского возраста, считающей себя вечно юной и неотразимой, никак в его планы не входит.

Видя, однако, что с этого конца зайти не удается, Люба изменяла тактику. Вместо похвал она принималась стыдить Вовку:

— Ну куда ты прешься. Туда же едут одни БОМЖи, изгои. Ты посмотри, вот приходят к нам в военкомат устраиваться по контракту, сюда в М-ск, отличные ребята. Умные, красивые. Именно сюда. В Чечню ехать они не собираются. Они не совсем идиоты. — И как последний аргумент. — Ну хочешь, я тебя устрою в какую ни будь воинскую часть здесь?

— Люба, да пойми ты, — устало отпирался Вовка, — я не хочу мести плац и копать ямы здесь. Я хочу испытать себя, встряхнуться. Доказать самому себе, что я не такое ничтожество, как кажусь. Не хвастун, как Агеевы, не пьянь, каким меня видит мать. Все Люба, хватит об этом, давай лучше поговорим, о чем ни будь более приятном.

Все чаще их беседы сводились к религии. Владимир как

выяснилось, обладал неплохими познаниями по этой теме. Сама же Люба не так давно начала проявлять интерес к оккультизму, хотя, до конца верующей не была. Однажды, у них произошел интересный диспут.

— Религию придумали трусы, — вещала Люба, держа стакан пива в руке, просто страшно, что после смерти умрешь навсегда, и ничего не останется. Просто небытие. Вот и придумали, что со смертью жизнь не закончится. Таким образом, просто самоуспокоились. Мол, душа не умрет, она бессмертна. Это трусость. Признать, что ты умрешь, раз и навсегда, вот где требуется мужество. А религия удел слабаков, таких как ты, — не преминула она уязвит Вовку.

— Люба, а ты никогда не думала, — ответил Вовка, — что вечный ад, ведь не так-то просто попасть в рай, страшнее любого небытия. Скорее наоборот, трусам выгоднее атеизм. Умер и все. Ушел от расплаты. Можно сказать отдыхаешь. Что лучше, просто уйти в небытие, заснуть и не проснуться или вечные муки. Муки, которые никогда не кончатся. И жить с сознанием того, что вечная жизнь может быть вечной жизнью в муках, кого же успокоит такое? Нет, тут дело не в самоуспокоении. Слишком примитивно думать, что так люди избавлялись от страхов, скорее наоборот.

Люба опустила стакан и задумалась. Глубоко затянувшись сигаретой, она произнесла:

— А знаешь, с этой стороны я никогда не подходила к вере в Бога. Это неожиданно. Да, ведь, в самом деле. Вечный ад это страшнее просто исчезновения.

Любу поразила такая простая логика в словах Володьки. Как все оказалось просто. Без этих разглагольствований о смысле и цели жизни. Вот так все просто, без всякого самообмана. Но вскоре, она конечно забыла об этом. Зачем действительно, забивать голову пустыми мыслями, когда полная стиральная машина белья и обед не готов.

Однако время неукоснительно приближалось к отправке. Прошло две недели после их знакомства, и Вовке была назначена отправка. За это время он познакомился с еще одним кандидатом на службу. Неким Игорем. Игорь, если верить его рассказам, раньше служил пожарником в Грозном, теперь вот то ли купил, то ли снял квартиру в Воронеже. Едет в Чечню в надежде заработать денег. Вообще человек был какой-то мутный и загадочный. Но других желающих в военкомате не нашлось.

Жизнь за это время в душе Володьке разделилась на две части, до и после того как он решил ехать. Теперь он смотрел на вчерашних знакомых, как на малых детей. Он напоминал

первоклассника среди детсадовцев. Те только играют в школу, а ему завтра на первый урок. Однако жизнь как шла, так и шла. Агеевы по прежнему на каждом шагу и при каждой пьянке обещали разобраться с чеченами и прямо завтра уехать туда в составе спецназа. Леха продолжал пить, в промежутках встречаясь с Наташкой (да и не только с ней). Наташка тоже частенько "зависала" у Лехи (да и не только у него). Жизнь шла своим чередом. Володькина мать толком не понимала, что вообще хочет ее сын. Иногда она делала попытки отговорить его от поездки. Но аргументы типа "жить как все и работать" не выдерживали критики. Однажды мать вообще сказала:

— А что тебе не хватает. Работа есть, Люба вон есть. С ней и живи.

— Ну, о работе я уже говорил, — огрызнулся Вовка, — А Люба, да она на десять лет меня старше, ты чего ма, вообще?

— А чего тебе вообще надо, ишь ты старше, а тебе что, молодую подавай?

Крыть тут действительно было нечем. Вовка только еще раз поразился. Ну почему все, даже собственная мать, отводят ему самое последнее место в жизни. Почему-то, что для других естественно, для него считается какими-то повышенными амбициями. Не раз Вовка задавался этим вопросом, ведь отнюдь не глуп, не уродлив, не такой уж и лентяй и пьяница, как считала мать, а все идет не в руки, а мимо. И сам себе отвечал на этот вопрос. Просто он беззащитен в жизни. Слаб и нет сил стоять за себя, он мог многого добиться, и это довольно просто давалось ему, но удержать успех совершенно не мог. Всегда находились стервятники, не обладавшие и сотой долей его способностей, но имеющие нюх на удачу и умеющие вовремя ее отобрать. Еще отзывчивость и готовность помочь другим. Качество хорошее в книгах, но очень вредное в жизни. Тот, кому ты помог, может по твоим плечам залезть тебе же на голову. И так в его жизни бывало не раз.

А уже наступил конец марта, и завтра была отправка. Вещи были собраны. Эту последнюю ночь он ночевал дома. С Любой. Конечно, он предпочел бы с Наташкой, но та, сославшись на какие-то срочные дела, не смогла прийти. (Она договорилась о встрече с Игорем Агеевым). Никакого банкета не было. Просто выпили. Был Леха, который спешил к очередной подруге, Сашу Агеева никто не приглашал, но он сам наведался, представившись на этот раз уже старшим лейтенантом ФСК. Плел что-то про спецназ, но его никто не слушал — скучно.

Ночь он практически не спал. Нет, не из-за секса. Просто, наконец, к Вове пришел настоящий страх. А вдруг и, правда,

убьют. А может, ранят так, что буду лежать как кусок мяса, слепой, глухой, никому не нужный. Кому действительно нужно все это. Вон друзья, как жили, так и живут. Практически также бесполезно, как и он. И ничего. Выдумали себе вымышленный мир, где один офицер ФСБ, другой крутой, живущий по понятиям, третий философ доморощенный. И что? Люди принимают их такими, какими они смогла показаться. Ну ладно, это так, а если взять и сокурсников, которые преуспели в жизни, они что, без маски? Наверное, да. Так же, наверное, смогу и я. Смогу ли? Нет, и дело не в совести. Дело в слабости. Чего уж там, я боюсь разоблачения маски. Они не боятся, а я боюсь. И надо хоть перед собой в этом признаться. Да, я трус, теперь я тщусь доказать себе обратное. Назад хода нет. Я не смогу жить в маске. Тем более те же, кто не сделав и шага, будут упрекать меня в трусости, если я откажусь. Они не смелее меня, они сильнее и наглее. Да черт бы с ним, с мнением людей, но ведь я сам хочу познать себя. Другого шанса может не быть. Кто знает, я ведь надеюсь, что может быть, после приезда что-то изменится в моей жизни. В конце-то концов, хотя бы и деньги. Хотя бы их я получу. Хотя бы решу кое-какие бытовые проблемы. Как бы там ни было завтра еду. А если и убьют, невелика потеря, так сорок дней поплачет мать, а так со мной сорок лет еще плакать придется. А инвалидность? А что, мне и так здоровому ничего не светит, а буду без рук и ног, так хоть не обидно. Еще и пенсию назначат, хоть и небольшую, а руками и ногами своими я и того не заработаю. Про голову уж молчу, совсем не ходовой товар. Но страх все равно не проходил. Его охватила нервная дрожь. Люба пыталась успокоить его, но заснуть так и не удалось. Завтра предстояло ехать в неизвестность.

ГЛАВА 5

Утро было солнечным. Весна пришла рано. Снег растаял уже как неделю назад. Последние дни марта напоминали начало мая. Таща сумку с вещами, Вова в сопровождении матери и Любы подходил к областному военкомату, где собирались "солдаты удачи" со всей области. Вовка совсем не хотел этих сопровождающих. Особенно Любу, с ее придуманной любовью и обещаниями ждать. Да на кой черт мне нужно твое ожидание, — думал про себя он. — Ну приеду даже, неужели она думает, что я начну жить по старому. Не знаю лучше или хуже, но так не буду. Да и потом, если деньги платят неплохие, неужели не найду кого помоложе? Вслух конечно Вова этого не произносил, но и не рассыпал обещания в вечной дружбе и любви. Просто намекал, что не надо Любе строить далеко идущие планы и вообще… Однако Люба восприняла это, как страх за будущее и опять запела старую песню об отказе от поездки, раз он уже всем доказал, какой "крутой", а там можно сочинить сказку перед друзьями о том, что по каким-то причинам (конечно уважительным) забраковали перед выездом. Мать полностью поддержала эту спасительную мысль. Вовке надоели эти глупости, и он довольно грубо оборвал бабьи причитания и без них тошно на душе. Ведь посмотрев по сторонам, где буйствовала ранняя весна, и шло много улыбающихся людей, он впал в депрессию еще большую, чем ночью. Особенно тревожил Вовку вид девушек, начавших сбрасывать верхнюю одежду. Гуляли парочки, обнимались, целовались. Жизнь манила и словно сама природа призывала его образумиться.

Но Вова был не наивен. Он прекрасно понимал, что эта яркая жизнь не для него. Стоит только ему поддаться искушению и кинуться на поиски земных и понятных радостей, как иллюзия счастья тут же рухнет. Девушки будут проходить мимо него, не обращая никакого внимания, на невзрачного, плохо одетого молодого мужчину. И снова тоска. И снова вынужденное безделье или может быть, какая ни будь грязная, низкооплачиваемая и не престижная работа. В реальности вместо молодых, пышущих здоровьем и любовью девушек, рядом будет "бальзаковская" женщина, к которой не испытываешь никаких эмоций, пустые друзья, живущие в своих алкогольных фантазиях и постоянный вопрос к себе: "Почему я не сделал это?" Может быть лучше и не будет, но ждать у моря погоды не было сил.

Возле областного военкомата уже стоял Игорь из Грозного и еще человек тридцать мужичков, лет так тридцати. Вид

большинства был весьма неприятный. Какие-то БОМЖи. — Подумал Вовка. — Наверное, и я так же выгляжу со стороны. Вот это и есть профессиональная армия. "Дикие гуси, псы войны, солдаты удачи", да вот они какие оказывается. Ну и черт с ним, с волками жить, по-волчьи выть. В воздухе вокруг стоял стойкий перегарный дух. Впервые может быть, Вовка понял, что он не один такой, неприкаянный, а в этом его постоянно убеждала мать. Иногда, в душе Вовка хотел представить, с кем ему придется служить, но в голову ничего не лезло. Игорек не в счет, он был какой-то скользкий и непонятный, тем более сам из Грозного, черт его разберет. Теперь вот увидел. Впрочем, логика подсказывала, что именно это он и должен был увидеть. Интересно, что не было провожающих, в этом плане Вова выглядел "белой вороной". Дальше все произошло быстро, по одному заводили в кабинет, где проверяли данные и выдавали сухой паек на три дня. Никого не отсеивали, даже откровенно пьяных. Как выяснилось, трое не явились. Их ждали, но не дождались, и в назначенное время команда нетвердым шагом отправилась на вокзал к Московскому поезду. По дороге, как и предсказывал майор на инструктаже, все вели себя как стая гамадрилов. Отпускали циничные шуточки в адрес женщин, кто-то совсем пьяный, пытался затянуть песню. Вовке не терпелось спровадить провожающих, так нелепо выглядели в этой кампании мать с Любкой. Все, надо вливаться в новый коллектив, нравится он или нет, но жить теперь придется с этими людьми.

Сосед Вовки, худой, невысокий парень, изможденного вида, с черными усами, типичный житель села уже набивался в собеседники. Вообще-то правильнее будет сказать, что в собеседники он набивался скорее Любе, чем к Вовке.

— Я сам, из этого ада семь лет назад вышел, — вещал парень трагическим тоном в сторону раскрывшей рот Любке, — теперь вот к "бачатам" опять еду.

Вовка тупо слушал рассказ парня, о том, как он служил в Афгане, потом был младшим лейтенантом милиции, но разжалован в рядовые, а потом и уволен. "Обычная история", — пронеслось в голове Вовки. Любка в свою очередь рассказывала ему про Вовку, в общем, глупый разговор.

Наконец началась посадка. Сопровождавший их группу подполковник с обл. военкомата, еще раз напомнил о трезвости и строгости отбора, там, куда они прибудут на формирование. После чего все тридцать человек разместились в плацкартном вагоне. Ехать было только ночь. Несмотря на предупреждение сопровождающего, началась пьянка. Подполковник, понимая, что не в силах остановить веселье, поступил весьма мудро. Он сразу

же лег спать, с головой накрывшись одеялом. Может, и не спал, а делал вид, тем не менее, в его положении это было весьма разумно. Ночью все перебратались, переругались, еще раз помирились. Слышались клятвы и заверения вечной дружбы и прочая дребедень сопровождающая чисто мужские попойки. Вовка ничем не уступал остальным. Уже ближе к утру, он сидел за столиком с мужичком лет сорока. Подъезжали к Москве. Они выпили последние сто грамм для поправки здоровья. Мужичек рассказал Вовке, что служил уже по контракту, в какой-то воинской части, но уволили его. Теперь вот надеется снова служить. Однако дальнейшая его служба была под угрозой и вот почему. Ночью у него совсем "сорвало крышу" и он, встав в проходе вагона, расстегнул ширинку и с криком: "Штормит!" стал мочиться прямо на ноги спящему подполковнику-сопровождающему. Подполковник вновь поступил мудро, не подал виду, что заметил, хотя Вовка видел, как он выглянул одним глазом из-под одеяла. А что тут в пьяной толпе докажешь. А вот теперь утро и мужичек явно боялся репрессий со стороны сопровождающего, его хмельная вчерашняя удаль пропала. Вовка дежурными словами успокоил незадачливого соседа, он был не в чем не уверен.

Поезд подошел к Москве. Построив на перроне свою команду, подполковник достал из объемистой сумки папку с личным делом и протянул ее обмочившемуся мужичку со словами: "Все, на этом ваша карьера закончена, возвращайтесь обратно". Мужичек пытался воззвать к жалости и плелся за командой, которая шла к метро. Однако подполковник пресек его попытки суровыми словами: "Все, я вам сказал. Я же вас вчера предупреждал". На метро команда добралась до Курского вокзала, где предстояло целый день ждать поезда до станции Ильино, а там ждала дорога на Мулино.

На вокзале толпа будущих контрактников разбившись на группки разбрелась в разные стороны. Жизнь бурлила. Вовка с Игорьком решили скоротать время в кафе на втором этаже вокзала. К ним присоединился и еще один парень, по имени Серега. Взяв много водки, и по традиции ничего закусить они расселись за столиком. Кафе было практически пусто. Только еще за одним сдвоенным, несмотря на раннее время, гуляла кампания молодых ребят, по виду Москвичей. Там были и девушки. Пока Серега с Вовкой отходили по нужде, Игорек умудрился "приклеиться" к столику аборигенов. Теперь он сидел между двух девушек, и что-то вещал остальным. Увидев приятелей, он приглашающе махнул им рукой. Вовке кампания не понравилась, но он пошел туда, что бы забрать Игоря. Серега сразу же ушел,

ему тоже все это не нравилось. Как и следовало ожидать, веселящиеся москвичи смотрели на Игоря, как на шута горохового, пригласив его для смеха. Развеселить кампанию. Когда подошел Вовка, тот доказывал смеющимся местным жителям, что он не БОМЖ, а приличный человек. На что сидящий напротив молодой парень с дерзким лицом и серьгой в ухе добродушным голосом возражал:

— Да брось, ты, ну кто в Чечню едет, одни БОМЖи. Ну, кто вы есть лохи. Ты вот на себя посмотри — парень ткнул пальцем в обветшалую куртку, одетую на Игоре. — Вы жить не умеете, вот вас и сгоняют как баранов. Да вы и есть бараны.

Увидев Вовку, Игорь привел веский, как ему казалось аргумент.

— Нет, ты не прав. Вот, например, юрист среди нас есть, — с этими словами он показал на Вовку.

Кампания грохнула со смеху. "Этого только не хватало", — подумал Вовка. — "Все увожу его, а то до драки дойдет".

— Это вот это что ли юрист? — продолжая хохотать, указал пальцем на Вовку все тот же парень с серьгой.

— Да, это вот юрист, — важно подтвердил пьяным голосом Игорь.

Понимая, что его внешний вид вызывает смех, в общем-то, справедливый, Вовка не стал ничего доказывать, а просто, нагнувшись к Игорю, на ухо прошептал ему: "Пошли отсюда. Ты что не видишь, над тобой смеются. Ты как знаешь, а я пошел". Игорь отмахнулся от этого предложения и заверил Вовку, что еще развлечется с девушками. "Ну и хрен с тобою" — подумал Вовка, — и, выпив поднесенную кем-то из сидящих рюмку ушел на первый этаж. Не успел он спуститься, как следом по лестнице кубарем покатился Игорь. Из носа его текла кровь.

— Вот скоты, — и уже Вовке. — Пошли ребят соберем и разберемся с ними.

— Ну его Игорек. Сам виноват. Я тебя звал, а ты все останусь, с бабами развлекусь, вот и развлекся. Ты что не понял, что нас за идиотов считают? Я уже давно понял.

Словно в подтверждение его слов к ним подошли трое парней из их команды и пожалились, что попали под раздачу, возле пивной. Конфликт начался из-за пустяка: попросили у местных, чтобы добавили пару рублей на пиво. Все было бы ничего, но как они сказали, что в Чечню едут, тут их и "отоварили".

В остальном день прошел практически без приключений. Вовка после инцидента в кафе предпочел в одиночку бродить по вокзалу, рассматривая витрины многочисленных ларьков и слушая музыку, которая звучала из каждого киоска. Он любовался

цивилизацией, от которой придется отдохнуть. На сколько точно Вовка не представлял. Но более чем на три месяца контракт подписывать не собирался. "Три и хорош", — решил он для себя. — "Увижу, что почем и домой. Да там и так все уже кончится, может уже через месяц". С такими мыслями он сел в поезд, на котором их довезли до станции Ильино.

Здесь на станции уже собралось изрядно пьяных мужиков. Это были команды из Рязани и Нижнего Новгорода. Все три партии набили в присланный из части автобус и повезли по лесу. М-ские на фоне остальных, выглядели образцом добродетели. Остальные были чуть живы от пьянки. Стоял крик, ругань. Один парень из Рязани, в камуфлированной куртке кричал на весь автобус, что он десантник и непременно пойдет служить только в ВДВ. По приезду в часть всех завели в клуб, где на стульях в актовом зале, уже дремали приехавшие раньше мужики. Здесь ждало первое разочарование.

На сцену вышел загорелый подполковник в полевой форме и спросил, обращаясь к залу:

— Механики-водители БТР, БМП, крановщики, сварщики, авто слесари есть?

— Десантники, десантники есть, — прокричал Рязанский десантник. Десантники нужны?

— Нет, десантники не нужны, — отрезал подполковник, — нужны те, кого я назвал. Если такие есть, то выходите сюда. Я набираю в NNN мотострелковую бригаду.

Вышло несколько человек, подполковник, быстро записав их, увел из зала, сказав на прощание:

— Все пехоту набрали. Больше никто не нужен.

Больше на сцене никого не было. Минут через двадцать выяснилась плохая вещь — оказалось, что это был последний "купец" с пехоты, и иных не предвиделось. "Попали", — возникла одновременно у всех одна и та же неприятная мысль. Сопровождающие как могли, успокаивали своих подопечных, но обстановка накалялась все более. Все рвались воевать. Немного сбил накал, непонятно откуда взявшийся капитан, объявивший, что скоро должен прибыть купец и набирать огнеметчиков. Формируется какой-то огнеметный батальон. Кого и сколько он будет брать неизвестно. Но других "купцов" уж точно в ближайшие дни не будет.

Наконец, часа три спустя, в зале появился майор со знаками различия химических войск. Он и оказался долгожданным "купцом". "Купец" записал к себе всех оставшихся, а было их около сотни, и кратко объяснил, что формируется в Кинешме огнеметный батальон, который недели через три будет отправлен

в Чечню. Делать было нечего и Вовка, как и все остальные в тот же день поехал в Кинешму. Как завидовал он, тем дядькам, одетым в новую форму, что слонялись вокруг клуба. Они тем же днем самолетом отправлялись прямым ходом в Чечню. В Кинешме их одели, обули, выдали жетоны-"смертники" и на следующий день отправили на полигон, где начали готовить огнеметчиков. Контракты со всеми заключили на три года, иных вариантов не предлагалось. Вовка подписал не глядя, все равно. Тем более контракт можно было разорвать в любое время. Началось месячное сидение в этом городке.

ГЛАВА 6

В Кинешме, несмотря на апрель, весна не наступила. Лежал снег, конечно уже явно не зима, но и не лето. Недели три будущие огнеметчики месили жидкую грязь на полигоне. Народ подобрался на славу. Каждый второй разведен и имеет огромную задолженность по алиментам, все бывшие безработные или такие же работники без рубля, как и Вовка. Много настоящих алкоголиков. Все только и твердили, о том, какие они продуманные ребята и как мудро распорядятся полученными деньгами. Одно было Вовке невдомек, как же такие умники, да так опустились. Строить планы на будущую жизнь было до зевоты скучно. Вовка понимал, что кроме мелких бытовых вопросов деньги ему ничем не помогут. А большинство просто боготворило ожидаемое жалование, (не такое уж и большое, для мужика у кого руки и голова на месте) как древние евреи золотого тельца. Отличались от этой толпы москвичи. Они, надо отдать им должное, несмотря на остальные недостатки, более трезво, чем жители российской глубинки, особенно сельской, смотрели на финансовые вопросы. Более их интересовала сама война. Может, были и какие еще причины, но на первом месте у них стоял авантюризм. Вот такой народ и обучали на огнеметчиков, и обещали в скорейшем времени, как сформируют батальон, отправить в Чечню.

Вовка узнал теперь, что огнемет это не что-то вроде паяльной лампы, а реактивное оружие, выбрасывающее заряд на несколько сотен метров. Реактивный пехотный огнемет РПО-А, он же "Шмель", напоминал скорее гранатомет "Муха", только большего размера. Он был прост в обращении и Вовка, как и другие его сослуживцы, а собралось здесь свыше двух сотен человек, быстро научился им пользоваться. Заряд летел прямо, куда ты смотришь в диоптрический прицел, а при поражении 50 кубометров, белке в глаз попадать не обязательно. Трезвая и активная жизнь на свежем воздухе благотворно подействовала на Вовку, да и на многих других тоже. У него перестали трястись руки, появился аппетит. Все было хорошо, только отправка задерживалась. В конце апреля всех вернули в казармы и выдали жалование. Что тут началось. Две сотни мужиков, не знающие чем им заняться, ринулись в город. Начались склоки и увольнения. Первым был уволен "сказочник".

Это был удивительный мужик лет тридцати шести, бывший водитель троллейбуса из Калуги. Он с первых же дней стал рассказывать о себе истории одна другой удивительнее. Сначала,

он говорил всем, что он младший лейтенант из спецназа, а сейчас вот едет рядовым, потому что офицерский военный билет в военкомате на спец. учете на случай войны. Полагая, что в эту дребедень все поверили, "сказочник" стал панибратски обращаться к офицерам, называя их "коллеги". Однако, когда раздали материал на портянки, "сказочник" порвал его на кусочки размером с носовой платок и пытался намотать их на ноги. В ответ на недоумение сослуживцев, "сказочник" объяснял, что, будучи офицером, носил носки и ботинки. Постреляв на полигоне "сказочник" совсем вошел в роль "спецназовца" и стал рассказывать, как его выбрасывали с вертолета в безлюдной местности с коробком спичек и ножом. Он успел повоевать в Афганистане, но вершиной его фольклорного жанра явилась история о "самоходе".

— Один раз, мы с пацанами на танке поехали в деревню к бабам. Самозабвенно врал "сказочник". — А там река, ну никак танком не переехать. Так мы что, нашли, где брод помельче, вчетвером башню сняли, гусеницы и перетащили так через речку. Потом собрали обратно и поехали.

Все это говорилось серьезным тоном. "Сказочник" не шутил. После рассказа наступила минута молчания, закончившаяся гомерическим смехом. "Сказочнику" никто не верил. А вскоре увидели его военный билет, он был такой же, как и у Саши Агеева. Как ему удалось пробраться осталось загадкой. Но "сказочника" так "заклевали" сослуживцы, что командир батальона уволил его. На прощание "сказочник" остался верен себе:

— Ну что ж, придется теперь младшим лейтенантом ехать, — говорил он, получая документы в строевой части. — Я еще раньше вас в Моздоке буду. Еще покомандую вами.

Одновременно по военному билету был и разоблачен Серега, выдававший себя за "афганца". Тот самый Вовкин и Любкин собеседник.

Вторым был уволен Игорь, тот самый, с кем Вовка познакомился в своем военкомате. Игорек не сошелся с сослуживцами. Слишком защищал чеченов, говорил, что они хорошие люди. По пьянке он был бит за такой "интернационализм". Игорь после этого стал утверждать, что "с этой братвой воевать нельзя". Потом поделился с Вовкой радостной вестью, что его берут прапорщиком в эту часть, и теперь служить он останется в Кинешме до пенсии, однако уже через день валялся пьяным на койке. Еще через день его уволили.

Отсеялось всего к концу месяца человек пятьдесят. Многие и сами бросали службу, не надеясь на отправку. Кстати первыми

бросали службу те, кто больше всего твердил о том, что ему надо зарабатывать деньги и те кто "фанател" от военной службы. В конце концов, уже в мае объявили, что оставшиеся, если пожелают, будут отправлены на формирование в Нижний Новгород, где теперь ожидается отправка. Как альтернатива — продолжать службу в Кинешме. Вовка, как и все согласился.

Остатки батальона повезли в Нижний. Там их скопом, вместе с еще большим количеством таких же, записали в NNN мотострелковый полк. Вовка понял, что опять оказался обманут. С новичками заключали контракты на шесть месяцев и на год, а с ними уже был заключен на три года. Командование имело неосторожность выдать "подъемные" новичкам и пошла пьянка. Отправка намечалась через три дня, самолетами. Им всем еще раз напомнили, что попали они в пехоту, а пехота это не фильмы про Рембо, а это когда ротный сказать лежать, значит лежать, сказал стоять, значит стоять.

Каждый день происходило, какое ни будь шоу. Например, на второй день нахождения, все команды, а было там около полутора тысяч человек, построились в каре на плацу. Под музыку оркестра вышел командир дивизии, в которой они находились — генерал-майор. Генерал, проходя вдоль рядов, остановился у одного парня с сержантскими лычками на погонах. Парень представился: "Сержант Петров". В ответ раздался громоподобный генеральский рык: "Ты больше не сержант" и лычки были безжалостно содраны командирской рукой. Бедолага что-то тихо и робко возразил в ответ, и плац огласился очередных шедевром военной словесности, надолго запомнившемся Вовке, он потом по пьянке не раз употреблял его: "Мне мое воинское звание и состояние здоровья, позволяет тебе пяткой в лоб уе…ть!"

Но самым большим любителем шоу был начальник сборов полковник Цыганков. Он любил обходить ряды контрактников, выискивать несколько жертв, из тех, кто был сильно уж пьян, выводить их перед строем и демонстративно рвать их военные билеты, после чего пинками выгонять за КПП. Однако репрессии Цыганкова носили скорее театральный, нежели карательный характер, ибо большинство жертв, уже через час вновь оказывались в строю.

Все свободное время в Нижнем было занято нахождение на плацу и бесконечными смотрами имущества и обмундирования. Ночи и вечера были отданы Бахусу. Наутро, кое-кто стоял в мокрых штанах, которые высыхали в несколько часов на жарком майском солнце. Сосед Вовки, бывший капитан милиции стоял так в строю уже третий раз. В этот раз, какой-то новый капитан стал читать ему мораль. Еще не протрезвевший до конца мент

уныло кивал головою, заранее соглашаясь со справедливой, если так разобраться, критикой.

— А что, вы его ругаете, — подал голос Вовка, — он такой же капитан, как и Вы, только милиции.

— Ты, что, правда, капитан милиции был, — удивленно спросил офицер.

— Да, был, — покорно кивнул головой мент, — старшим оперуполномоченным уголовного розыска.

— Да, дела, — сказал напоследок армейский капитан, еще раз остановив взгляд на мокрых штанах.

В день отправки по плацу бегала собака в шапке-ушанке привязанной на голове и жетоном-"смертником" на шее, хвост пса украшал камуфлированный бантик.

Наконец, на аэродроме под Нижним Новгородом контрактников загрузили в два транспортных самолета ИЛ-76. Грузили человек по пятьсот в каждый, сажая вплотную друг к другу. Вовке досталось место на втором этаже посередине. Все время полета, а длился он часа два, не было никакой возможности посмотреть в иллюминатор. Было непонятно в воздухе он или нет. Ощущение от полета было только в виде вибрации. Как Вовка не волновался, но ничего с ним страшного не произошло. Хотя до этого он летал в детстве на "кукурузнике", от чего у него остались дурные воспоминания о тошноте и рвоте. Теперь этого не было. Через два часа сильным зноем прилетевших встречал Моздок. Был уже май месяц, в Нижнем, откуда улетали, было уже очень тепло, здесь же действительно стояла жара. Было уже где-то послеобеденное время и солнце палило в полную силу. Над бетонкой взлетно-посадочной полосы вилось какое-то раскаленное марево. Вовка вместе со всеми выгрузился и с любопытством рассматривал военный аэродром, куда они прибыли. Вдали виднелись горы, там была Чечня. "Ну вот и все, наконец-то", — сказал сам себе Вовка, — "теперь уж обратно дороги нет, по крайней мере ближайшее время". С такими мыслями он двинулся к палаточному городку, располагавшемуся метрах в пятидесяти от взлетной полосы.

Аэродром был заполнен разными боевыми самолетами и вертолетами. Особо поразил Вовку выруливавший на взлетную полосу огромный четырех моторный бомбардировщик, который, медленно взлетев, взял направление в сторону гор. Оттуда же на аэродром заходила на посадку пара штурмовиков. Как он заметил после, штурмовики взлетали и садились постоянно. Жизнь в небе Моздока кипела. Да, война, оказывается, идет и довольно интенсивно. А я то думал, что тут просто милиция одна орудует, да спецназ. А тут выходит, и бомбят чеченов постоянно, а иначе

чего они разлетались. Ну ничего, главное добрался. А как там интересно дома? Чего делают старые знакомые? Небось, опять пьянствуют, да рисуются друг перед другом, кто круче. Да черт с ними. Такие мысли бурлили в Вовкиной голове. Однако в этот день в саму Чечню он опять не попал. Сразу отправили тех, кто попал в NNN бригаду, а их NNN полк должны были забрать только завтра. Ночь предстояло провести в палаточном лагере. Их разместили в палатках на двухъярусных солдатских койках. Накормили в столовой, находившейся под навесом. Здесь были и те, кто ехал в Чечню, и возвращавшиеся домой. Из тех, кто возвращался домой, никто не остался ночевать, все стремились улететь тем же днем. Вовка с завистью смотрел на молодых ребят, переодетых в новую камуфляжную форму, которые прошли мимо него в сторону транспортного самолета. Это были "срочники" "дембеля". Они спрашивали, что ни будь из гражданских вещей. Им давали, у кого что было. Вовка отдал им джинсы. Как такового разговора не состоялось. Но вид у ребят был неплохой. Загорелые до черноты, правда, худые. И не было в них ничего героического или воинственного, что отличало бы этих воевавших ребят от остального мирного населения. Пожалуй, Агеевы выглядели куда более агрессивно и мужественно.

Ближе к вечеру Вовка увидел чудо зверей — медведку и цикаду. Первое животное было выловлено, когда делало подкоп под палатку. А вторые представители фауны всю ночь стрекотали над палаткой и часто падали под ноги. В остальном, если не жара, то в принципе, климат особо не отличался от средней полосы.

Наутро, записанных в NNN полк, человек сто пятьдесят погрузили в огромный транспортный вертолет МИ-26. В этот раз Вовке повезло и он сидел на полу возле иллюминатора, оседлав вещмешок и во все глаза смотрел на землю. Вертолет летел медленно и невысоко. Перед глазами проплывали скопления танков, БМП, самоходных артиллерийских установок. Земля всюду изрыта окопами, какими-то насыпями. По дорогам тащились в пыли военные колонны. То тут, то там виднелись руины зданий. Сам полет в вертолете, несмотря на всякие "страшилки", рассказываемые более опытными товарищами, напоминал поездку в переполненном автобусе. Тесно и трясло. Иных неприятных ощущений, кроме жары, Вовка не испытал.

При посадке в Ханкале, пригороде Грозного, где расположен штаб группировки, ждали новые впечатления. Достопримечательностью заросшей травой площадки, куда сел вертолет, была огромная свалка разбитых самолетов. Многие, в том числе и Вовка, принялись рассматривать обломки. Солдат

срочник, уныло бродивший с лопатой вокруг вертолетной площадки охотно рассказал "экскурсантам" о происхождении обломков. Оказалось, что это остатки Дудаевской авиации разбомбленной нашими в первые дни войны. А аэродром их находился здесь. Вовка сам служивший срочную службу в ВВС узнал по надписям на обломках, что принадлежат они легким спортивным самолетам. "Да, несерьезная авиация, была у чеченов", — подумалось ему.

В ожидании колонны с полка все развалились на траве. Шла обычная солдатская болтовня. Вовка, раздевшись до пояса, загорал в компании Сереги, лже-афганца, и Кольки, тоже земляка, деревенского мужика, зам. командира взвода по Кинешме. Серега заметно нервничали. Лже-афганец расписывал ручкой кепку. На козырьке он нарисовал слона, примерно так, как его изображают на наскальных рисунках, теперь выводил сбоку поясняющую надпись "СЛОН".

— Серег, и что это значит? — спросил Вовка.

— Слон, чего не видно, что ли.

— Да нет видно, а на кой хрен он на шапке? Чего это значит?

— Чего хочу, то и рисую, — необычайно злобно огрызнулся Серега. — Я на войне, что хочу то и делаю, ясно тебе.

"Да, поговори тут, он еще раз на войне и драться полезет из-за пустяка", решил Вовка и перестал выспрашивать живописца. Ему вообще была непонятна нервозность Сереги. Вроде парень сам рвется воевать, по крайней мере, на словах, а тут психует и раньше времени панику поднимает. Напустил трагизму. А чего раньше времени то паниковать.

Колька тоже сидел угрюмый, и на попытки Вовки повести разговор, о чем ни будь веселом, огрызнулся и отвернулся в сторону. Колька вообще за все время нахождения в Кинешме отличался неестественной серьезностью. Все время он по поводу и без говорил, что для него самое главное это его семья. Жена, которую он любит и дети, о которых он заботится. Колька так тщательно планировал покупки на деньги, которые получит, что Вовке в душу закрадывалось сомнение, не рисовка ли это? Уже был один такой семьянин Андрюха. Тоже, только и толковал, что о молодой жене и новорожденном ребенке, для которых он поехал деньги заработал. Все разговоры о супружеской измене гневно пресекал. Все только и твердил: "Я жену люблю, она для меня все". А вышло что? Как дали деньги, так он в первый же день, какую-то бабу в Кинешме подцепил. Да ладно бы просто подцепил, а то уволился сразу же и заявил, что останется здесь жить с новой любовью. Как уж, где и на что он собирался жить неясно. Но факт есть факт, Андрюха пришел еще на КПП

проводить их.

Сам же Колька в это время развернул полученное им перед самым отъездом письмо от жены и, разложив его на травке, стал читать. Вовка не удержавшись, заглянул на страничку. Корявым почерком и большими буквами там было написано буквально следующее: "Коля, я не хотела тебе писать. Была обижена за то, как ты пьяный избил меня перед отъездом, когда первый раз за этот год появился дома. Но раз ты уехал, я решила не заявлять в милицию на тебя, и на алименты пока подавать не буду, все равно от тебя копейки не разу не видала"… Вот тебе и семьянин, изумленно присвистнул Вовка. Он уже понял за месяц нахождения в этой компании, что путных ребят тут не найдешь, такие же, как и он сам, неудачники. Один, так вообще даже у нарколога на учете состоит, как уж прошел комиссию, Богу ведомо. Да ладно алкаши, а то вон и наркоман есть, прямо в туалете в вену чего-то бузовал. А еще парень был сатанист. На груди, там, где сердце 666 выколото, и Евангелием подтирался в туалете. Но в то же время в общении был весьма милым, обаятельным и общительным человеком. В коллективе пользовался любовью. Черти что. Правда, сатанист уволился. По невесте соскучился. "И любит же его кто-то", — грустно думал Вовка. Самому ему и в голову не приходило ради Любки все бросить сейчас и вернуться. Пожалуй, теперь он не сделал бы это и ради Наташки.

Прибыла колона из полка. Полковник Цыганков построил, пересчитал людей и дал команду на посадку. Теперь он не выискивал пьяных и не рвал военные билеты. Настроение у него было благодушное. Он выполнил свою задачу, чего теперь то свирепствовать. Погрузившись в кузова "Уралов" контрактники двинулись в полк.

Колона двигалась через Грозный. Город представлял из себя скопище руин. Если окраины с частным сектором еще были не совсем разрушены, тем более активно восстанавливались местными жителями, то в центре не было ни одного целого многоэтажного здания. Стены украшали надписи "Смерть российским оккупантам". Повсюду блокпосты с солдатами. Интересно, но Вовка пока еще не увидел ни одного бородатого лица военного, которые так часто мелькали на экране телевизора. Ага, вот и бороды, это милицейский блокпост. Дорога до окрестностей города Шали, где стоял полк, прошла без происшествий. Ехали порядка четырех часов. Вовку страшно мучила жажда, все запасы воды, которые были у него, он выпил еще в Ханкале. Теперь больная фантазия рисовала ему струи холодной чистой воды бьющей из источника. "Неужели эта жажда

будет меня мучить все время?" — с грустью думал Вовка, — "да ну, наверное, привыкну, скорей бы только".

Вот и прибыли. Люди сгрузились в центре, возле штаба полка. Место, где им предстояло служить, было палаточным лагерем в чистом поле. Прямо виднелись покрытые зеленью горы. Они казались совсем невысокими холмами, поросшими травкой. Однако то, что казалось травкой, были огромные деревья. Перед горами дымились руины какого-то строения. Над ним периодически пролетали самолеты и сбрасывали бомбы. После каждого взрыва, глухо доносившегося до слуха, над строением поднимались новые клубы дыма. Слышны были артиллерийские залпы. В самом же полку, ничего кроме маскировочных сетей и часового в каске и бронежилете не напоминало о войне. Стоящие в поле врытые в землю БМП напоминали колхозные трактора на жатве. Вовка с интересом огладывался по сторонам, пытаясь понять, где тут и что творится. Неужели за этими БМП уже чеченская земля. Чеченская в смысле занятая боевиками.

Тем не менее, жизнь продолжалась. Толпу контрактников построили, вышло несколько офицеров с папками в руках и началось распределение по подразделениям. Первое, что было сделано, это с бранью и руганью заставили переобуть кроссовки и одеть сапоги. Особенно усердствовал один стройный загорелый майор с черными усиками. Дали понять, что несмотря на военные действия, устав по прежнему не умер, а сохраняет полную силу. Вот тут и досталось Сереге с его разрисованной слонами кепке. А еще и кроссовки на ногах! Да, майору было, отчего прийти в благородное негодование. С Сереги было обещано вычесть за испорченное воинское обмундирование в многократном размере, и прочие кары должны были быть ниспосланы на его непутевую голову. Однако все кары так и остались словами. Людей стали разводить по подразделениям. Как обычно, пьяные слова о том, что все будем вместе держаться, оказались пустым звуком. "Неужели люди, так ничему и не научились на срочной, — думал Вовка, во время таких пьяных словоизлияний. — Они так и не поняли, что в армии мнение одного человека, если он не командир, конечно, ничего не значит. Всех разведут, раскидают и расшвыряют туда куда надо, а не куда хочется". Нет, мужики прожили по тридцать — сорок лет на свете, а так ничего и не поняли. Горбатого могила исправит.

Как обычно, первыми разобрали специалистов, умеющих обращаться с техникой. Огнеметчики к ним явно не относились. Кое-кого уже разобрали мотострелковые командиры. Вовка стоял вместе с Колькой и Серегой. Никакими полезными специальностями они не обладали. Поэтому очередь до них

должна была дойти где-то в самом хвосте. Уже в саперы определили бывшего капитана милиции, по-прежнему в сырых штанах, а до Вовки очередь не доходила. Оказался вроде как даже перебор. Стали перешептываться, что лишних отправят обратно. Вовка по Кинешме убедился, что быть лишним, ничего хорошего нет. "Нет, сегодня же надо куда ни будь пристроиться, — решил он для себя, хватит с меня этих мытарств".

Положение неожиданно спас полковник Цыганков, появившийся откуда-то из глубин штабной палатки. Покачиваясь на нетвердых ногах, он подошел к строю и громко произнес:

— В NNN бригаду надо троих огнеметчиков и медиков. Кто желает, выходите из строя, прямо завтра в горы пойдете.

Вовка, которому порядком надоело ожидание, вышел из строя, вместе с ним вышли Колька с Серегой и еще несколько незнакомых ему ребят. Подобревший Цыганков забрал их и повел в штабную палатку. Там записал и велел ждать. Ждать это великое искусство на войне. Вовка еще не начал понимать эту премудрость, ему все казалось, что он хозяин положения и может, что-то решать и изменять в жизни. Но это было уже не так. Он был затянут в безжалостный водоворот, в котором личность как таковая была ничто. Ты мог лишь согласиться с этим или отказаться, разорвав контракт и уехав отсюда. На этом твоя свобода и заканчивалась.

Первым делом Вовка кинулся искать воду. Он увидел, метрах в пятидесяти от штаба надувной резиновый бассейн, в котором плескались черные от загара солдаты. У них он и набрал целую пластиковую бутылку теплой воды из железной бочки. Пил, не отрываясь пока не опустошил ее полностью, затем снова наполнил. "Неужели так и придется ходить с бутылкой воды", — с ужасом думал Вовка. Он не знал еще, что дня через два жажда перестанет его мучить, и ему будет казаться глупостью, требование носить постоянно фляжку с чаем на ремне. Но сегодня он был готов таскать с собой целую цистерну холодной воды.

Теперь предстояло опять ждать. Как объяснил Цыганков, уже изрядно выпивший с командирами, Вовку и остальных заберут только завтра. А сегодня ночевать в комендантском взводе. А обедать отправились на кухню. Еда была самая обычная армейская — щи да перловая каша, немного мяса. Вполне терпимая, но на жаре Вовке ничего в горло не лезло. Однако с удовольствием он выпил две кружки теплого мутного чая.

Философское успокоение напало на Вовку. Все он добрался до цели. Сделал то, что для большинства его знакомых было какой-то фантастикой, бредовой идеей. Тем о чем интересно говорить, рассказывать небылицы, но не в коем случае не делать

самому. Теперь он попал на войну. Из разговоров он уже знал, что дальше в горах, которые видны отсюда, наших войск нет. Там боевики. Горящие руины, это цементный завод, который бомбят уже третий день, и со дня на день будут брать штурмом. После войска двинутся в горы. Еще не занят, и городок Шали, возле которого находился полк. Пропала депрессия преследовавшая его последние месяцы. Как мелки стали проблемы мучавшие Вовку. Вырвавшись на простор, на эту дикую равнину, с еще более дикими горами из объятий каменных коробок душа словно очистилась. Кто знает, что будет завтра? Но не надо биться за кусок хлеба насущного, за внимание людей, которые, как он уже догадывался, мало чего стоят сами по себе. Любой из этих загорелых молодых ребят, что ходят вокруг, куда более значим сейчас, чем все "крутые" с их "тачками" и "бабками", за которыми в большинстве стоят подлость, людские слезы и кровь. Хотя и здесь витает кровь, запах опасности и агрессии, исходящий от БМП и танков, от орудий и минометов. Это какой-то первобытный, извечный дух войны сопровождающий мужскую половину человечества на всем протяжении истории цивилизации. Каждые тридцать минут, можно было проверять часы, раздавался залп из орудий. Некоторые разрывы снарядов, тех, что падали на завод, были видны. Нет, это не было море огня, как в голивудских боевиках, просто взлетали в воздух комья земли, и поднималось облачко пыли, прозаично, но от этого более страшно. А каждые два часа в небе над заводом появлялась пара самолетов, сбрасывала бомбы, после которых над руинами поднималось облако черного дыма, и уходили назад в Моздок. Зрелища завораживало своей страшной красотой. Хотя может ли вид разрушения и смерти вызывать восторг? Хочется ответить отрицательно на этот вопрос, но не получается, когда видишь людей, с упоением рассматривающих оружие в магазинах и музеях, рубрики журналов и телепередачи, посвященные оружию. Видимо со времени Каина люди мало изменились, и, несмотря на осуждение убийц, любуются орудиями убийства. Главное, что бы оно было красиво изготовлено. Наверное, вид изящного и грозного танка нравится людям куда больше, чем неуклюжий с виду трактор или экскаватор. Аналогично, больше внимания привлечет к себе меч, чем лопата или грабли. Такой же восторг перед орудиями разрушения посетил и Вовку. Впоследствии, попав сам под действие своих кумиров, он не раз со стыдом вспоминал эти минуты упоения войной. Но это было потом, а сейчас наш герой следовал на ночлег в палатку комендантского взвода. Проследуем туда и мы.

В комендантском взводе готовилась, как и во всем полку, а

может и всей группировке, большая замена увольняемых "срочников" на "контрактников". И вместе с Вовкой и еще двумя огнеметчиками, шло еще десять пожилых мужиков, будущих "комендачей". Пока шли, мужики на словах огорчались, что попали вот в комендантский взвод, а так хотели попасть в пехоту или разведку. А тут вот штаб охранять, да хозработами заниматься. Вовке Кольке и Сереге они завидовали, ну еще бы, тем завтра в боевое подразделение, не то, что им. Но мужики уверяли друг друга, что при первой же возможности переведутся из комендантского взвода.

Комендантский взвод уютно располагался на полянке в посадке. Небольшая, удобно оборудованная палатка, позади которой стоял рукомойник и бочка с водой, самодельная штанга и турник. Все напоминало пионерский лагерь. На турнике висел мускулистый загорелый парень. Из палатки высыпали такие же парни. Все они были сильно пьяны. На трех огнеметчиков, как на людей случайных, "дембеля" внимания не обратили. В курс дела стали вводить свою замену. По их словам комендантский взвод живет лучше всех в полку. Сыто, пьяно и без риска. Суть в следующем: если хочешь воевать, побеждать, то иди в пехоту или разведку, а если хочешь жить хорошо, то ты попал куда надо. Так вещал спустившийся с турника сержант, их зам. ком. взвода. Еще он рассказывал, что они, кроме командира никому не подчиняются, и могут "застроить" любого, хоть солдата, хоть офицера. "Вот, вчера у старшего лейтенанта я ремень снял, — с гордостью показал он офицерскую портупею, украшающею его штаны, он пьяный лазил возле нашей палатки. Еще и п…лей накатил ему". Затем пошло как обычно в армии, "деды" стали выпрашивать у "молодых" гражданские вещи, вытряхнули все, что было из мешков и сумок, и стали примерять майки-футболки, штаны-шорты и разную другую гражданскую дребедень. Вовка без сожаления расстался с футболкой. Черт с ней, конфликт был ему не нужен, да и ценного ничего не было. Впрочем, и остальные мужики охотно отдавали "дедам", которые годились им в сыновья свои вещички. Серега, у которого были довольно ценные часы после долгого разговора один на один отдал их зам. ком. взводу, который с пьяну не мог застегнуть их на руке. Затем Серега после каких-то, неслышных Вовкой слов молодого сержантика, выдернул из штанов офицерский ремень и протянул его собеседнику. Когда Серега подошел к Вовке, то первым завел разговор, о том, какой классный парень Игорек, тот самый солдат, что отобрал у него часы и ремень, и как он, увидев его прекрасные качества, решил сделать подарок, то есть часы и ремень. Вовке было скучно и противно слушать эти жалкие

оправдания. Ну, отдал ты вещи, боясь по морде получить, и хрен с тобою, чего под это базу подводить. Почему люди всегда оправдывают силу? Вот попробовал бы я у него часы и ремень спросить? Нет, тут бы я плохим парнем оказался бы. А здесь из кучи агрессивных молодых парней вышел один и вот оказался сразу и хорошим и своим в доску. А не отдал бы Серега свои часы с ремнем, что было бы, то же самое, только после драки. Это уже на "срочке" понятно было. Сила солому ломит. Здесь видимо такая же ерунда. О том, что было бы в противном случае, Вовка увидел через пару часов, когда все улеглись спать в палатке. Но сперва, стоит, наверное, дать читателю описание солдатского жилья, типичного для того времени.

Это была обычная армейская палатка для отделения, т. е., человек на десять. Так как комендантский взвод жил здесь сравнительно давно, то пол был настелен досками. Кровати заменяли деревянные нары, под которыми валялись мешки и сумки с вещами солдат. Крепко сколоченный из досок стол находился посередине, а в углу примостилась печка-"буржуйка". Возле входа стояла пирамида с автоматами, магазины к ним и патроны, лежали в ящике тут же. Котелки, ложки и прочая кухонная утварь лежала на столе, там же стоял и магнитофон, из которого раздавалось пение популярной девичьей группы. Близость к штабу позволила иметь в палатке электричество, поэтому освещалось все лампочкой, укрепленной на центральном шесте, поддерживающем палатку. На этом же шесте висело несколько комплектов чистой формы — "афганки". В подобных жилищах, иногда хуже, иногда лучше, предстояло теперь жить Вовке со товарищами.

Так вот, через пару часов "дембеля" пришли совсем в боевое настроение. Они хвастались перед новенькими своими похождениями, в основном заключавшимися в "застраивании" кого-нибудь из офицеров полка. Говорили про то, что только комендантский взвод имеет доступ к спирту, который они же и охраняют, этот спирт сегодня и пили. Новичкам была обещана райская жизнь в полку, им повезло, что они попали именно в "комендачи". Все впрочем, было вполне безобидно, до того момента, пока самый старый из новеньких, рязанский мужик лет сорока, высказал наболевшую у новичков идею перевестись в пехоту. Что тут началось! Как будто черту наступили на хвост. Тот самый "классный пацан" Игорек, схватив из пирамиды автомат, резко врезал прикладом в грудь рязанцу. Остальные "срочники", а их было восемь человек, резко подскочили к мужику и поволокли его за палатку. Поволокли его не все конечно, а Игорек и с ним еще двое, остальные стали с бранью обыскивать

свою замену. На Вовку и его двух коллег внимания не обращали, с ними не служить, они гости. Да и гости, видя такое дело, не полезли вступаться за неудачливых контрактников. Те без сопротивления позволили себя обыскать, отобрали у них офицерские портупеи, да часы, а больше ничего у них ценного уже не осталось. За палаткой раздавались крики, ругань и щелканье автоматного затвора. Никто из палатки не вышел, никому не хотелось ввязываться в историю. Да история сама по себе окончилась быстро. "Срочники" вместе с побитым контрактником зашли обратно и улеглись спать на нарах. Ночь, в общем-то, прошла без происшествий. Слышались иногда выстрелы, но одиночные и где-то вдалеке. Вовка настолько устал от предшествовавших мытарств, что заснул как убитый. Ему снились какие-то приятные сновидения, типа он да с Наташкой и все такое.

ГЛАВА 7

Утро прошло спокойно. Не было никакого подъема как на "срочке". Просто встали как-то тихо-мирно. Новичков, а вместе с ними и Вовку со товарищами повели к штабу полка. Там снова накормили. Жажда перестала мучить, жара не казалась уже такой мучительной как вчера. "Комендачей" увели на какие-то работы. А Вовку, Серегу и Кольку увез на ГАЗ 66 капитан из NNN бригады. Опять долго петляли по каким-то сельским дорогам, все пропылились, пока не приехали в такой же почти лагерь, как и в NNN — ом. Рота РХБЗ находилась в очень уютной посадке посередине поля. Было всего три палатки, на отделение каждая. В одной жил хим. взвод, во второй огнеметчики, а в третей офицеры и прапорщик. Здесь тоже шла замена. Завтра уезжали пятеро "срочников" огнеметчиков. Выглядели они в отличие от "крутых" "комендачей" куда более миролюбиво и спокойно. Никаких разборок. В палатку, куда вошел Вовка с двумя товарищами, лежал один лишь мужичек неопределенного возраста в застиранном камуфляже. Подле него стоял автомат. Боря, а именно так звали мужичка, стал вводить пополнение в курс дела. Сам он был химик-разведчик, служил по контракту уже второй месяц. Службу нес в основном караульную, да вечным дневальным. В данный момент он, оказывается, находился на посту. История жизни Бори была также удивительно бестолкова, как и остальных Вовкиных сотоварищей. Отец троих, неизвестно чьих детей, безработный из Рязани, муж алкоголички — это все был Боря. В нем поразительным образом сочетались откровенный страх и нежелание участвовать в боевых действиях с интересом к оружию. Да вообще само добровольное попадание в "горячую" точку характеризовало его отнюдь неординарно. Хотя сколько их тут попалось таких вот непонятных и непонятых людей.

Взвод оказался совсем маленьким. Кроме Бори оказалось еще трое контрактников, еще восемь человек со старшим лейтенантом стояли блокпостом на дороге. В роте же находился ротный, тот, что вез Вовку на машине, да старшина. Командир хим. взвода на следующее утро уехал вместе со срочниками.

Первый день прошел в приятных хлопотах по устройству быта. Разместились для начала в палатке у химиков. А на следующий день перешли туда, где срочники жили. Тут еще пару новых ребят подкинули. Ничего первых три дня не говорило о войне. Единственно, что с точностью в полчаса давала залп артиллерия, стоявшая где-то за полем, да регулярные полеты самолетов, где-то раз в час — полтора. По ночам в небе часто

летали ракеты, освещая местность. К канонаде и отдельным выстрелам как-то быстро привыкли. Жажда тоже прошла. А ведь в первый день, еще в Моздоке, Вовке казалось, что придется только и ходить с баклажкой воды, ан нет, даже обязательную фляжку на поясе таскать не хотелось. Служба заключалась в непрерывном наряде по роте, помноженном на караул. Вот и сейчас Вовка, уже три дня как переведенный на блокпост, сидел на солнцепеке, положив на колени автомат, и думал о своем положении.

Вот вроде бы и в Чечне, но страха и ощущения адреналина нет. Понос правда замучил. Наверное, от жары и пищи непривычной. А так… Обычная солдатская служба. Одно хорошо — ощущение покоя. Впервые за суматошные последние месяцы появилась почва под ногами. Серега тоже оказался на блокпосту. Он все уши продолбил своим желанием повоевать поскорее. Но, несмотря на это война казалась где-то далеко, о ней напоминали только глухие разрывы авиабомб и канонада. Иногда, ветер доносил дым с цементного завода. Его до сих пор не могли взять, а может, и не хотели. Последняя мысль все чаще приходила в Вовкину голову. Вообще-то среди обитателей блокпоста, а их было семь человек, не считая офицера, царила какая-то дружелюбно-мечтательная атмосфера. Все Вовкины сослуживцы только и считали накапавшие деньги и строили планы как их потратить.

— Я вот ребят, — держал речь Игорь, служивший здесь второй месяц — кафе хочу открыть у нас в Козодоевске. А че, бабки будут. Товар знаю где брать. Развернусь….

— Нет ребята, бабки надо вкладывать в недвижимость. — в тему заговорил еще один "коммерсант" — тоже Вова, мужичек лет 40 с сизоватым носом, выдававшим поклонника Бахуса. — Надо хату купить и сдавать квартирантам или под офис. Это верный доход.

— Не, надо "Газель" купить и на маршрут, там бабок… — мечтательно вставился Серега.

Они что? Вообще рехнулись, думалось Вовке. Какие бабки, какие "дела". Где, в каком мире они живут. Неужели у них в голове одни фантазии. Да они хоть понимают, в какой мир они вернутся. Кто ждет вас там. Да их "комерсы" с потрохами сожрут. Приедет он с "бабками", в дело вложит. Это как осел на свадьбе. Думал, что его веселиться позвали, а запрягли гостей возить. Так и Вас, "бабки" ваши вытрясут, да и сами вытрясете.

— Строиться всем! — подал команду старший лейтенант, командовавший взводом.

Обитатели блокпоста выстроились на солнышке. Погода была прекрасная. Все напоминало пионерский лагерь, если бы не

боевые машины, оглашающие своим ревом округу. Взводный как обычно имел, рассеяно взбалмошный вид, пряжка ремня почему-то упорно сползала у него то направо, то налево, а кепка на патлатой голове не хотела держаться, довершало вид отсутствие третей звездочки на правом плече (видимо оторвалось автоматным ремнем). Но мужик хороший — покладистый и в меру требовательный, уже четвертый месяц находящийся здесь (вошел вместе с бригадой, еще в Грозный).

Первым делом он объявил, что на совещании до офицеров довели приказ, суть его была такова: в NNN полку (да в том самом, куда Вовку с Серегой поначалу зачислили), прапорщик вместе с водителем продали "чехам" пять тонн солярки. Продать то продали, это добро "чехи" с удовольствием взяли, а вот денег не заплатили. Прапор им: "А деньги?" А они ему: "А дэньгы тэбе! Будут тэбэ дэнгы!" И изнасиловали обоих и прапора и водилу. Старший лейтенант энергичными жестами проиллюстрировал беду случившуюся с военными. А потом стало быть "чехи" с командиром полка связались: "Хочешь своих живыми обратно, еще пять тонн солярки давай". Ну, командир полка дал ясное дело еще пять тонн, не бросать же в беде. Вот их и выдали. Обоих. Живых. Правда в длинных бабьих платьях, бусах и прочей атрибутикой слабого пола.

Строй разразился хохотом. Не мог сдержать улыбку и командир. "Ох, и ни хрена себе, — подумал Вова, — а я ведь в тот полк чуть было не попал. Мог бы и с тем прапором-бедолагой нарваться. А что, солдат службу не выбирает".

— Вот, поняли теперь, как с "чехами" дело иметь. А то и из вас женщин сделают.

Затем командир лаконично поставил задачу. В разведроту нужно двух огнеметчиков на усиление. Выбор пал на Вовку и Женьку, молодого высокого москвича, прибывшего днем раньше Вовки. Собрать вещи и двигать к разведчикам, до них недалеко, в бригаду сейчас на "Бешке" подбросят, а там пешком метров 300. Сами дойдете.

— Меня, товарищ старший лейтенант! — подал голос Серега. — Меня отправьте.

— Нет, ты же "механ" по специальности, здесь пригодишься, — ответил командир. — Собирайтесь, скоро поедем. — Это уже к будущим "разведчикам".

А что собираться то? Скатали только спальные мешки. Остальное добро на себе да уже по большей части в мешке. По два огнемета во "вьюках" положили на броню. Автоматы вот и все сборы.

— Слышь Вов, может откажешься, а, я за тебя в разведку

пойду обратился Серега. — Ну на кой черт тебе туда. Вдруг что случится?

— Сереж, да брось ты, ну мне повезло, завтра и тебе повезет, тоже куда ни будь прикомандируют. — Отмахнулся Вовка от такого предложения.

Он был рад такому раскладу и ни за что не поменялся бы. С одной стороны конечно страшно. Кто его знает, что там может быть. Но ведь именно для этого он и ехал. Да и наконец разнообразие в скучной гарнизонной жизни.

Через два часа Вовка с Женькой, увешанные как ослы тюками и оружием пылили по дороге к палатке разведчиков, которая должна стать им на ближайшие дни домом. Женька был молодым парнем, бывшим Московским ОМОНовцем. Малый неглупый, интересный собеседник, успевший в жизни кое чего повидать. Участник событий октября 93 г. Правда сам рассказ об этих событиях был весьма сумбурен, что немудрено, если сам варишься в гуще. "Большое видится на расстоянии" — это наверняка правильно. Одним словом Вовка пребывал в наилучшем настроении.

ГЛАВА 8

В разведроте царила мертвая тишина. Большая часть людей была на заданиях. Из офицеров сумели найти только командира второго взвода здоровенного лейтенанта, который без лишних разговоров записал их данные в какую-то потрепанную тетрадь и указал на крайнюю палатку, как место жительства их взвода. Там никого не было. Палатка была побольше чем в химроте. Человек на двадцать наверное. На импровизированном столе полный бардак и объедки атакованные тучей мух, грязные котелки в вперемешку. В пирамиде одинокий автомат. Через пару секунд появился и его владелец смуглый парень лет двадцати пяти. Познакомились. Оказался каптер — Слава, родом из Иваново, здесь второй месяц. Обычная история провинциального жителя. Безработица, безденежье, пьянка и одиночество. Как результат профессиональная армия.

Потрепавшись минуток пять Славка свалил в каптерку, которой являлся кузов машины, а Сашка с Вовкой по собственной инициативе решили прибраться в палатке. Все равно делать было нечего и чем вообще заниматься будут было неясно. Командир никакого интереса к ним не проявлял. Приведя в скором времени палатку в человеческий вид, Сашка завалился спать, а Вова решился написать письма домой. Письмо матери было лаконичным. "Все нормально, все хорошо". Любе он вообще решил ничего пока не писать, а может и вообще не писать. Чиркнул Наташке с Лехой. Мысли о доме полезли в голову. Он пытался представить, что там сейчас происходит. Чем живут его знакомые. Как бы не хотелось, но он понимал, что его никто явно не ждет и пожалуй здесь и сейчас самое его и место. Однако Вова был не совсем прав. Дома его вспоминали.

Проснувшись, первым делом Саша Агеев включил телевизор, посмотреть новости из Чечни. Вдоволь наглядевшись перемещения солдат и техники на фоне развалин, он отправился к Лехе, в надежде порисоваться перед девчонками, которые там будут, если будут конечно. Сашка вспомнил, что его дружбан Вовка уже около месяца как находится в тех краях. Это вдохновило его. Будет хорошая тема для трепа.

Разбудив своим звонком в дверь Леху и Наташку, мирно спавших после бурной ночи он подобно урагану ворвался в квартиру.

Быстренько скинулся с Лехой на водочку и отправил Наташку за бутылкой. Наташка решила забежать еще и домой и тут в почтовом ящике увидела письмишко. Да, то самое, что Володя

отправил, дошло через месяц. Сунув его машинально в пакет она сделала необходимые покупки и вскоре вновь обнималась с Лехой, пока Агеев младший накрывал на стол. Он и обнаружил письмо.

— Во гля! Вовка письмо прислал. — подал он голос.

— А, я совсем забыла, — оторвавшись от Лехи, вспомнила Наташка. — Он куда делся-то? В армию что ли забрали?

— В Чечне, он, в Чечне. — Поспешил внести ясность Сашка. — Давайте выпиваем.

За первой бутылкой пошла вторая. Кампания серьезно нагрузилась. Леха уйдя в другую комнату, уснул. А Сашка распустил павлиний хвост перед изрядно захмелевшей Наташкой. Он снова принял второе обличье, на этот раз уже (время то идет) он стал капитаном МВД. В подтверждение этого из кармана была извлечена красная книжечка. Удостоверение, выданное ему отцом на работе, из которого явствовало, что его предъявитель является товароведом фирмы "Рога & копыта". Но выглядело на редкость внушительно. Потрясая конвертом (так и не распечатанным) Сашка втирал ей, что получил приказ ехать в Чечню для выполнения особых задач по линии МВД, что уже побывал там, привезя обратно вагон трупов наших солдат. Что не хочет снова попадать в этот кошмар и т. д. и т. п. Говорил Сашка очень эмоционально и убедительно. На глазах Наташки выступили слезы, ей стало жалко этого несчастного "офицера". Выпив стопку она прижала его голову к своей груди. Через мгновение они уже кувыркались в постели. Конверт с Вовкиным письмом плавно спланировал под диван. Леха мирно посапывал в соседней комнате. Жизнь продолжалась.

* * *

Жизнь продолжалась. Жарило неумолимо. Вовка то и дело поправлял огнемет, изрядно натерший плечо. Тяжелая труба перекашивала его. Лучше бы нести вьюк, тогда хоть центр тяжести равномерен, а это все равно, что гирю повесить. Автомат висел на шее. Разведгруппа, куда его прикомандировали, пыталась незаметно войти в село со стороны этого пологого склона. Они уже смогли незаметно подобраться почти к самым домам. "Чехи" не заметили их, так как они двигались пешком. Пехота, ехавшая на броне, была обстреляна из гранатометов и ПТУРов, Еще минут тридцать назад они лежали за пригорком и над ними летели мины и ракеты, но не по ним. "Чехи" их просто не замечали. А позади было видно, как взлетают в воздух

фонтаны земли, прыгает с брони пехота и носится вокруг машин. Но теперь это уже почти все позади. Слева, с другого подъема, залегла еще одна разведгруппа. Боевики в этих крайних домах. Их уже издалека удачно пощипали из огнеметов. Сейчас надо ворваться в село и ждать пехоту, которая вот- вот подойдет.

Примерно в полукилометре позади разведгруппы, по селу работают два танка. Они уже успешно сокрушили несколько домов. Танковые выстрелы стихли.

Два громких хлопка и через секунду два взрыва и зарево за спинами. Обернувшись Вовка увидел, что там где стояли танка теперь два гигантских факела. Сработали гранатометчики "чехов", тех, что засели в домах на краю села.

Командир вызвал артиллерию и дал ей координаты окраины села. Сейчас минометы обработают крайние дома и группа сможем ворваться в село. Но не тут-то было. Минометчики стали класть мины по закону подлости точно по склону, на котором залегли Вова со товарищами и ни одна из мин не попала по домам, куда безуспешно пытался навести их командир. Разведчики жались к земле, прятались за деревьями, боясь поднять голову. Во все стороны летели комья земли, сыпались ветки, кора деревьев. Командир во весь голос орал в рацию. Но мины продолжали на них сыпаться.

"Чехи" наверное, догадались о их присутствии. Один из них высокий бородач с зеленой повязкой на лбу, вышел на край холма и, заметив солдат, вжавшихся в землю, с бравадой произнес: "А, вас и ващи пэрэбьют", затем картинно, удалился в глубь села. Они продолжали лежать. Поневоле Вовка восхитился смелостью и остроумием "шутника — боевика". Самому ему было сейчас совсем не до шуток.

Намного лучше дела обстояли у соседней разведгруппы, те уже вошли в село. Наконец и их перестали обстреливать, минометы замолчали. Группа побежала на подмогу соседям. Там слышались выстрелы, соседи нарвались на засаду. Вместе еще с двумя ребятами Вовка побежал на выстрелы. У забора крайнего дома стоя на колене чечен в камуфляже и зеленом берете, шпарил с автомата в Антона, залегшего за деревом. Вовка и остальные не успели ничего предпринять, как чечен с криком упал на спину. Правой рукой он пытался поднять автомат, но от боли руки не слушали его. Антон, в которого он стрелял и который наконец-то подстрелил самого боевика, ковыляя на правую ногу, подбежал к поверженному противнику. Удар ноги и автомат выбит из рук боевика. Он безопасен. Подбежал и Вовка вместе с Женьком. Боевик лежал на спине. На животе расплывалось кровавое пятно, лицо искажено болью. Разведчик

раненый в голень, торжествуя, возвышается над чехом. Боевик, видимо забыв о том, что он смертник и носит зеленую повязку, стал просить не убивать его. Твердил одно и то же: " я нэ тот за кого мэня принимаетэ, я за брата мстыл". На разведчиков речь "чеха" впечатления не произвела. Антон поднял автомат и в упор выстрелил бандиту в голову. Маленькая дырочка и почти нет крови. Труп не успел еще остыть, как убивший его, ножом отрезал левое ухо, снял с головы мертвого чеха зеленый берет и завернул в нег ухо. Победителю досталась и зеленая повязка смертника с надписями арабской вязью. Женька тут же разул с трупа "берцы" и выдернул из штанов ремень. Подошел командир. Антон в возбуждении прыгая на здоровой ноге и демонстрировал всем трофеи. Командир достал из кармана трупа документы: паспорт и военный билет. Вовка не мог подумать, что ему двадцать пять лет. Лысый череп, густая рыжая борода, аккуратно подстриженная на манер "шкиперской". Подошла пехота. Какой-то любитель трофеев отрезал у трупа и правое ухо. Но все цирк окончен. Надо было продолжать преследовать уходящих боевиков.

Пройдя по пустынной улице, они вышли на полянку. Ниже, в ущелье, одноэтажные дома, штук пять или шесть. Местность видна как на ладони. Все залегли. За домами в лес уходили боевики, тех. Стало ясно, что их не догнать. Разрыв был более чем в километр. Командир разведгруппы молодой энергичный лейтенант Удалов очень огорчился этим обстоятельством. Он жаждал победы. Он был настоящий воин, этот молоденький щуплый лейтенант. Во внешности которого ничего героического не было. Тем не менее он успешно справлялся с рискованными заданиями. И главное, ему нравилось воевать. Вовке стало страшно. Он не хотел никого догонять. При мысли о новых боях ему стало не по себе. Он уже удачно отстрелял один огнемет и вместе с Сашкой сумел накрыть ДОТ. Сейчас лежа на солнышке на этом милом пятачке он мечтал о красивых девчонках, о водке, о том, как приехав с этой войны в свой город первым же делом позвонит в эскорт услуги, так как к Любе идти совсем не хотелось, а на Наташку он и не надеялся. Но мечтать не пришлось. Удалов все-таки решил облегчить Вовкину жизнь и избавить его от второй тяжеленной огнеметной трубы. Присев на колено, на краю полянки, не торопясь он вставил в уши ватные тампончики, поставил прицельную планку на максимум, встал в полный рост. Была, не была, а может и получится. Ведь расстояние слишком большое, может и не долететь. Человечки уже едва видны, они скрываются в зарослях, они хотят жить, все хотят жить. Взяв на мушку одного из человечков, Вовка поднял

трубу огнемета вверх и нажал курок. Оглушительный грохот. Вовка с интересом стал следить за полетом похожего на мячик заряда. Он летел в нужном направлении, в сторону уходящей банды, но долетит ли? Очень уж далеко. Нет, мячик, потеряв скорость, плавно идет вниз в направлении домов. И тут Вова увидел отчетливо как заряд пробил шиферную крышу крайнего дома. Самого взрыва слышно не было, далеко, да и уши заложены. Доля секунды и дом подпрыгнул на месте, вылетели стекла, что-то посыпалось с крыши. Нет, недолет, "чехи" ушли в лес, упустили. Удалов рвет и мечет от неудачи, ему подпевает и Антон, которого никак не могут отправить в санчасть. А Вовка в глубине души был рад, нет, не за боевиков оставшихся в живых. Этого то он менее всего и хотел. А за то, что возможно больше в селе никого нет и воевать, сегодня не придется.

Ожидания оправдались. Село явно брошено не только боевиками, но и жителями. Началась "мародерка". Особого добра в домах и не было. Видимо все ценное жители заранее попрятали. Оно и не мудрено, колонну видно было за три дня пути. Но едой и кое-чем из "шмоток" типа свитеров — носков, вполне можно поживиться.

В одном из домов Володя увидел дембельский альбом неизвестного "чеха". Что — то заставило его пролистать нарядно оформленные страницы солдатской реликвии. С фотографий смотрели молодые лица в советской еще форме. На обложке значилось 1980–1982 осень. Вот так проносились в голове несвоевременные мысли. Еще совсем недавно эти люди жили, так же как и все. Вот хотя бы этот, также как и большинство в армии служил, альбом делал. Хотя и был не подарок наверняка для однополчан. Взять хотя бы с кем я служил. Но тем не менее. Чем мы разнимся? Почему стреляем друг в друга? Они как говорят за свободу. Допустим. Но почему раньше свобода им была не нужна? Мы… Мы… Большинство формально за деньги. Хотя не думаю, что так тут все просто. Деньги всем нужны. Но не все здесь. Здесь те, кому уже совсем делать нечего на "гражданке", также как и мне. Пожалуй, для нас война это спасение от самих себя, от мира, где мы не нужны совершенно и давайте уж быть откровенными до конца, не будем нужны и с деньгами. Война выгодна не только политикам и генералам, как принято думать, но и нам. Если бы не война, буду честным перед собой, я бы спился или наложил на себя руки, а скорее и то и другое. Теперь подобные мысли меня больше не посещают. Появилась даже надежда, хотя и призрачная, не на чем не основанная, но, тем не менее, надежда, на более лучшую жизнь по возвращении. А ведь я такой не один, таких тут… Как в Евангелии "имя нам легион". Но легион то был

кого, то-то же бесов.

Ну ладно, черт с ним, с нами ясно. А вот с ними. Все-таки свобода от кого? А ведь не от нас, без нас кому они на хрен нужны. Нефть, да что только у них одних, что ли нефть. Тоже мне Арабские эмираты. Они же и кормятся только в наших городах, на нашей доверчивости да покладистости. Нет, свобода от нашего бардака. Это ведь русский будет работать за так, как сейчас большинство соотечественников, да смотреть как другой наглый и сильный его обирает. А этих заставь так жить, как простые русские мужики да бабы. Да хрен там. Это с нами можно любые эксперименты ставить, а тут вон, чем оборачивается. Опять же говорят, что русский долго терпит, а уж как разозлится… Да кто разозлится то. Нас здесь жалкая кучка от России. А дома к нам как относятся? Да как к дуракам. Эх, не с этими воевать нужно, а со своими "земляками", что бардак такой сделали. Не было бы развала, и эти бы не дернулись. С такими мрачными мыслями Вова вышел из дома.

Когда после безуспешного преследования бандитов, группа вновь проходили то же место, где был убит смертник, то там стояла пехота. Труп, раздетый до гола, продолжал лежать на том же месте. Возле него сидели двое небритых дядей с сизыми носами и производили какую-то хирургическую операцию внизу живота трупа. Радостный вопль одного из "хирургов" возвестил об успешном окончании сложной операции. Так и есть, доморощенные эскулапы отрезали "чеху" половые органы со смехом засунули их ему в рот. Довольные своей работой дяди демонстрировали всем желающим свое анатомическое чудо. Вовка поймал себя на мысли, что смеется вместе с другими. Зрелище действительно показалось ему чрезвычайно смешным. Ну как это, разве не смешно. Человек держит во рту собственный половой член. Смех перешел в истерическое ржание.

На ночлег расположились в домах. С комфортом, на перинах. Наготовили всякой еды из чеченских запасов. Настроение Вовкино более чем улучшилось. Дневные страхи прошли. Наступал вечер, и предвиделась спокойная ночь. Именно в такие вот вечера Вовка радовался, что так удачно все сложилось, и правильно сделал, что поехал сюда.

Все его задачи, в общем, то и сводились к хождению и тасканию "Шмеля". Он был что-то вроде артиллерии. В суть заданий его, как и Сашку посвящали более чем поверхностно. Кроме их из прикомандированных были связист и сапер. Несколько раз они побывал в перестрелках, вроде сегодняшней. Страшно было очень. Руки у Вовки тряслись, пока сам стрелять не начинал в белый свет как в копейку. А со "шмеля" тут уж и

говорить нечего, как встанешь в рост, так и думаешь, ну м…ц. Уж каждый раз зарекался, что все, вот придем в бригаду и уволюсь. Но страх проходил, а полученный адреналин позволял почувствовать себя полноценным человеком. Наконец ушло чувство никчемности, преследовавшее его перед отъездом.

Ребята вокруг классные. Несмотря конечно на свои недостатки, а были они не ангелы видимо дома. Но они жили без маски. Несмотря на внешнюю грубость отношений, они были, тем не менее, чище и честнее чем дома. Да и грубость была чисто формальной. Без мата русский язык, наверное, не язык. Подначки и в Вовкин адрес, в том числе были куда остроумнее, чем гражданская тягомотина и нравоучения более пробивных сограждан. Правда удивляла их детская наивность, насчет планов на будущее. Командиры, несмотря на жесткость, а иногда и жестокость все-таки заботились о подчиненных куда более чем родное правительство о своих гражданах. И это уже было хорошо. А страх и опасность, риск, а чаще просто тяжелая физическая работа и отвратительный быт… Ну за все надо платить.

Всю ночь грохотала канонада. Слышались отдельные выстрелы. Это просто, для острастки или со скуки стреляли в ночь часовые. Вовка тоже, стоя на посту, сделал пару выстрелов для приличия. Мысли опять вертелись вокруг дома. Прошло ведь три месяца, как он здесь. И вот уже третью неделю на крупной, с участием многих частей операции в горах. Горы похожи оказались, по правде говоря, больше на высокие холмы. Не было никаких крутых скал и пропастей, как видел он ранее по телевизору.

Прошлая жизнь стала как-то забываться. Несмотря на естественную ностальгию, разум подсказывал, что надо оставаться здесь, максимально долгий срок. Если отбросить глупые иллюзии, то лучше дома не будет. А глупая иллюзия, особенно после съеденных грецких орехов, благостно влияющих на мужскую силу, лезла в голову. Жизнь брала свое.

Жизнь брала свое. Этой же ночью Леха в очередной раз спал с Наташкой. Хотя спал это название условное. С ними разве уснешь. А тут еще и головная боль с похмелья.

— Наташ, выпить нет ничего? — жалобно простонал Леха.

— Сейчас в шкафу гляну, ты там вчера где-то за книгами прятал.

— Да, да, милая посмотри. И "телик" включи, хоть глянем что в мире творится.

Наташка подошла к книжному шкафу, где по ее предположению могли находиться запасы водочки. Засунула руку за книги. (Леха кстати говоря был не просто банальный

алкоголик, он сбился в ту пору с пути. И книги на полке не залеживались. Новости культуры не были для него "музыкой с марса"). Там и нашлась початая бутылка, вместе с ней выпал и конверт с тем самым письмом, присланным Вовкой уже два месяца назад. Он по прежнему был не распечатан.

Машинально Наташка включила телевизор. Как обычно выпуск новостей радовал глаз и ухо зрителя состоянием здоровья Президента индексом доун джонса, и само собой новостями из Чечни.

Видимо тут звезды наконец-то удачно сошлись для Вовкиного послания. Увидев на экране развалины Грозного и адрес на конверте Наташка наконец-то вспомнила о своем исчезнувшем знакомом.

— Леш, на прочитай чего там Вовка написал, а то у меня голова болит. Произнесла томным голосом Наташка и откинулась на диван, обняв Леху.

"Хорошо что Агеева нет", — пронеслось у него в голове, — "а то же рисовок не оберешься, опять, я да спецназ, да нас учили убивать, да я там был, и туда поеду".

— Наташ, это тебе вообще-то.

— Да ну его к черту Леш. Уехал и ладно. — И далее без перехода — А я тебе нравлюсь?

— Ну конечно нравишься, — и отстранясь от нее, — погоди, да дай хоть узнаю где он есть.

"Здравствуй Наташенька!" — вслух стал цитировать Алексей послание. "Наконец то я добрался до Кавказа. Теперь служу в пехоте. Все в общем нормально и лучше чем здесь нам представлялось."

— Леш, да хорош муть эту читать, иди сюда! — прервала его успевшая захмелеть Наташка.

И Леша конечно же пошел. А кто бы на его месте стал бы сопротивляться? Поэтому не будем осуждать его и перенесемся к нашему главному герою.

* * *

Прошло несколько дней и операция закончилась. Нагруженные добром БМП двигались по горной дороге на равнину в лагерь.

Разведгруппа спешилась с БМП и разделилась на две группы. Двигались по лесу. Там должна скоро пройти колонна. Продравшись через заросли орешника они вышли на лесную полянку. Солнце уже взошло и достаточно согрело землю. Было

так хорошо. На полянке группа залегла. Просто из предосторожности. Вовка пользуясь моментом расслабился и мысли понеслись. Появилась шальная мысль: "А что, вот вернусь в бригаду, и к черту все. Рапорт и на увольнение. Да хватит в конце концов. Чего дурнее всех что ли? "Бабки" заработал, повоевал немного и будет. Дома уж как ни будь оттянусь. Да в конце концов теперь то я наверняка покруче остальных. Ну пусть был я трусом и рохлей. Но это в чьих-то глазах. А вот теперь это про меня вряд ли скажут. Нет, ну если уж по самым высоким меркам, то оно конечно трусоват я братцы. Вот и сейчас сижу а выстрелы услышу и затрясусь. Почему эта проклятая дрожь в руках всегда. А, да хрен с ней. Все одно. Теперь можно и обратно домой. А там пьянка, а там бабы. А там, а там… Это им всем не рисовочки, вот настоящие ребята без дураков. И я такой оказался. Красота. Все-таки не зря сюда двинул".

Внезапно, благополучные мысли и самолюбование Вовы, были разорваны грохотом пулеметных очередей. Стреляли где-то совсем рядом. В уши врывался крик "Аллах акбар! Сдохни русская сука!" и снова пулеметные очереди. По команде, вместе со всеми Вовка побежал к дороге, где происходит бой. Труба огнемета больно била по спине. Предохранитель автомата был опущен и потный палец лежал на скобе. На обочине дороге все залегли в канаве. Пулемет работал где-то рядом, метрах в двадцати — тридцати от них. Но в густых зарослях пулеметчика не увидать. Он стрелял не один, еще и миномет.

Командовавший группой молодой но уже опытный и толковый лейтенант, едва шевеля губами подозвал Вовку вместе с замыкавшим группу срочником Мишкой. Молодым не в меру "продуманным" пареньком. Довольно дерзким, но интересным как личность, представителем поколения "NEXT", еще и добровольно поехавшим в Чечню. Можете себе такое представить? Наверно с трудом. Вот потому и интересен Мишка.

Задачку поставлена была маловероятно выполнимая: вылезти на дорогу и из огнемета накрыть пулеметчика. Мишка должен при этом прикрывать Вову.

Где же конкретно пулеметчик? Командир ответил четко и ясно: "вылезешь на дорогу, там и увидишь его". А пули продолжают лететь над головами. В уши лез крик "Аллах акбар! Сдохни русская сука!" До Вовки, да и не его одного, медленно начинает доходить, что эта русская сука, которая должна сдохнуть это он, единственный и неповторимый. Со своим миром, вселенной в себе. А может и мир весь с ним. Да какая разница. Все одно. Владимира охватил животный ужас. Так не хочется погибнуть здесь и сейчас, в теплый солнечный денек, когда уже

вот вот можно и домой. Дома, наверное, девушки бродят по улицам в коротких юбках. А знакомые и друзья, наверное, стреляют глазами, то и не только глазами, по ним. Кто-то сидит в кафе или ресторане. И никому нет дела до того, что здесь и сейчас идет война. Возможно, что кто-то сейчас погибнет. Другой мир, другая жизнь. В данный момент и моя жизнь лежит на невидимых весах и в какую сторону они качнутся я не знаю.

Как бы там ни было, но он и Мишка пытались вылезти на обочину. Мишка сейчас должен первым вылезти на дорогу и огнем из автомата отвлечь боевиков, следующим выскакивать Вовке и из огнемета бить по пулеметчику. Дрожащими руками он снял трубу "Шмеля" и установил прицел. Автомат положил на на землю, он сейчас не пригодится, будет только помехой. Действовать придется быстро. Шансов накрыть пулеметчика почти нет, и он это понимал. Мишка вылез по пояс из кювета и тут же упал обратно. Верхняя часть туловища у него разворотили пули. Он уже не жилец.

А солнце светит все ярче и теплее. Командир отозвал Вовку. Лейтенант понял, что дорога плотно простреливается. "Чехи" насаживают еще пару мин, но ложатся они на другую сторону дороги. Между группой и "чехами" невысокий холм, он и не дает им стрелять точно по разведке. Пули летят по верху и срезают ветки над головой.

Труп лежит там же в кювете, сейчас не до него. Группа подбирается к холмику. Володя вместе с Юркой, срочником залегли рядом на склоне холмика. Командир по рации вызвал БМП. Несколько секунд и на дорогу выехала "бешка" разведроты. Она занимает выгодную позицию и ведет огонь из орудия куда-то впереди. "Чехи" перестали вопить и вроде бы как затихла стрельба. Не тут то было. Оглушительный хлопок. Гранатометный выстрел. Граната, выпущенная в БМП, путается в густых ветвях деревьев, свисающих над дорогой. Граната теряет скорость и направление. Теперь она летит, кувыркаясь как палка. Четко видно стабилизаторы и сам заряд. Продолжая кувыркаться, граната пролетает над БМП и взрывается где-то позади в лесу. Экипаж БМП отчаянно лупит из пушки. "Чехи" делают еще несколько выстрелов из миномета.

Вовку трясло. Так поразителен этот контраст между солнечным летним днем и смертью витавшей в воздухе. Юрка дернулся и отчаянно зачесал ягодицы.

— Слышь Вов, глянь, меня кажись в жопу ранило! — голос Юрки напуган, но говорил почти шепотом.

— Нет, не ранило, тебя — увидев, что это просто осколок от мины прожег его ватные штаны — прошептал Вовка.

Командир группы по рации стал наводить артиллерию на "чеховскую" засаду. По окончании сеанса, чешские мины начали ложиться ближе. Они перехватили разговор. Вовка с товарищем по неволе вжался в землю. Вот и будут тут теперь тебе и девочки и друзья. Вам то там зашибись о смелости рассуждать, да пьяными сюда собираться. А вот сейчас и не станет Вовочки распрекрасного. А черт с вами со всеми. Может и сдохнуть лучше здесь, чем с лицемерами жить. Да побираться дома. Вот и понятна поговорка "На миру и смерть красна".

И тут наконец, прозвучала самая приятная команда: "Отходим!" Не передать радость и легкость, с какой побежал Володя назад, подальше от всего этого кошмара. Так запрыгал через поваленные кусты, что диву давался сам. На физкультуре он отродясь через скакалку то перешагнуть не мог, а тут. А еще и тяжеленный "Шмель" в руке, за ремень тащил. В голове его вертелась одна поганенькая мыслишка: "только бы больше туда не идти, пускай идут другие. Пехота, БМП, танки, да кто угодно только не я". И передумалось сдыхать ему тут и "смерть на миру" "красной" перестала казаться. Короче, стартовал Вовка последним, а к месту прибежал едва не первым.

Все в одну кучу залегли за деревьями. Снаряды стали ложатся на место, где находилась "чеховская" засада. Вовка теперь в относительном покое стал разглядывать окружающий пейзаж. А он был величественен и прекрасен. Огромные деревья. Те, что с равнины казались травой покрывающей холмы. А сами "холмы" выглядели величественно и грозно. Вова снова пришел в хорошее настроение. Но тут командир и прервал его. Повернувшись в его строну и забрав у него "бычек" самому докурить, он сказал, что если пулеметчик снова заработает, то надо будет накрыть его с огнемета. И Вова опять "запраздновал труса". Черт бы Вас всех побрал. Повоевали и будет. Тут уж до базы рукой подать. Ни хрена, я уже увольняться решил, уже планы на досуг настроил, тут тебе на. Но "назвался груздем — полезай в кузов".

А тут еще выяснилось, что граната, летевшая в БМП, взорвалась в группе людей, и ранило четверых, что позади метров за пятьдесят находились.

А артобстрел окончился. И вновь разведка пошла впереди прочесывать лес.

Держа автоматы у пояса, солдаты стали беспорядочно простреливать лес. С первыми выстрелами, как обычно у Вовки прошла дрожь в руках и начал он действовать как автомат. Ни о чем не думал, только стрелял. Выплевывал пули впереди себя, не глядя в лес, от выстрелов осыпались ветки и отлетала кора деревьев. А Володя изливал злобу за моменты страха и трусливые

мыслишки пережитые минутами раньше. Он словно хотел застрелить свой страх, свою трусость.

Все тихо. На месте где была засада никого и ничего. Только следы от гусениц трактора. На нем и был установлен миномет — "чечен-танк". Разведчики испытали сильнейшее облегчение. Ближайшие минуты воевать не придется.

Тут на дорогу выехал танк. Башня его развернулась в сторону небольшого хуторка, расположившегося в километре от дороги на плоской площадке. Танк сделал несколько выстрелов. Хорошо было видно как они взрываются среди домов и хозяйственных построек. Забегал обезумевшие коровы и стали падать с разорванными внутренностями. Домики и постройки рушились как карточные. Хороший урок "чехам" за засаду. Зрелище было потрясающее. Триумф военной силы. Оно одновременно пугало и завораживало Вовку. И тут вспомнилось, как самому-то страшно бывало при обстрелах и стыдно стало. Ведь люди там так же трясутся, как и сам, минутами раньше. И еще вспомнилось ему, как играя в компьютерную "стрелялку" он испытывал азарт, убивая виртуальных человечков. Побыв таким человечком для других ему стали страшны мысли о таких играх. Вовка подумал, что теперь он наверное никогда не сможет играть или даже смотреть на "стрелялки", "боевики".

Ребята расселись на бревнах, пеньках. Подтянулась соседняя группа. Вовка открыл банку перловой каши разлегся с Сашкой, двигавшимся в соседней группе, перекусить. Оказалось, что их группа, двигавшаяся по другой стороне дороги, встретилась лоб в лоб с чеченской засадой. Дальше события приняли вообще фантастический оборот. Чечены вырядились под русских солдат, то есть оделись в "афганки", напялили на себя бронежилеты и каски. В общем оделись, так как должны бы согласно уставу выглядеть Российские военные. Наши же напротив были одеты разномастно, были грязные и небритые. Чехи подумали, что это тоже их разведка, только от другой банды. Наши же в свою очередь решили, что это тоже разведка, только другого полка. Чеченский командир обратился к кому-то из разведчиков: "Эй, старшего позови". Тот пошел звать. Обе группы стояли и пялили глаза друг на друга. Санька удивило то, что контрактники, а чехи выглядели именно как контрактники, ходят в касках и бронежилетах. Постепенно обе стороны, почуяв, что дело не ладно, разбежались по обе стороны холмика и открыли стрельбу друг по другу. И еще интересный момент сбежало несколько человек, струсили. Первый убежал командир отделения контрактник, который постоянно третировал подчиненных ему срочников.

— Слышь, Санек, ты хоть бреши, да меру знай, — удивился Вова. — Чего Витек что ли сдернул. Да ну на хрен.

— Да точно тебе говорю, он как понял, что это "чехи" так и молчком и задом, а потом во весь опор. Мы вон с "Учителем" считай одни и отстреливались. А он сейчас на Ваську все валит. Он мол первый убежал, он мол все сорвал. Тот то малый покладистый. Тем более писарь, должность для ссыкуна, типа крыса тыловая. А Васька чего ответит. Ты ж знаешь его. Он разборки вести не может. Не его профиль. А Витек "базаром" его задавит. У него "метла" отлично висит.

— А Васька чего, тоже бежал.

— Да он просто в хвосте шел с РПГ, ну, видит раз командир бежит, то тоже, значит отходить надо. Он не "под козырек" команду давать будет, сам знаешь.

— Ну, и кто в эту херню поверит?

— А кто против что скажет. Срочники не заикнуться. Витек с них три шкуры спустит. У командиров он в авторитете. Сам знаешь к медали представлен. "Учитель" тоже лезть не будет, он своим миром живет, ему проблемы ни к чему. Я, как и ты прикомандированный.

Тем временем на полянке действительно Витек "давил базаром" Васю. Тот пытался робко оправдываться, но Витек, подобно коршуну обрушивался на него. Хватая за "грудки", тыкая пальцем в самое лицо и потрясал кулаками. Командир разведроты спокойно слушал, на его мудром и усталом лице ничего не отражалось. Он просто выслушивал, затем махнув рукой Сашке, подозвал его. Они уединились и говорили минут пять. Потом так же был отозван в сторонку и "Учитель".

— Чего там было то? — спросил Вовка вернувшегося Сашу.

— Да ротный спрашивал как было. Он "молоток", тихо, спокойно. С каждым наедине. Витек сам дурак, что начал при всех Васю чмырить. Так бы может и промолчали, но теперь уж Витьке не поздоровится.

— Да, молодец ротный. Умный мужик.

После "обеденного перерыва" колонна тронулась вниз по горной дороге. Вовка, да и все наверное надеялись сегодня быть в бригаде. Но что-то не срослось, наверное звезды неудачно стали. Но колонна остановилась в окрестностях занятого ранее села, где уже расположились солдаты ВВ МВД. Свободные дома были заняты и ночевать предстояло в поле. Стали располагаться на ночлег.

На этот день страхи Володьки закончились. Ночь прошла спокойно, но начался дождь. Все размыло. Глина липла к ногам, так что запросто могли оторваться подошвы сапог. Толи из-за

погоды, толи еще почему, но колонна никуда не трогалась и пять суток простояла в этом селе. Радости это понятно не доставило. Погода была омерзительной. Три дня шел дождь. Палаток разведчики не взяли. Спальных мешков было раз — два и обчелся. Вымокли до нитки. Все пять суток разведгруппа провела у костра разожженного в ямке, лежа в жидкой грязи и согреваясь, чаем без сахара. Стоял такой сильный туман, что не видно было ничего на расстоянии метров трех. Спать было практически невозможно из-за сырости и холода. Все ходили в полусонном состоянии. Вовка перестал уже отличать сон от реальности. Все чувства абсолютно притупились. Все время клонило ко сну. Но едва приходил сон, как холод и сырость взбадривала. Тут еще подорвался на мине один парень с пехоты. А подорвался на нашей же мине, и не по своей глупости. А вообще как по злому року. Саперы растяжки поставили за селом, близко к дороге. А никому не сказали, кто-то что-то позабыл, не успел. А тут БМП остановилось, парень спрыгнул на землю, "отлить" отошел метра на два и все, подорвался. А главное перед тем там все ходили и никаких мин. Эту растяжку то сделали часа четыре назад, так, на всякий пожарный. Вот всякий и погиб.

Но все проходит. Прошло и это почти недельное сиденье. Теперь трясясь на броне БМП, рядом с "Учителем" Вовка с товарищами, после почти месячной операции в горах возвращались в бригаду.

"Учитель" и на самом деле был учитель. О преподавал физкультуру в сельской школе и был самый старый в разведроте, ему было ровно сорок лет. Он таскал ручной пулемет и был спокойным, покладистым мужиком. Срочники, узнав об его прошлом достали его издевками на педагогическую тему. Но Учитель был слишком древен, чтобы на это реагировать. Несмотря на отличное физическое сложение и немалую силу он робел перед командирами и наездами сослуживцев. Вот и сейчас он обращаясь к Вовке с крамольными по его понятиям речами, он озирался на сидевших на башне ротного и замкомвзвода, хотя речь при реве двигателя трудно было бы расслышать и с десяти сантиметров.

— А знаешь, Вов я доволен, что все кончилось и едем домой. Тут вот другие молодежь, хотят "завалить" кого ни будь. Ухо отрезать как Антон, потом таскать как сувенир. Это дурь все. Мне бы вот денег заработать. Отбыл и черт с ним. Ну, ушли "чехи" живыми и черт бы с ними. Тоже люди.

— Учитель, я тоже думаю. Обошлось и слава Богу. Чего на рожон то лезть. Один хрен их тут всех не перебьешь. Нет, технически это конечно можно, но кому нужно?

— А кому Вова война эта нужна?

— Да нам, нам Учитель она больше всего и нужна. Вот ты, пацифист такой, чего сюда поперся, а? Хочешь, за тебя отвечу. Да потому что никому ты дома, как мне тут не втирай не нужен. Ни в школе, ни жене своей ни детям, какие уже наверное старше меня.

— Нет Вов, у меня дома все классно. Просто сам знаешь как в школе сейчас. Вот "бабки" просто нужны.

— Учитель, не грузи. Кому "бабки" нужны уже их заработали и не здесь. Ну ехал бы на "шабашку", ну еще куда. А если семья у тебя такая золотая, так они бы связали тебя или поили бы в усмерть, чтобы ты двинуться не мог, пока дурь из тебя не выйдет. А раз спокойно отпустили, значит так ты нужен там. Тебя же ведь не по призыву сюда, не по приказу как офицеров.

— Нет Вова ты не прав. — Только и сказал Учитель.

В чем он был не прав Вова так и не узнал. Учитель замкнулся в себе. Нельзя лишать человека его мечты. А в мечтах у Учителя действительно было все отлично, все кроме денег.

Вдоль сельской улицы, по которой двигалась колонна, на обочине застыло несколько сгоревших и искореженных БМД (боевая машина десанта). Сама улица была пустынна. Заборы украшали надписи: "Смерть российским оккупантам!" и "Смерть свиньям — свобода волкам"! Жители, видимо не желая лишний раз раздражать "оккупантов" не показывались из домов.

Несколько дней назад здесь попала в засаду колонна десантников. Погибло много срочников. Из них в основном и состояли ВДВ, в отличии от пехоты, укомплектованной по большей части контрактниками.

Вскоре колонна пришла обратно "домой". Пошла обычная рутинная армейская работа. В палатках появились трофейные матрасы, одеяла. Многие прибарахлились. А Вовка получил долгожданные письма. Два от матери, где она сожалела о его непутевом решении и о том, как дома хорошо, и как его ждут, она, а так же Марья Афиногеновна с Клавдией Ильиничной. "Да, зашибись кампания", — только и подумал адресат. А вот письмо от Лехи оставил на десерт. Его решил прочитать после баньки.

В баньке, кстати говоря, уже установили трофейное огромное зеркало. Какой шутник его притащил да и зачем было неясно. Ну, выходит есть и эстеты. Раздевшись, Вовка с приятным удивлением увидел голого подтянутого, мускулистого парня, загорелого как индеец по пояс. Былая одутловатость последних домашних месяцев исчезла, на него смотрело, словно вырезанное из дерева, смуглое лицо с короткой щетиной. Вовка понравился сам себе. Это была не та размазня что уезжала сюда месяцами раньше. "Неужели он теперь такой красавец мужчина," —

думалось ему. Он твердо решил уже писать рапорт на увольнение, все, хорошего понемножку. У такого мужественного красавчика, что смотрел на него из зеркала не должно быть больше проблем с работой и с бабами. Плюс при деньгах, что еще надо. Уже за одно боевое прошлое должны быть все двери открыты. Тут еще и всех участников к награде представить обещали. Вот такие мысли. А Вовку, несмотря на всю его трусость и Сашку за несколько удачных выстрелов из "Шмелей" вроде как на "За отвагу" подали. Поплескавшись и смыв грязь, он отправился в палатку, где с комфортом разлегшись на мягком трофейном тюфяке и закурив сигарку, вскрыл Лехино письмо. Оно было толстым и обещающим интересное и долгое чтение со смакованием.

Привет Вова, — как и все письма, начиналось и Лехино. Почерк был неровный, пьяного человека, строки наползали друг на друга. А мы тут от тебя весточку получили. Ну ту что ты Натахе писал. Слушай ты извини, но мне адресованное я потерял по пьянке, так и не прочитав. А Наташка твое, у меня забыла, когда бухали. У нас тут все классно, зависаем тут каждый день. Вот и сейчас я с Сашкой сижу и письмо тебе вдвоем пишем, а Наташка спит пока, а то проснется, тут не до писем будет. Ну рады за тебя, что добрался, а вот и Сашка написать хочет, я ему передаю. Дальше шло вообще мало разборчиво как по почерку, так и по смыслу.

Вова, здорово. А я тут к Лехе пришел. Ты там так, все пучком. Ты там куда попал? Я сам к вам приеду скоро, меня в спецназ берут, в военкомате обещали. Вы молодцы — чеченам вставляете. Бейте чурок этих. Ну, будь.

И в завершении Лехино: Вова ну ты понял как тут, давай приезжай, а я кончаю, а то вон Наташка проснулась и не дает мне дописать. Ну давай пиши еще.

Не письмо, а репортаж какой-то, — с грустью подумал Вова, — ну все по прежнему, а Саша Агеев так и не поумнел. Какой ему к черту спецназ, этого белобилетника в стройбат то не возьмут. А эта сладкая парочка хороша. Хоть бы как Агеев приписку бы чиркнула. Оно понятно, что я ей в одно место не впился, но все-таки… Приезжай тут к вам, да чего у вас делать. Бухать, да глупые речи слушать, особо о спецназе Агеевском. Нет, ребята жизнь и люди меняется здесь, а дома все по прежнему. Поэтому вряд ли там как-то я впишусь. Все будет по старому. Опять нищета, опять одиночество. Опять, опять… Нет, лучше здесь. По крайней мере, у меня нет страха перед завтрашним днем в том смысле как жить завтра. Есть страх перед смертью, а там ждет страх перед жизнью. Лучше я буду бояться смерти, чем

жизни. Это естественно, а второе — извращение. Так думал Вовка, бросая в печку письмо. Пойдет на растопку. Мысли об увольнении были выброшены из головы. А на следующий день его откомандировали обратно в роту РХБЗ, а Сашка перебрался в охрану командира бригады. Туда его перетащил земляк тоже москвич. Для Вовки и многих других наступили обычные армейские будни.

ГЛАВА 9

Послезавтра — Новый год. Прошло уже полгода, как Владимир ушел служить. Лето пронеслось. В хмурых дождях прошла осень. Пролетело лето. Прошла осень и наступила тяжелая военная зима. Небо затянули тучи. Рыхлый снег покрыл землю. Днем рыхлый снег вперемешку с глиной, такой, что налипала на сапоги, и каждый шаг давался с трудом и лужи, который на ночь покрывались тонким слоем льда. Постоянная сырость в ногах. Постоянный портяночный дух в палатке, где вокруг вечно горящей печи расставлены сапоги и развешаны портянки. Палатки выстывали мгновенно, и огонь надо было поддерживать почти круглосуточно. Заготовка дров стала основной хозяйственной заботой. Большой ценностью считался спальный мешок — в нем всегда тепло. Вове повезло — в роте РХБЗ было навалом комплектов ОЗК. Химической войны не предвиделось и резиновые чулки из них, удобно надевались поверх сапог или валенок, защищая их от сырости и создавая дополнительное тепло. Плащи тоже отлично спасали от дождя и снега. А еще резина прекрасно горела и иногда, для скорости, ею разжигали печь. Пять минут и в палатке баня. Но главное зло наступивших холодов это обычные бельевые вши.

Они роились везде. Их называли БТРы. БТРы селились в белье, одежде, спальных мешках. Едва их кормилец оказывался в тепле, как они активизировались, заставляя солдат чесаться и давить вредных насекомых. Еще применялись антигуманные способы их уничтожения в виде пропаривания одежды и просто банального стряхивания вшей на печку, где они погибали в ужасных мучениях (да простят воинов активисты гринписа). Большую часть времени люди проводили упакованными в ватные брюки и бушлаты, с кучей одежек под ними, а это и была главная благодать для БТРов.

Уже нельзя было, как летом, носить минимум одежды и обливаться водой на воздухе или в чисто символической бане. Теперь это было воспоминанием. Баню правда построили из подручных средств, но без предварительной протопки, что отнимало много времени и дров, помыться было нельзя. Хотя и это была большая роскошь. Многие подразделения не имели и этого.

Боевые действия в бригаде притихли. Шла гарнизонная служба. Армейская рутина. Сменился командир бригады — любитель муштры. Новый командир оказался не в пример прежнему, более понимающий людей, и не усложнял им жизнь.

Нет, конечно, операции проводились. Но не столь масштабные, как летом.

Люди однако погибали, кто в бою, кто по случайности. Погиб Антон, тот самый разведчик, что отрезал ухо убитому. Ему разнесло голову гранатой из ГП (гранатомет подствольный) на блокпосту у Аргуна. Были нелепые смерти, вроде той, когда насмерть завалило в яме двух солдат, посаженных туда за какие-то провинности. Непонятно зачем застрелился приехавший из отпуска, солдат-контрактник роты РЭБ, что стояла по соседству. Часовой на ЦБУ (центр боевого управления) застрелил коменданта. Вообще неизвестно как и почему. Пропало без вести четверо срочников, стоявших на блокпосту у Шали. Ушли в этот город, что-то купить, скорее всего водку, конечно и пропали. Пресловутой "дедовщиной" не пахло. В среде контрактников, составлявших большинство бригады, не в обычае было третировать молодежь. Хотя кто знает? При таинственных обстоятельствах попал в плен блокпост в полном составе. Все сорок человек. В одну ночь. Без единого выстрела. Просто вечером все были, а утром ни людей, ни техники, никого.

Вовка в переделки больше не попадал. Несколько раз прикомандировывался в мотострелковый батальон. Где находился на усилении при управлении дней по пять — семь. Потом возвращали обратно в роту. Грязь, вши, холод — неизбежные спутники войны. Теперь и Вова увидел их в полном объеме. Бесконечное сидение под дождем и снегом во влажной, липкой глине. Но удивительно, болезни не приставали.

Личный состав в роте обновился. Не осталось никого, с кем Вовка приезжал сюда. Серега, тот самый, что рвался воевать, перевелся в NNN полк, откуда их взяли в бригаду. Он полагал, что там навоюется вдоволь. Кто знает? Может и так. Вовка философски взирал на эти вещи: "Куда посадили — там и сиди". Сашка, с кем они были в разведроте, уволился по приезду с гор и сказал, что теперь восстановится в ОМОНе. Дай то Бог. Уволился по окончанию контракта Боря, тот самый, что встретился им первым в роте. Он так и просидел в роте весь контракт. Никуда не выезжал. Кстати был представлен к медали. За что вы спросите? Да ни за что. Просто человек добросовестно служил, выполнял свою задачу. А разве этого мало? Запомнилось увольнение командира роты со старшиной.

В тот памятный день капитан Попов и прапорщик Рыков в приподнятом настроении, одетые в нарядные камуфляжи, заправленные в брюки, обутые в новенькие "Берцы" и с легкомысленными пакетиками в руках, попрощавшись со всеми, отправились в штаб, откуда, получив документы, с колонной

уехать в Ханкалу. Однако, к всеобщему удивлению, менее чем через час Попов и Рыков вновь появились в роте. Куртки у обоих были уже навыпуск и подпоясаны, как положено. Весь остаток дня они посвятили повторным сборам. Оказалось, что командир бригады устроил им строевой смотр и т. к. у обоих не было укомплектованных вещмешков, кирзовых сапог и фляжек, комбриг решил, что с такими недостатками в снаряжении они не смогут добраться до дома. Наутро, уже в кирзовых сапогах, с фляжками на поясе и мешками за спиной "дембеля" вновь пошли в штаб. На этот раз вернулся один ротный. Оказалось, что хитрый старшина взял б\у — шный котелок и фляжку, а вот капитан новые, да не посмотрел, что они в солидоле. Он не посмотрел, а полковник Мутов посмотрел. Еще сутки на устранение недостатков. С третьей попытки командир роты наконец-то вырвался из Ичкерии. Еще имели место курьезные случаи увольнения "за оскорбление чеченского народа". Оскорбление выразилось в расхаживании летом по пояс голые на виду у гражданских чеченов. Но эти ребята сами уволиться хотели. Надоела рутина и быт поганый. Тогда же водовоза уволили, попался на глаза Мутову в расстегнутой куртке, а главное солдат был хороший и увольняться не собирался, командиры за него, ан нет, уволили по дискредитации. И смех, и грех с этим полковником Мутовым Сам он, однако по своим стандартам не одевался, а видом походил на американского рейнжера из голливудского боевика. А командира взвода, у которого Вовка на блок-посту начинал, перед увольнением в яму посадили. Он со взводом запил. Ну, всех в яму и посадили. Командира в одну, подчиненных в другую.

К счастью Мутова достаточно скоро убрали. Пришедший ему на смену полковник Курков был безразличен к внешнему виду подчиненных, что, кстати, очень положительно сказалось на моральном климате и боевом духе.

Вовка и сам миллион раз собирался бросить все и свалить, но каждый раз, в самый последний момент, что-то останавливало его. Тем более, он наверное больше других понимал, что ловить дома нечего. Хорошо в его память запало, как он жил до этого.

Вот и сейчас, сидя в окопе, положив на колени, длинный как весло, автомат АК-74 он смотрел в звездное небо и курил на пару с Михаилом сигарету.

Михаил приехал месяц назад, его прикомандировали из воинской части с Нижнего Новгорода, где он служил по контракту. Попал в роту РХБЗ тоже огнеметчиком. Михаил был на два года моложе Владимира, но уже имел двух детей: мальчика восьми и девочку пяти лет, которых нажил от жены, бывшей

старше его на десять лет. Парнем Миша был спокойным, очень общительным и интересным собеседником. Его рассказы о гражданской жизни, а особенно сексуальные похождения, а может быть и фантазии, были весьма занимательны. Вот и сейчас, беря от Вовки "бычок", он продолжал свою байку:

— И вот, короче, пока проститутка по вызову от меня выходит, ну водила их в дверях стоит, а тут моя жена вернулась. Ну, кто знал, что раньше времени с рынка придет? Ну и на меня значит наехала. Знаешь, так с выпендрежем, что, мол, с кем лучше с ней или со мной?

— Это при ней? — поинтересовался Вовка.

— Да нет, она уже уехала. Да ты слушай, не перебивай. И вот, я возьми да правду и скажи: "С ней конечно".

— Да, это уж действительно лучше, — мечтательно промурлыкал Вовка.

— И тут моя, как треснет меня сковородой, по голове. — Как бы имитируя этот удар, где-то на окраине Шали грохнул взрыв и поднялся столб огня. — Во, глянь, что это?

— Да нефть взорвалась, — ответил Вовка. — Да хрен с ней, потом-то что?

— Да что, что, во, смотри. — Сняв ушанку, Мишка показал шрам на стриженой голове. — Потом три недели в госпитале лежал, едва не комиссовали.

— Да, за правду все страдают, — по философски утешил товарища Вовка.

— Эх, не говори, — только и осталось тому ответить.

Затем оба, как по команде встали, вылезли из окопа и шлепая сапогами в резиновых чулках по хрустящему ледку прошли размяться по расположению роты.

Кроме них в карауле еще были водитель "водовозки" срочник Виталик и дед Слава. Да, именно дед, а как еще назвать сорокалетнего мужика, у которого в самом деле уже была внучка. А также многострадальный кот Барсикоднофамилец Вовкиного домашнего любимца, и кавказская овчарка Джохар — тезка и земляк мятежного генерала.

Увидев Вовку, Барсик мгновенно забрался по его одежде на плече своего заступника и мертвой хваткой вцепился в воротник бушлата. Вовка полюбил Барсика и не раз прятал его в своем спальном мешке, когда расшалившиеся товарищи пытались остричь животное "подо льва", то есть обрить наголо, оставив гриву и кисточку на хвосте.

Джохар виляя хвостом, радостно вился вокруг Мишки. Джохар, взятый в роту маленьким смешным, толстеньким щеночком, вырос в огромного зверя. К солдатам роты он

относился более чем дружелюбно, снося от них все. Но для посторонних это был грозный страж. Кидался на всех. Так как команд он не понимал никаких, то днем его привязывали, а если кто заходил в роту, то еще и держали. А он все одно рвал и метал. С Барсиком они, однако, были дружны. Опровергая знаменитую дружбу кошки с собакой.

Дед Слава по своему обычаю сидел в бане, и что-то мастерил, положив автомат на самодельную лавку. Его работящие крестьянские руки не могли мириться с вынужденным бездельем. Собственно говоря, баня и была на 90 % его рук делом. Валентин мирно спал в кабине своей машины-водовозки.

Тут из офицерской палатки по нужде вышел техник роты прапорщик Лутов.

— Эй, а где еще двое? — спросил он первым делом.

— Дак, это, здесь. На территории — неуверенно, в один голос ответили Вовка с Мишкой.

— Ну, где, не вижу, — и уже громко. — Эй, наряд, сюда!

Кряхтя, на ходу надевая на плечо автомат, засеменил из бани дед Слава.

— А четвертый где? Эй Сушков! Сушков!

На крик из кабины "водовозки" вылез Валентин.

— Чего там делаешь? — грозно спросил Лутов.

— Да грелся. Мне что, охреневать на этом морозе?

— Ну, за такие "бабки" можно и поохреневать, — резонно заметил техник.

— Да я же срочник, товарищ прапорщик, какие же мне "бабки" — ответил не в меру развитый юноша.

Тут Лутову крыть было нечем и, справив нужду за палаткой, он ушел спать.

Вскоре на вторую половину ночи заступила следующая четверка, а наша забралась в жарко натопленную палатку, отдаваясь объятиям Морфея и оживавшим вшам. Еще немного почесавшись, они уснули. Даже во сне, обитатели палатки машинально продолжали чесаться.

Рота РХБЗ стояла теперь на окраине разрушенного коровника. Палатки закопались в землю. Равнину занесло снегом, который постоянно смешивался с глиной гусеницами и колесами техники, месился солдатскими сапогами. Трудно было представить, что здесь, на этой фактически голой равнине, расположен целый город из палаток, блиндажей и землянок. Со своими проспектами и площадями, улицами и переулками, кварталами. Вовка за шесть месяцев службы привык к нему как к родному. Конечно, он понимал, что это неестественная жизнь. И, скажи ему, особенно, когда он был следователем прокуратуры и

занимал отдельный кабинет, что он, вот так будет жить зимой, в чистом поле, в грязной, вшивой палатке, неделями не то, что не моясь, но даже не всегда умываясь, он наверное, сказал бы, что это бред, и бежать из такой жизни нужно со всей прытью. Но вот он в ней, причем добровольно. И можно разорвать контракт и уехать отсюда. Но теперь он не видел в такой жизни ничего уж особенно дикого. Более того, он, да и не он один находил, что рота РХБЗ можно так сказать — элитное жилье. Все-таки нет особых проблем с водой. От роты РЭБ (радиоэлектронной разведки и борьбы) провели кабель и часто горит электрический свет. А это немало. Куда хуже жили в мотострелковых подразделениях. В этом уж он убедился, вот там уж правда задница. А здесь что? Здесь — курорт.

Но другой стороной этого кошмара, с постороннего взгляда, было комфортное ощущение душевного покоя. Владимир стал часто задумываться о Боге, о вечности. Часто стал молиться про себя. Нет, не со страху. Просто бродя по ночам в карауле, под звездным небом он видел со стороны тщетность и никчемность людских потуг. Жизнь и смерть сошлись на этой земле. Казалось, что стоишь на пороге вечности. А ведь по мифам и преданиям, как Вовка читал еще дома, где-то в этих горах орел терзал печень Прометею.

А что дома — снова мелкая суета, погоня за куском хлеба. Глупые, пустые разговоры. Красования друг перед другом, ничем, кроме голых словес не подкрепленные. Постоянное стремление казаться не хуже других. Видимость вместо реальности, пускание пыли в глаза. Боже мой, наконец-то всего этого не нужно. Его здешние товарищи, несмотря на то что воевали, были куда более человечнее и добрее, чем те лакированно-лощеные благополучные граждане, что загребая жар чужими руками, свои сохраняли в чистоте и бравировали этим, перед ними — ассенизаторами политики и истории. Души политиков напоминали ему ротный нужник. Даже нет, он чище и ароматнее.

А те, маленькие, но такие желанные и иногда доступные радости, вроде баньки. Да она куда милее всех "новорусских" саун, в которых парятся как раки "хозяева жизни". А кружечка крепкого чая? Да та же водка. Это дома ее завались, а здесь редко да метко. Тут вот пару недель назад, Вовки тогда не было, его во второй батальон вместе с дедом Славой откомандировали. Так караул крышу — кусок шифера, с "оружейки" — обычной ямы, сняли и запасы старшинской водки вытащили. Все опились и давай стрелять почем зря. Вон в палатке дырочки, сейчас даже звездочку видать на небе. А техника роты, так поговаривают, повалили, как он был в одних кальсонах, и сапогом в зад тыкали.

Вот, на гражданке будет что вспомнить. А то там пьянка это банально.

И вот утро 31 декабря 1995 года. Командир роты, тучный, уже в годах старший лейтенант, построил свое войско и раздал всем новогодние подарки. Это были стандартные детские кулечки со сладостями из гуманитарной помощи. Разошлись по палаткам и стали их рассматривать. Чем-то далеким и нереальным повеяло на всех. Конфеты, шоколад, улыбающиеся мишки и елки, новогодние шарики, как не вязалось все это с окружающей обстановкой. Мелочь, но все равно приятно. Частично поели, частично оставили на ночь. Вставала одна грандиозная проблема. Что же пить. После "известных событий" водки в роте однозначно не было. Колонн давно не было. А счастливчики с других подразделений, которые ездили в Ханкалу и запаслись вожделенным напитком, делиться им в этот день не собирались. Да и не близко до них. Да и контроль сегодня за личным составом о-го-го! Вон офицеры каждую минуту в палатку заглядывают. Короче водки не нашли.

В ночь все с автоматами в руках, высыпали из палаток, и, не смотря на строжайший запрет офицеров, стали палить в воздух. Все небо осветилось, ракетами, трассирующими очередями. Кто орал, кто смеялся. Шум стоял невообразимый. Артиллерия дала залп осветительными снарядами и мириады светящихся шаров повисли в воздухе. Где-то правее раздался слишком громкий треск и ярко вспыхнуло пламя. Послышались крики, ругань. Но это было далековато и никто ничего не понял. Спиртного не было и в общем-то ночь прошла достаточно спокойно. Закусили чай шоколадкой. Вот и все. И как обычно ночь пополам — караул. В этот раз Вовка стоял с двух ночи до шести утра. В том же составе.

Наутро узнали, что сгорела палатка второго батальона. Это их крики они и слышали ночью. Обошлось без жертв. Неприятно конечно было ее обитателям в новогоднюю ночь шляться полуголыми в поисках ночлега, но не смертельно. А все пьянка. Прав был ротный.

* * *

В квартире Лехи стены сотрясались от музыки. Пьяная Наташка демонстрировала стриптиз на новогоднем столе. Зритель был пока один. Хотелось бы аудиторию побольше (да и артисток получше — это мысль зрителя), но и Леши хватит. А скоро и Саша с Игорем Агеевы придут. В момент, когда она снимала лифчик, раздался звонок. Вот и пришли. Дальше все по

плану — пьянка, "доклад" младшего Агеева о "очередной" поездке в Чечню. Видя что аудиторию захватить не удается и на него никто не обращает внимания Агеев предложил почтить минутой молчания Владимира, погибшего смертью храбрых в Чечне. На секунду возникло замешательство. Первый сообразил Леха.

— Саш, чего правда, что ли? Откуда узнал?

— Ну я же над ним живу. Мать его сказала.

— А похороны? — спросил Леха.

— А его на куски разорвало, там же и похоронили, в братской могиле.

Леха не знал, насколько можно верить Агееву. Поэтому решил просто молча выпить рюмку. Вот те на! Проносилось у него в голове. И чего он там тормознулся то надолго. Может и брехня все. А как его мать спросить? Вдруг брешет Сашка, от него всего можно ожидать.

— Наташа, ты понимаешь, скоро мне туда ехать, — обращался Агеев младший к единственной даме. — Ты понимаешь, что и меня могут как Вовку, так же. А он моим лучшим другом был. Пей, пей, за него.

Широко раскрытыми глазами Наташка смотрела на него. "Неужели этот красивый мальчик может погибнуть (Агеев конечно). Нет, надо отговорить его. А какой храбрый. Ведь вот друга убили, а он туда же.

А Саша дальше и дальше опутывал ее словесной паутиной, рассказывая, через какие испытания предстоит ему вскоре пройти вместе со спецназом. Конечно, как не уединиться с героем. А Леша подождет. Больше о "погибшем" не вспоминали.

ГЛАВА 10

Спустя две недели, "погибший смертью храбрых" Владимир, получивший, кстати, в честь праздника младшего сержанта, на пару с Валентином пилил дрова, не подозревая о своей ужасной участи, "разорванного на куски и похороненного в братской могиле". Разорван на куски, правда, был его новый бушлат, да именно, во время известных событий когда он для пущей сохранности оставил его на хранение в палатке. И теперь он щеголял в драном, но так же теплом бушлатишке второго или третьего срока.

— Во, теперь на ночь хватит, — удовлетворенно поглядев на внушительную поленицу дров, произнес Вовка.

— Уголь подвезти с Ханкалы должны скоро, — порадовал Валентин. — Тогда классно будет. Дров не нужно пилить.

— Да, уголек — хорошо.

Но хорошо оказалось другое. Рутина закончилась. Вовку с Мишкой вызвал ротный в офицерскую палатку и велел собираться по полной программе. Через час выдвигаться к ЦБУ (цент боевого управления). Готовится рейд. На сколько — неизвестно. Дальше все как обычно, чего там собирать-то, главное спальный мешок. Мишка сначала сдуру ума свой брать не хотел, начал говорить, что может все одним днем обернется. Но Вовка памятуя прошлый опыт решил запасаться на год вперед. Через час они уже тряслись на броне БМП, где было уложено всяческое снаряжение. Нести все это в руках было проблематично. Для неискушенного читателя я просто перечислю: бронежилет, каска, которые им приказано было сразу же одеть на себя, противогазы, так же повешенные на плечо, по четыре "Шмеля", автомат, ну и само собой вещмешок с едой и спальный мешок. Но зато свое близкое будущее можно быть спокойным. Старшина не поскупился и отсыпал им вдоволь консервов. Явно больше чем на три дня. Это радовало, но с другой стороны настораживало Вовку — щедрость военных руководителей объяснялась обычно чем-то нехорошим. Значит, что придется явно больше трех дней мыкаться отрезанными от мира. И если бы лето, а то ведь январь.

На ЦБУ, посередине лагеря бригады столпотворение людей и техники. Гусеницы машин так глубоко вспахали землю, что колеи напоминали глубокие овраги, в которые, провалившись ночью, нелегко было бы выбраться, особенно учитывая, что глина налипнет. И ротный провалился. При его тучном сложении выбраться было действительно нелегко. Вовка с Мишкой, уже в боевом облачении, неуклюжие в своих тяжелых бронежилетах,

одетых на толстые бушлаты и спадающих на глаза касках неуклюже вытаскивали командира из грязи, рискуя сами оказаться ежесекундно в таком же жалчайшем положении. Когда командир был уже почти вытащен и одной ногой балансировал на краю борта БМП, куда его затаскивали, Мишка, видимо припомнив какие-то старые обиды, разжал руку, державшую ротного и тот под смех зрителей вновь рухнул в грязь.

— Ты чего? Опупел, — грозно прорычал он, вставая в липкой грязи.

— Да я что, товарищ старший лейтенант, сами видели рука выскользнула. — Оправдывался Мишка. — Я же не нарочно, вам бы надо было крепче хвататься.

Вовка, не имевший особых претензий к командиру, спрыгнул вниз, глубоко увязнув в глине под тяжестью "облачения" стал демонстративно поддерживать его под локоток, приговаривая.

— Ах, не ушиблись ли, товарищ капитан (приписав командиру желанную звездочку), сейчас мы Вас в лучшем виде достанем. Вы на него дурака внимание не обращайте. Молодой, еще, вот каши мало ел, вот и не удержал. Вы старшине скажите, что бы подкормил его получше.

Командир, наконец, то был поднят из грязи и с почестями усажен на башню БМП. Дальше все по плану. Их отвели к третьему батальону и передали в распоряжение их комбата. От третьего батальона здесь присутствовало чуть больше роты солдат. Еще стояло несколько танков. Вообще на ЦБУ собиралось какое-то микроскопическое войско. Коктейль представителей всех видов сухопутных войск, и пехота и танки, один из которых украшали подвешенные спереди на металлической конструкции катки, которые солдаты окрестили "яйцами", и какие-то устрашающего вида, но безобидные землеройные машины. Колонна собиралась приличная. Стояли и еще какие-то ранее невиданные Вовкой, диковинные машины. Обращало на себя внимание, что в пехоте было много АГС (автоматический гранатомет станковый). Оказалось, что это гранатометный взвод в полном составе, была и минометная батарея. Вообще все подразделения были максимально технически вооружены. Не было просто стрелков, обязательно все с какими-то еще усиленными орудиями войны. Присутствие здесь огнеметчиков со "Шмелями" было очень кстати, и Вовка с Мишкой гармонично вписывались в общий пейзаж.

Войско построили. Стояли все упакованные в бронежилеты и каски, что сковывало движения. Толпа этих людей напоминала сборище неведомых, огромных майских жуков в панцирях. Ждали неведомо чего, как обычно в армии. Курили, трепались. Искали

земляков. Нашли конечно, как без этого. Вовка так вообще рядом с земляком в строю оказался. Парень по имени Женька, уже третий месяц здесь. Женька был из деревни, а в городе жил в "общаге", ну дальше, наверное, без комментариев, сами представляете, что там за жизнь и кто живет в большинстве. Женька и был то подавляющее большинство, обитателей этих людских муравейников, со всеми пороками им присущими. А с другой стороны читатель, с кем бы ты хотел бы жить и выживать? С ними или обитателями богатых особняков? Задумался? То-то же. У Мишки нашлось земляков побольше. Их большую партию с одной части прикомандировали. В основном все специалисты: механники-водители, связисты, саперы и т. п. Один земляк был особо полезен, он был "механ" на БМП, в том самом подразделении, куда их прикомандировали.

О цели такого сбора никто не знал. Слухи ходили разные. Доминирующим был тот, что "чехам" наносится перед грядущим заключением мира некий последний удар страшной силы. И вот поэтому их тут и собрали. В подтверждении этой версии говорило наличие лучшей техники в бригаде, собранной здесь и максимально усиленного вооружения. Остальные версии варьировались от обычного строевого смотра и учений до полного вывода войск в Россию.

Наконец что-то стало проясняться. Из штабной палатки вышел командир бригады в сопровождение старших офицеров. Ряды войска выровнялись. Вдоль них забегали офицеры, что-то записывая и помечая. Внимательно рассматривали технику и… И все. Разойдись. Вовка и Мишка безуспешно пытались разыскать БМП с их ротным, но те давно уехали, отдав их в третий батальон. И куда теперь? Ночевать в третий батальон? У них самих негде. А как все добро в роту переть. Двух рук не хватит, да и путь неблизкий, около километра по грязи. А завтра обратно сюда же строиться. Их новый командир интереса к своим новым нахлебникам не проявлял и предоставил им полную инициативу в поиске ночлега.

Вот тут то Мишкин земляк и пригодился как нельзя кстати. Пришли к разумному компромиссу. Все свое добро, а главное "Шмелей", оставили в его БМП. На ночлег, в роту, пошли налегке, с одними автоматами. А в роте оказалось, что их совсем не ждали и обед с ужином съели. Кряхтя, выдал им старшина банку кильку. Тем и поужинали.

Следующий день прошел, так же как и предыдущий. Пришли, построились, постояли до обеда и разошлись. Вовке даже понравилось такое дело. А что, уходишь с утра, простоял до обеда и в роту. Ни тебе нарядов, ни работ, ни начальников. Ротный уже

вроде как передал в батальон, а там вроде как еще не пристроили к месту. На третий день Вовка с Мишкой в таком же приподнятом настроении месили грязь по направлению к ЦБУ.

— Вов, а классно, если правда вывод скоро, — отряхивая налипшую глину с сапога и доставая сигарету сказал Мишка. — Домой наконец попаду. А то на шесть месяцев прикомандировали, а тут через два окажусь.

— Не знаю Миш, — задумчиво произнес Вовка. — Мне уже и страшно ехать. Я здесь привыкать начал.

— Да ты что? Вообще свихнулся? Чего тут делать?

— Миш, понимаешь, ты вернешься к семье, к жене, что тебя сковородой еще раз огреет, к службе. А я к чему? Опять работу искать бегать. Опять один на один с собой. А здесь я при деле.

— Ты Вова дурак, ты за полгода уже сколько "бабок" набрал? Купишь "тачку" то да се, заживешь.

— Миш, "тачки", "бабки". "Бабки" кончатся, а что "тачка" это тоже стоянка-гараж, бензин, права-ГАИ. Ну не в этом дело. Вон помнишь, с пятой роты в отпуск парень ездил, как уж звать не помню, тот, правда, все холодильником грезил. Ну и что, в первый день все просадил, до дома ехать не на что. Так он тем же днем сюда обратно. Вчера в строю увидел. С нами поедет.

— Ну, это он без ума. А если с умом….

— Да все мы тут без ума, — стал раздражаться Вовка. — Послушать вас, ну министры финансов, а только все без гроша. Кто с умом он дома деньги делает, сюда не прется.

— Да, ладно, Вова, не кипятись. У нас вот один пацан приехал, деньги по уму вложил, сейчас квартиру купил, магазин у него.

— Ты его сам-то видел.

— Нет.

— А магазин его?

— Ну, — замялся Мишка, — он в центре где-то. Да точно есть. Я тебе говорю. Мне пацаны точно рассказывали.

— Ладно, есть так есть. И ты магазин в квартире купишь. — Вовке уже надоели эти разговоры о скатерти-самобранке в виде денег полученных за службу.

Ну и пусть надеются. Должен же человек во что-то верить. А Вовка не верил уже ни во что.

В этот раз на ЦБУ была сверхнервозная обстановка. Командиры надорвали глотки строя своих нерадивых подчиненных. То тут, то там слышались крики:

— Каску одень! Противогаз где, тебя спрашиваю?! Ты автомат держишь, а не бабу за сиську! Это что такое?! Я тебя спрашиваю! Живот выпятил как баба Рязанская!

Мишка и Вовка заняли свои места в крайнем ряду и переминались с ноги на ногу, пытаясь согреться. А погода ухудшилась. Вчера выпал сильный снег и таять не собирался. Снегопад возобновился, и сейчас липкие белые хлопья осыпали солдат.

Перед строем, бодрой, пружинистой походкой вышел самый настоящий генерал. Офицеры и солдаты напряглись, ожидая страшного разгрома, за недостаточно бравый вид, бардак и прочие армейские грехи. Кое-кто в уме прикинул, сколько ему придется сидеть в яме, что зимой было вовсе некстати. Однако генерал-майор повел себя на редкость демократично. Он произнес краткую и энергичную речь, сводившуюся к тому, что собранной группе предстоит первыми выставить блокпосты в окрестностях Курчалоя. Перекрыв тем самым возможные пути отхода из Новогрозненска банде Салмана Радуева. Подчеркивалось, что впереди ожидают тысяча с лишним боевиков и полное отсутствие мирных жителей. "Там нет пастухов, там одни бандиты", — вот было генеральское резюме. Для обеспечения задачи не пожалели сил и средств. Дали даже водоопреснительные машины. Колонну будут сопровождать "вертушки" (вертолеты). Вскоре подтянутся еще войска. Задача особой важности, курируется командованием, бдительность, боеготовность и т. д. и т. п…

Слушая все это Вовка приходил в уныние. Ясно, что просто так такие речи генералы не говорят, а значит, ожидается что-то совсем уж нехорошее. Подозрения усилились, когда генерал стал лично пожимать руки каждому солдату. Над полем раздался гул, это появилось звено вертолетов. Подали команду и народ стал грузиться на машины. Вовка со второй попытки залез на БМП. С Мишкой их разлучили. Он ехал с другой ротой. Зато Вовка попал с его земляком, Олегом, тем самым механником-водителем. Олег оказался человеком чудной судьбы. Был а Афганистане, Чернобыле, Таджикистане. Являясь импотентом после Чернобыля, продолжал жить с женой. Вот такие чудеса. А кроме того, незадолго до этой операции Олег отличился. Послали его ребята с блокпоста, где он стоял за водкой на рынок. Дали на обмен три "Мухи" (гранатомет одноразовый), чтобы он их выменял, не менее чем за литр. Олег и пропал с концами. Вернулся под самый вечер, пьяный и счастливый, ни "мух", ни водки. Ребята сильно разозлились на него тогда. Били смертным боем. Вот такие дела. Про незадачливого торговца все знали, в том числе и офицеры, но мер никаких не приняли, с ребятами, что лупили его как сидорову козу, он вскоре помирился, и все продолжалось по старому.

БМП напоминало цыганскую кибитку. Чего там только не было нагружено: кастрюли, палатки, печка, даже два толстенных бревна, на всякий случай топливо. Солдаты как мухи облепили машины и колонна тронулась. Спереди шел, тряся "яйцами" танк, сверху, подобно коршунам кружили вертолеты. Впереди лежали заснеженные поля. Вовка с интересом поглядывал по сторонам. Часто они проезжали блокпосты, где из землянок, словно кроты из нор, вылезали на свет грязные, закопченные солдаты. Такова были зимняя жизнь. Тяжелая, холодная и грязная.

Навстречу ехала чеченская колонна автобусов и грузовиков, наполненных молодыми мужчинами. Все как на подбор в традиционных шапочках, наподобие тюбетейки. Поравнявшись с военными, чечены стали улюлюкать и показывать непристойные жесты. Впрочем, и наши в долгу не остались. Наконец, долго плутая по разбитым дорогам, колонна наконец, когда начало темнеть заехала на огромное поле. К удивлению Вовки там располагалось какое-то подразделение. Были едва заметны три одинокие, вросшие в землю палатки. Здесь и предстояло ночевать. Спешились с машин. Костры разводить командиры запретили, чтобы не демаскироваться. Ничего хорошего это не предвещало, так как заметно похолодало. Прыгая на месте и разгоняя кровь, после долгого сидения на железе Вовка с Женькой, они попали в одно подразделение, вернее это Вовка попал в роту к Женьке, обсуждали планы ночлега. Сошлись на том, что надо, пока другие не опередили, попробовать попроситься на ночлег к солдатам, стоявшего здесь подразделения.

Такие умные они были не одни. В сторону палаток двигались еще маленькие группки людей. Ребята подошли к палатке возле которой ковырялся в автомате мужик с огромной окладистой бородой.

— Здорово дядя! Откуда будешь, — обратился к нему Вовка, протягивая сигарету

— Мы все тут с Урала, — ответил мужик, — а вы?

— Мы с М-ска. А вообще все с Московского округа.

— Откуда вы? — удивленно переспросил мужик.

— С М-ска.

— Слышь, ребят, я с вашей области родом, с Р-кого района.

— А на Урал то, как попал? — спросил Женька.

— Да, с женой развелся, от алиментов бегал, — простецки ответил дядя.

— Во дела, — удивился Вовка. — И как удачно, убежал.

— Да нет, вон долгов набралось за пять лет. Ну тут думаю поправлю дела. А то тюрьма.

Беседа стала совсем дружеской. Дядя достал откуда-то фляжку с омерзительной на вкус водкой Осетинского разлива. Выпили. Захорошело. Ясное дело, что согласился пустить земляков на ночлег. Одна загвоздка. Он сегодня в палатке один. Дровишек бы полить. Да не вопрос. Уже через минуту Вовка с Женькой скинув бушлаты, яростно разделывали огромное бревно. Чурбаки только успевали отлетать, а дядя только успевал их колоть, да в палатку таскать. Да не такой уж Юрка оказался и дядя, всего то на три года Вовки старше, если б не борода, может еще и моложе выглядел бы. У Уральцев оказывается, за бороды не преследовали. Это в бригаде, прямо как при Петре первом. Не прошло и часа, как дров оказалось на дня два. Самое время печку топить. И тут…

И тут появился молодой мужчина с властным лицом. Он сразу набросился с бранью на Юрку и сказал, чтобы посторонних и духу не было. Это был их офицер. Ну что можно было сделать, да ничего. Поплелись Вовка с Женькой в голое поле, к технике, искать где прикорнуть. Вот тут-то Вовка не раз похвалил себя за то, что взял спальный мешок. Вместе с Женькой, он тоже не дурак, свой захватил. Расстелили спереди на БМП один мешок, легли, а вторым укрылись. А ноги чтобы не мерзли, сапоги сняли, а ватные брюки приспустили, и босые ноги в них убрали. Так нормально и переночевали. Не с женой в постели, но все-таки не хуже других, а кое-кого и лучше. Не такие запасливые, всю ночь прыгали вокруг, согреться пытаясь. Даже караул выставлять не пришлось. Все одно вон их сколько не спит, снег топчет.

Утром стало ясно, что и в этот день никуда колонна не тронется. Почему стояли, никто не знал. Поели кое-чего всухомятку. Вовка с ребятами свой "сухпай" разделил. Его коллегам, оказалось вообще ничего выдали с собой. Только вчера дали по одной банке каши и все. Остальное подвезти должны на место. А кто, когда, куда?

Прошла вторая и третья ночь. Многие перемерзли до того, что уже ни черта не соображали, особенно молодые срочники. Наконец тронулись дальше. Опять петляли по каким то заброшенным дорогам мимо развалин, иногда возле разрушенных домов стояли местные жители. Они молча взирали на войска. Радости и надежды в их взглядах не наблюдалось. Много машин по дороге вышло из строя и их тащили на буксире. Вовка не мог понять где они находятся, далеко ли они от бригады? Может даже где-то рядом, просто путь долгий и извилистый.

Наконец остановка в поле. Посреди равнины ну вылитое кольцо. Да, да самый настоящий земляной вал круглой формы, диаметром метров шестьдесят и высотой метра два. На валу еще

росли жиденькие деревца и кустарник. Похоже на воронку, но уж слишком мощной должна быть бомба, не меньше ядерной, чтобы такое чудо сделать. Скорее уж какой-то метеоритный кратер, хотя и ему тут откуда взяться. Как бы тут не было, тем не менее, место представляло идеальную природную крепость.

Здесь колонна стала разделяться. Рота, к которой прикомандировали Вовку, вместе с тремя танками и минометом осталась здесь. Остальная колонна, свернув влево на проселочную дорогу, проследовала дальше. С ними уехал командир батальона, он же главный во всем этом войске и Мишка. Так их разлучили. Теперь стали обстраиваться. Времени много это заняло. Все уже природа сделала. Посередине "кратера" как про себя Вовка назвал природное чудо, разлилась огромная лужа, в тот момент покрытая уже крепким льдом.

И вот когда в печках уже закурился дымок, произошло чудо. На доселе пустынной дороге затарахтел мотоцикл. Остановился напротив укрепления, прямо перед стволами танков и БМП. Из коляски вылез старик с седой бородой, в папахе и длиннополом развевающемся пальто. Старик стал что-то гортанно кричать в сторону только что обустроенного блокпоста, ежесекундно потрясая клюкой, которую держал в руке. Казалось, что старик сейчас кинется с этой деревянной палкой на танки. Весь его вид напоминал какого-то неистового библейского пророка. За рулем мотоцикла сидел молодой парень и безучастно наблюдал за всей этой сценой.

Наконец, старец привлек внимание солдат и навстречу ему решил идти молодой лейтенант-двухгодичник, что был старшим на блокпосту. Вовка, а вместе с ним солдат по кличке Старый, вызвались сопровождать командира. Ожидалось что-то интересное и необычное. Сам старец и его спутник явно были безоружны и никакой угрозы, кроме вербальной не представляли.

Когда пробирались через глубокие, наполненные водой колеи от гусениц, Вовка еще раз похвалил себя за предусмотрительность. Его спутники нахватали воды полные сапоги, в то время как Вовка был защищен чулками от ОЗК. Все-таки опыт великая вещь. Сделав знак рукой, чтобы они оставались на месте, командир, в смешной вязаной шапочке на голове, нервно поправляя автомат на плече, подошел к старцу. В облике лейтенанта было что-то, по детски трогательное, особенно эта шапочка, напоминавшая колпак гномика из детской сказки. Автомат на его плече, настолько контрастировал с его обликом и казался чуждым, инородным телом.

В противоположность ему от седобородого чечена веяло такой неистовой, фанатической энергией, что казалось, он сам

здесь как магометанский ангел мщения. Вовке пришла в голову мысль, что он бы, пожалуй, не удивился бы, если бы клюка старика, по воле Аллаха, вдруг превратилась бы в огненный меч архангела Джебраила. Что тут началось! Как коршун старец набросился на молодого лейтенанта:

— Убирайтесь отсюда! — Вещал он. — Убирайтесь, пока Аллах не истребил вас. Это святое место. Его никто не может осквернять. Здесь никто не может находиться.

— Но, — пытался вставится лейтенант.

— Малчы, слющай. — тут же заткнул его оратор. — Я людей еле сдержал. О, Алла! Они уже сейчас вас хотели повырезать. Ты что думаешь, танки твои помогут, — при этом он так энергично ткнул клюкой в сторону танка, что казалось, хочет пробить его насквозь, — нет, не помогут, с нами Аллах.

— Но, — опять попытался что-то сказать лейтенант, но инициатива была прочно перехвачена исламским пророком.

— О, Алла! Да вас сегодня же ночью не будет. Ты понимаешь. Никто не простит что вы здесь. Аллах сегодня же уничтожит вас. — Старик плюнув в сторону командира, снял с головы папаху и в сердцах бросил ее на дорогу. Убирайтесь куда хотите, но здесь не будете.

Высказав все это, старец еще раз, подняв пылающие очи к небу, возопил: "О, Алла!", поднял папаху, резко повернулся и сел в коляску. Мотоцикл, презрительно фыркнув, обдал стоявших в недоумении на обочине военнослужащих и поехал в сторону небольшого села, расположившегося на отлогом склоне горы. Но даже сидя в коляске, старец продолжал потрясать клюкой и кричать какие-то, видимо сильные проклятья на родном языке.

Лейтенант стоял, потупившись, как школьник, не выучивший урок, у доски после учительской проработки. Вовка и Старый переминались с ноги на ногу и не знали, как успокоить лейтенанта. Вовке было жалко молодого командира. Судя по всему, этот вчерашний студент был не таким уж слабаком, как сейчас оказался. Просто он, будучи вероятно человеком интеллигентным (что впоследствии и подтвердилось), не был готов к словесным баталиям в наглости. Здесь нужен был бы мастер бандитских разборок "по понятиям", да где же его на войне возьмешь? Понуро побрели они обратно. Из офицеров на блокпосту был один этот лейтенант, и посоветоваться относительно такого щекотливого дела, ему было явно не с кем. Пока Вовка в своей, а Старый в своей палатках со смехом, как очередной анекдот, рассказывали обстоятельства переговоров, раздалась команда: "Выходи строиться!" О, как не хотелось покидать, только что обустроенные и протопленные палатки. Но,

таковы уж тяготы и невзгоды службы, которые рекомендуют преодолевать солдатам, люди, сами их благополучно избегающие.

Микроскопическое войско построилось на берегу лужи. Лейтенант, стоя на льду, объявил всем, что они снимаются и переезжают к основной группе. Прямо сейчас. Все, грузиться. И побыстрее, уже темнеет.

О, с какой неохотой принялись бойцы разрушать только что созданный своими руками, со всей любовью уют. Ведь, говорили же им, что надолго здесь, вот и обустраивались от души. Теперь все рушить. С трудом разобрали палатки, печки то горячие, еще тлеют уголья. Все руки обожгли, пока их разбирали, да в золе перепачкались. Но собрались. Но погрузились, и уже в начавшихся сумерках, тронулись по проселочной дороге, в сторону, куда несколько часов назад отбыла основная часть группы.

Дорога проходила через разрушенную ферму. Посередине дороги, лежала давно сгоревшая башня танка. Колея огибала ее с обеих сторон. Чуть поодаль, в поле стоял на сорванных гусеницах тоже обгоревший, корпус несчастного танка. В полутьме он выглядел устрашающе, напоминая скелет доисторического чудовища. Наконец прямо посреди заснеженного поля показались боевые машины, уставившиеся стволами, как хоботами в разные стороны, и беспорядочно рассыпанные палатки. Вот и прибыли. Уже совсем стемнело. Не разжигая огня, лень было, просто воткнули колы и накинули брезент, так и заночевали. У Олега, механника-водителя страшно разболелся зуб. Бедолага мыкался по лагерю, в поисках обезболивающего. Наконец ему вкололи анальгин и еще с час поворочавшись, он наконец, погрузился в спасительный сон. Вовке стало искренне жалко его. "А ну и меня также прихватит, делать то что тогда? думалось ему в ночи. — Слава Богу, свои больные перед отъездом вылечил, да поудалил, а все равно, кто знает, ведь уже полгода прошло? Как их тут лечить то?"

Утром он встретил Мишку. Тот похвалился своим новым жильем, что он сделал вместе с экипажем танка. Жилье и вправду было на славу. Просторная яма, покрыта добытым где-то шифером, в земле выкопаны удобные нары, печка, все аккуратненько. Мишка похвастал, что они нашли канал добычи водки, через местного фермера Саида, на земле которого они расположились. Гостеприимный поневоле, хозяин рад был взаимовыгодному сотрудничеству. А что впрочем, еще оставалось ему делать. Война войной, а жить и хозяйство вести надо. Саид, оказывается, сразу определил им постройки, которые можно ломать на дрова, а какие просил не трогать, взамен обещая

всякую посильную помощь. Вовка позавидовал Мишке с его товарищами. У них будет, что иногда припить, а вот у них? К этому моменту уже стало ясно, что они снова, пренебрегая гневом Аллаха, возвращаются обратно в "кратер". Вовка тогда и предположить не мог, что им будут завидовать не только весь батальон, но и вся бригада, а пожалуй и вся группировка. Но об этом позже. А пока осквернители святыни возвращались обратно. На этот раз с ними ехал заместитель командира батальона и еще и еще трое офицеров. Видимо на лейтенанта особых надежд не возлагалось.

Пока палатки обустраивали по новой, на старых местах, то заприметили, что по дороге нет-нет, да проезжают машины. А раз так, то можно на водку что-то сменять. Каких-то конкретных задач командиры не ставили. Сам по себе вид их был крайне растерян. Судя по всему, о блокировании дороги речи не шло. Поговаривали и достаточно серьезно, что в Курчалое сосредоточена очень большая группировка и наши два блокпоста никакой угрозы для них не представляют. А тут еще сделали печальное открытие, что еды осталось от силы на один день. Еще тревожные слухи пошли из офицерской палатки, что разведка и танки, что колонну сопровождали до места, на обратном пути в засаду попали. Танку "яйца" оторвало миной, разведку вроде постреляли. В общем, колонны с едой в ближайшее время не предвидится. Получилось что-то похожее на окружение. Но разве солдат смотрит так далеко. Сегодня главное есть, а завтра — будет день, будет пища. И вот стали думать о пище. Решили идти на "большую" в самом прямом смысле слова дорогу. Предусмотрительный Вовка достал из своих бесчисленных запасов пару новеньких резиновых сапог, взятых им по какому-то наитию свыше. Это был самый ходовой товар для обмена с "чехами". Вот и пошел он со Старым на дорогу.

Наконец то появилась одинокая белая "копейка". Воины одновременно замахали руками. Машина нехотя остановилась и "чех" средних лет сидевший за рулем, недоуменно уставился на солдат. Весь вид его выражал одно: "Вот сколько ездил тут, ни разу никто не тормозил. А это что за чудо?".

— Здравствуй брат, — обратился к нему Старый. — Сапоги не нужны?

— Какие сапоги, — внешне равнодушно спросил водитель, но по глазам было видно, что наживку он зацепил.

— Резиновые, с нуля, муха не трахалась, — бойко затараторил Вовка, доставая из мешка пару сапог. — Во, гляди земляк, как раз по тебе.

— И сколько хотите? — не успели Вовка со Старым

переговорить, как "чех" отрезал, — два литра хватит?

Такой удачи наши герои не ожидали. Они рассчитывали получить максимум одну бутылку, да и то готовы были еще в нагрузку сдать пару банок консервов. А тут целых два литра. Невероятная удача.

— Ну ладно, — важно произнес Старый, пытаясь не выдать радость от удачи, — так и быть, через сколько привезешь?

— Ну, минут за сорок, мотнусь в Курчалой.

— Ладно, мы здесь будем ждать.

Вовка со Старым, когда машина скрылась, переглянулись. Вот так да, только вышли на дорогу и уже такое везенье. Что же дальше то будет?

— Слышь, Вов, а чего еще толкнуть можно? — спросил Старый.

— Ну не знаю, может ОЗК, у меня один есть. А так, жратвы у нас по нулям. Патроны опасно, да и вряд ли денег много получим.

— Вов, а давай насчет патронов спрошу. Просто так, интересно, сколько предложат. — Осторожно начал прощупывать почву Старый.

— Да спросить то можно, за спрос деньги не берут, только опасно. Случись что "чехи" молчать не станут, сразу скажут, кто продал.

— Да нет, я просто спрошу.

Они еще раз переглянулись и стало ясно, что мысль сделать деньги из ниоткуда теперь не оставит их. Морально-этическая сторона вопроса их не интересовала. Вовка не раз видел, как на блокпостах, подобно этому, на продажу шло все. Так меняли гранату за две бутылки водки, правда, не особо часто. Старый и сам наверняка был в курсе всех этих дел. А Олег, тот самый их "механ", тут без комментариев.

"Чех" вернулся не через сорок минут, а раньше. Привез все как обещал. Старый стал к нему с вопросами подходить.

— Слушай, а патроны, гранаты нужны?

— Нэт, я мирный, мне этого нэ надо, — поспешно ответил чечен.

— Ну может кому из земляков нужны? — Продолжал Старый.

— Нэ знаю, я с ними не дружу. С тэми, кто воюет. Я спокойно жить хочу.

Разговор явно не клеился и предложив купить еще что ни будь из вещей, "чех" укатил в сторону села, раскинувшегося на склоне.

В палатке Старого с Вовкой встретили с распростертыми объятьями. Еще бы, не успели уйти, а уже четыре пузыря. Выпили,

закусили последним сухпаем. Завтра будет голод, но сейчас об этом никто не думал. Все думали, что еще можно придумать, что еще продать. Остальные палатки с завистью смотрели на них. У них не нашлось таких удачливых купцов.

Однако, не надо думать, что день прошел в поисках спиртного. Были, как положено, выставлены посты по каждой стороне "кратера" всего четыре. Каждую сторону "курировала" одно отделение, жившее в палатке. Часовой вел наблюдение за местностью из окопов, которые кольцом опоясывали вершину "кратера". А посередине, на берегу лужи установили походную кухню, заведовать которой назначили Старого, как самого почтенного обитателя блокпоста. Но продуктов не было, и должность старого была чисто номинальной.

Еще наблюдатели обратили внимание, на заброшенное огромное здание, возвышавшееся примерно в километре от "кратера", за посадкой, что обрамляла поле. При внимательном рассмотрении в бинокль, увидели, что с крыши здания за ними тоже ведется интенсивное наблюдение. Не вызывало никаких сомнений, что там находятся боевики. Правда, вели они себя тихо. Никаких выпадов не делали. Все это было странно.

Ночью нервы многих были напряжены. Часовые палили на каждый шум. По установленному правилу, одиночными, если для профилактики, на всякий случай. Очередь означала уже реальную опасность. Хотя не все строго придерживались этого правила и несколько раз за ночь подрываясь по тревоге, рассыпались в окопах, водя стволами оружия по темноте. Ежеминутно в воздух взлетали осветительные ракеты. Офицеры не слезали с рации, поддерживая связь с бригадой. Из бригады артиллерия выпускала осветительные снаряды, что висели на парашютах, освещая местность мертвенным лунным светом. На таинственном здании время от времени засекали блеск оптики. Там видимо тоже спокойно не спали. Все ожидали каких-то действий друг от друга. Но ничего не произошло. Настало утро. Еда кончилась. Как не призывали командиры экономить, правда, чего непонятно, но все смели зараз.

И тут на дороге, там, где вчера был "пророк", остановился грузовой ГАЗ-57, из которого вышло трое вооруженных автоматами чеченов. Они стали махать руками, вызывая командиров на переговоры. В этот раз на переговоры пошел заместитель командира батальона капитан Черновский. С ним увязалась солидная свита из солдат, свободных от караула. Вовка со Старым и Женькой тоже из любопытства присоединились к парламентариям. Вперед вышел среднего роста, худощавый, чечен лет сорока с небольшим, без бороды, цивилизованного

вида, одетый в армейский бушлат песочного цвета, поверх "гражданки". Позади него стоял богатырь, одетый в танковый комбинезон и бородатый, вылитый боевик в черных джинсах и такой же рубашке, обутый в армейские "берцы" и подпоясанный портупеей. Вооружены все трое были автоматами, которые держали в руках, стволами в землю.

Цивилизованный чечен представился как Шамиль, комендант и одновременно командир местной самообороны села Белоречье. Того, что стояло на склоне. Речь его выдавала грамотного, сильного человека. Он явно не желал обострения конфликта, но держался с достоинством, даже немного высокомерно. Шамиль деловито, не суетясь объяснил что их село наконец-то начало жить мирной нормальной жизнью. Вон недавно уже электричество провели, теперь свет в домах, поэтому конфликт им не нужен. Конечно сил вырезать русских хватит, но при этом пострадает от артиллерии электролиния, поэтому, ребята, давайте жить дружно. Вот в Курчалое, там другое дело. Там Дудаевцы, настоящие боевики. Но Шамиль с ними попробует уладить вопрос, но опять же при условии, что русские будут тише воды, ниже травы. Иначе их здесь больше в несколько раз, воевать умеют, привыкли.

Когда Шамиль окончил речь, к ним со стороны Курчалоя подъехала вишневая "Нива" из которой выскочил молодой чечен в длинном светлом плаще и лакированных туфлях, словно сошедший с обложки журнала мод. Совсем нелепо смотрелся в его руках АКМ. И вообще он выглядел несуразно в своем с иголочке наряде, на фоне грязи и моросившего снега с дождем.

Однако чечена это совсем не смущало. Он напрямую по глине прошествовал к землякам и обнялся с каждым. Затем, дерзко глянув на солдат, презрительно произнес в их сторону:

— Я с вашими, еще в 95-ом в Грозном воевал, — после чего заговорил на своем языке с Шамилем. — Мы вас не боимся, — это снова к нашим.

Однако, в отличие от лейтенанта-двухгодичника, капитан Черновский с не меньшим достоинством ответил чеченам, что они, уважая их мирные намерения и не желая обострения, тем не менее, будут выполнять свою задачу. Какую именно он им не обязан докладывать.

Молодой чечен, что-то еще сказал по своему, после чего, презрительно сплюнув, укатил на "Ниве" обратно. Все время разговора солдаты с любопытством рассматривали сопровождение Шамиля и его самого. Не часто увидишь настоящих боевиков (а что это боевики, никто и не сомневался) так вот рядом. А в целом переговоры окончились ничьей. Каждый

остался при своих интересах. Формально пообещали друг другу не конфликтовать, а на уме у каждой стороны явно было другое. Просто не время.

Последующие два дня стало совсем худо. Еды не было. Колонны пройти не могли. "Вертушки" по каким-то причинам тоже не летали. Продать или обменять на водку или еду, было практически нечего. Одно было терпимо, что вокруг росло немало деревьев и проблем с топливом не испытывали. Делали просто, ехали на БМП и валили худосочные деревца и волоком тащили на блокпост.

На третий день Старый заприметил в небе орла. Похвастившись, что он старый охотник, пообещал снять его с автомата. К удивлению всех, Старому это удалось. Правда, снял он орла не в полете, а когда тот сидел на земле. Да и орел был весьма древен, наверное, еще Прометея клевал. Но как бы там ни было, успех на лицо. Тем же днем Женька собрал с каждой палатки по одному автоматному магазину вышло всего пять. Он успел договориться с "чехом", что ездил на хлебовозке, обменять их на десять буханок белого хлеба. К обеду обмен состоялся. Старый в это время колдовал над убиенным орлом, пытаясь приготовить из него кушанье. Уже собирались охотники ловить собаку, замеченную в поле. Но тут, как в сказке, в небе появилась долгожданная "вертушка".

Не садясь, а просто зависнув над дорогой, боевая машина превратилась в рог изобилия. Сколько из нее всего посыпалось. Консервы выдавались ящиками, заспиртованный хлеб мешками, и всего много, очень много. Когда после посчитали, то на каждого солдата пришлось по ящику одной только гречневой каши, плюс на всех по норме и еще всякие томаты, крупы, маргарин, тушенка. На орла, а тем более собаку смотреть никто не стал. Огорченный Старый пытался привлечь хоть кого ни будь из гурманов, отведать его блюдо. Но никто не желал. Попробовал зам. комбата, но, скорчившись, вежливо отказался от такой "демьяновой ухи". Пришлось Старому самому поедать свое произведение. Теперь у него работа появилась. Повар он стал не только формальный. Кухня задымилась. Люди праздновали конец голодовки. А многие смекнули, что консервы можно сменять на водку. На дорогу стали выползать "коробейники". На обочине развернулся этакий мини "военторг". Не побрезговали торговлей и офицеры, а что тоже ведь люди. Появились свои маркетологи и логисты.

ГЛАВА 11

Так прошло еще два дня. Ничего не происходило. Молчаливое противостояние и взаимная демонстрация силы. На здании по прежнему дежурили наблюдатели, но ничего, кроме наблюдения не предпринимали. Каждый день на переговоры приезжал Шамиль с теми же сопровождающими. Один из них, тот, что был в джинсовом костюме, оказался вообще Вовкиным земляком. Близкое знакомство произошло во время коммерческого рейса Вовки со товарищами на дорогу. Бородач поинтересовался у Вовки, откуда родом тот.

— А тебе то что, — отвечал Вовка, чувствуя какой-то подвох, со стороны боевика. — Ясно что не из Грозного.

— Э, падажды, — миролюбиво, с ноткой ностальгии заговорил "чех", — я ведь в России учился в М-ском медучилище, а у тебя говор ихний.

— Где? — ошеломленно переспросил Вовка. Это было так неожиданно. В М-ске откуда Вовка был родом, действительно было медучилище, и кто там только не учился раньше. Вот те на, действительно земляк получается.

— Бабы у вас красивые, особенно в "Кольце" собираются весной. Мечтательно продолжал "чех".

— Слушай, а сюда как попал? — заинтересовался Вовка.

— Как обычно, окончил училище и домой работать вернулся. Меня Казбек зовут, а тебя? — предложил бородач знакомство.

— Вова меня. — Знакомство состоялось.

Странное знакомство без рукопожатий, двух вооруженных противников, которые в любую минуту станут врагами, но сейчас они курили и беззаботно смеялись, вспоминая город, для них обоих знакомый и родной. В котором прошла вся жизнь русского и лучшие молодые годы чечена. Скользких и острых политических и военных тем не касались. Только о "гражданке". А о чем еще говорить. Все итак ясно. Людям этим не примириться. У каждого свое в душе и в голове. Каждый по своему дров наломал. Просто, вот оказались с одного города, такая вот ирония судьбы. Странно было, что Вовка испытывая естественную ненависть к боевикам не питал никаких личных агрессивных чувств к собеседнику. Он видел в нем такого же солдата, как и он сам.

Тем временем вновь появилась вишневая "Нива". На этот раз вместо молодого боевика в плаще, из машины вышел безоружный чечен лет тридцати и подошел к солдатам, что пытались продать кашу. Беседа шла в основном со Старым. Вскоре "Нива" уехала.

Переговоры тоже окончились. Однако день преподнес приятный сюрприз.

К вечеру вернулось БМП, на которой Чернявский с солдатами обследовал местность в поисках дров. Поиск был более чем удачен. Кроме дров заехали в то таинственное здание, что стояло за посадкой. Оно было безлюдно. Видимо чечены там не всегда обитали. Вот и нашли в подвалах великое множество банок по десять литров каждая. Попробовали, оказался сок, самый разный, персиковый, сливовый. Банками загрузили БМП под завязку. По приезду Черновский выставил банки прямо посередине "кратера" на лед.

— Налетайте, мы тут сок нашли, полезно для здоровья будет. — Сказал Черновский.

Дважды повторять не надо было. Солдаты подходили к банкам и пили такой вкусный забытый сок. Вовка тоже выпил кружечку персикового. И тут раздался радостно-изумленный крик:

— Мужики! Да это вино!!!

— Да ну на хрен, какое вино? — заговорили вокруг.

— Да точно вино, вон в тех темных банках.

Что тут началось. Крышки со всех банок были сорваны и каждая продегустирована. Да, это оказалось правдой. В большинстве банок оказалось чистейшей воды крепленый портвейн. Прекрасного качества. А что вы хотите, строение оказалось винзаводом, а в банках остатки его основной продукции, сок, это всего лишь побочно. Черновский понял, какую промашку он допустил, но было уже поздно. Сам же им выпивку и привез, ну кто мог подумать? А народ ликовал. Пили прямо с банок. Их было много, на каждого вышло не меньше литра. Участники знаменательного рейда, захмелевшие, красочно расписывали, какие батареи банок уставлены на заводе, а ведь они не все исследовали. Радости толпы конца и края не было. Какая удача и главное под боком.

А вино было славное. Давно Вовка такое не пил. Это не водка осетинского разлива, более походящая на ацетон, а настоящий, веселящий душу портвейн. Еще нашли одну банку с крепленым сиропом. Такого дива никто не пил раньше. Жизнь заиграла всеми красками. Только офицеры поняли, что для них наступило тяжелое время. Пойди теперь, отлучи эту толпу от вожделенного нектара. Особо, когда соблазн так близко. Черновский был вне себя, ну как же так, сам же показал где выпить достать. Но, будучи человеком мудрым он не стал кричать и наказывать подчиненных, все равно бесполезно, только бед наживешь. Он просто сделал вид, что ничего не произошло. Но надо отметить,

что и солдаты совсем голову не потеряли. Посты также стояли на местах, ну конечно не совсем трезвые.

Вино было изничтожено в течении минут тридцати. Мало. Когда стемнело к Вовке подошла компания в лице Женьки, Стаса — пулеметчика и Виталика. Стас пулеметчик был легендарной личностью. Участник боев за Грозный, старейший контрактник бригады, отчаянный малый — сорвиголова. Он и был инициатором предстоящего мероприятия. Виталик, престарелый мужичек с внешностью сильно пьющего БОМЖа (которым он видимо и был в прежней жизни), непонятно как затесался в их компанию. Стоя на земляном валу, Женька, указывая рукой на освещаемое ракетами здание завода, держал перед "обществом" речь:

— Слышь, мужики, тут напрямую всего ничего. Ты — обратился он к Вовке, — "Шмеля" бери с собой, у Стаса ПК (пулемет Калашникова), мы че, "чехов" что ли боимся. Сейчас все вино перетаскаем.

— Да, Вов, бери "Шмеля" и пойдем. — Поддакнул Стас. — Мы уже часового на "фишке" предупредили. По темноте пройдем в завод и винища натащим. Все нормально пройдет.

Мысль сама по себе Вовке понравилась. Вино как раз дало в голову и стало отпускать. А так хотелось еще. А оно вот рядом. Но рискованно, но ведь не один, но ведь хочется. Дважды просить не пришлось. Вовка пошел за огнеметом.

— Мужики, я на завод, винца принесу, тут ребята собрались, — обратился он к обитателям палатки.

— Вов, может ну его, — попробовал образумить Старый. — Я тут с "чехом" на дороге договорился "цинк" патронов за полтинник сдать. Утром деньги привезет.

— Старый, ты дурак, это будет завтра, а сегодня это сегодня. — С этими словами Вовка, подхватив автомат и "Шмель" вышел из палатки.

Стемнело. Очертания завода были едва видны. Пошли напрямую по полю, ежесекундно проваливаясь в глубокие лужи, едва затянувшиеся ледком. Вовка в этот раз не надел резиновые чулки, так как они изрядно сковывали движения, а скорость могла пригодиться. Теперь он проклинал все на свете. Сапоги наполнились ледяной водой и хлюпали при каждом шаге. Пока дошли до лесопосадки, окончательно стемнело. Светила только луна да звезды. Блокпост пропал в темноте. Иногда оттуда слышались одиночные выстрелы, и в небо взлетали осветительные ракеты.

— Ребята, — спросил Виталик, — а нас часовой не завалит на обратном пути?

— Нет, не должен, — ответил Стас, он и был заводилой всей этой акции. — Я договорился, что в нашу сторону стрелять не будут, пока мы не придем.

— Погоди Стас, — вмешался Женька, — а эти сменятся часовые, следующая смена про нас то не знает?

— Да, нет, — Стаса было не смутить, — они по смене передадут.

— А не забудут, — встревожился Вова, — они же пьяные?

— Забудут, значит нам п…ц, — резонно заметил Стас. И успокоил, — ну наверное не забудут, они же тоже вино ждут.

Против такой железной логики было трудно что либо возразить и друзья продолжили путь. Вскоре они стояли на краю лесополосы, откуда виднелись ворота заводской проходной. Тут выяснилось, что никто из них понятия не имел, где же искать.

— Ладно, — прошептал Стас, — сейчас тихо в проходную заходим. Тут канава вижу, аккуратно перепрыгиваем.

Завод действительно был окружен канавой неглубокой и узкой. Но тем не менее падать в нее все равно не хотелось. Как тени они преодолели это препятствие и стояли у дверей проходной. Испод двери выбивались отблески огня. По все видимости горела печка. Держа пулемет в руках, как легендарный Рембо, Стас пинком открыл дверь каморки сторожа. Там действительно горела печка, но никого не было. В каморке кроме печи был еще стол, с неубранной посудой, две табуретки и кровать, покрытая тряпьем. В сторожке, как обычно имелась и вторая дверь, ведущая внутрь завода. Она была открыта. Стало ясно, что кто-то недавно покинул комнатку.

Вовке стало не по себе. Он только теперь понял всю глупость и опасность создавшегося положения. Одни, в огромном заводе, вдали от своих, командиры не в курсе. Сослуживцы, хоть и в курсе, но до утра будут молчать как партизаны на допросе. А здесь кто знает сколько "чехов" и каких? Мирных или боевиков? Видимо такие же соображения возникли и в других протрезвевших головах. Но признать свой страх первым, боялся каждый. Да и соблазн разжиться вином, которое было где-то рядом, был все-таки по-прежнему велик.

Крадучись, водя стволами из стороны в сторону, наша четверка вошла в заводской двор. Они чувствовали себя, наверное, также как первые астронавты, высадившиеся на луне. Пошли прямо, так как все равно не знали, да и в ночной темноте не видели толком, куда идти. Когда вышли на середину двора, то сверху послышался шум осторожных шагов. Шаги доносились с разных сторон. Кто-то ходил по огромным трубам, что располагались высоко над головами наших искателей

приключений.

И тут они окончательно протрезвели. Стало ясно как дважды два, что "чехи" окружают их сверху. Просто они еще не сориентировались, какие силы у русских. Им вряд ли пришло в голову, что это просто группа авантюристов, пришедших за вином. Русская безалаберность в этот раз сослужила хорошую службу. Пока "чехи" планировали дальнейшие действия, Стас, Женька, Виталик и Вовка со всех ног кинулись бежать. Пулей пролетели через сторожку и как на крыльях перемахнули канаву. Отдышаться остановились только за лесопосадкой, в поле. Погони и стрельбы не было, теперь в безопасности.

— Слышь, мужики, — отдышавшись, заговорил Стас, — они нас окружать начали. Еще немного и хана.

— Да, пронесло, едва-едва выскочили, — в один голос выдохнула троица.

— Завтра днем надо на танке ехать, — выдвинул Женька здравую мысль.

— Да без базара — сказал Вовка, — а сейчас просушиться бы.

Обратный путь был тяжел. Хмель прошел. Головы болели. Каждый шаг давался с огромным трудом. Небо заволокло тучами и наступил мрак. Очертания блокпоста были едва видны. Несколько раз они сбились с пути. Хорошо, что изредка взлетали ракеты, только по ним и ориентировались. Наконец до блокпоста осталось несколько десятков метров. И тут….

Тах! Тах! Тах! И три пули вошли в лужу, обдав брызгами виночерпиев. Благо сильных стрелков не было что и спасло им жизнь. Плюхнувшись в замерзшую грязь, они стали отчаянно материться во весь голос. Часовые явно не знали про них ничего и теперь пытались уничтожить потенциальных лазутчиков.

— Вы что о…ели! Мать вашу! Это же мы! Не стреляй м…к! — отчаянно заорали "лазутчики".

— Глянь, "чехи" по-русски матом шпарят, прям как наши, — послышался голос часового, обращавшегося к кому-то.

— Да не "чехи" мы! Это я Виталик, Гена, что меня не узнаешь?! наконец то часовой был опознан по голосу.

— Виталик, ты что ли? — Отозвался невидимый Гена.

— Да я, я, кто же еще!

Теперь ситуация прояснилась и мокрые, грязные, но счастливые ходоки взобрались на вал. Придя в теплую палатку, Вовка скинул с себя всю одежду. Она была насквозь мокрой. Гена, который едва не подстрелил его, достал из мешка спортивный костюм и протянул Вовке.

— На, одень, пока не просохнешь.

— Спасибо Ген, — поблагодарил его Вовка, натягивая

забытую гражданскую одежду.

Свою форму он развесил над печкой. В спортивном костюме вши отстали от него. Правда, надолго ли?

Жара разморила его, теперь он был в безопасности. Теперь до него дошло, как близко они были от смерти или плена. В голове кружилась сцена посередине заводского двора, где они были как на ладони. Еще немного и как муху прихлопнули бы. Как муху. Это показалось таким смешным, что Вовка залился веселым, беззаботным смехом. Жизнь прекрасна и удивительна, в конце-то концов. На соседнем "спальнике" валялся потрепанный журнал "Плейбой" и Вова впился в него глазами. После опасности, реальной как сейчас, так хотелось уйти в мир иллюзий. Фотографии в журнале манили и завлекали. Мысли снова стали возвращаться к дому. Так хотелось женщину. Раньше, в одной из книг, он читал, что после опасности, на первый план выходят мысли о сексе. Видимо так оно и есть. Подобное с ним случалось неоднократно. Но сейчас все было намного острее. Может быть из-за журнала.

— Вов, а у тебя жена есть? — задал ему вопрос срочник Иван, единственный срочник в отделении, попавший в бригаду из Таманской дивизии.

Несмотря на пропаганду, Иван был вполне доволен своим положением. О Таманской дивизии вспоминал с ужасом, как о сплошной "дедовщине" и беспросветной муштре. Здесь его никто не трогал. Да и кому он нужен, у всех уж дети старше его. Кроме грязи и дурного быта иных трудностей он не испытывал, ну а без этого, что же за армия. Не на курорте ведь.

— Нет Вань, холостой я. — Отвечал Вова.

— А почему? — не отставал любознательный юноша. — У тебя что, как у Олега не стоит? Тебе уж под тридцать. Что, вообще бабы нет?

— Да пожалуй, и нет, Ваня. Пожалуй, и нет.

Тут Вовка весьма призадумался. А кого он может назвать "своей бабой". Наташка в расчет не шла. Ни хрена там уже не обломится. Люба? Он не писал ей ни разу. Он просил в письме и мать не давать ей адреса. Не нужна она ему была. Может и по скотски поступил, да по скотски, так оно и есть. Попользовался, да ладно бы еще для плотских утех, а то для выгоды. Ну кто виноват, что женщины так глупы. Любят тех, кто обманывает. Хочешь соблазнить женщину — обязательно обмани ее. Скажи правду, не важно какую и ты в пролете.

— А была? — продолжил допрос срочник.

— Нет, Ваня, нет и не было. — Скорее самому себе, чем Ивану ответил Вовка.

— Что вообще — вообще? — ахнул он.

— Нет, я имею ввиду постоянной. А так-то были, — успокоил его Вова.

— Ну, теперь с "бабками" приедешь, все бабы твои. Я слышал сейчас по телефону заказать можно.

— Да, можно, обязательно Ваня, как приеду так и закажу.

— А ты уже пробовал?

Тут Вова вспомнил, как однажды отстегнул всю зарплату за ночь с девицей с эскорт услуг. Чего греха таить, понравилось Вове это дело. Одна беда зарплата кончилась. А другой раз, товарищ его заказал для себя, когда у Вовы дома был, да так до приезда загрузился, что уснул прямо на полу. А Вове деньги дал, чтобы встретил и заплатил, а его поднял, как приедет. Вова поступил совсем не по-товарищески. Но тут можно понять. Девушка, что приехала, оказалась его старой знакомой. Он безуспешно ухаживал за ней лет за пять до того. А тут такая встреча. Обрадовались оба. Про товарища Вова промолчал. Спит, да и пусть спит. Посидели, попили, поболтали. Он ей: "Оля, я так тебя тогда и не трахнул". А она ему: "Ну теперь то получится". Все так и прошло со смехом. Хорошо отдохнули. А когда друг проснулся, Вова, расплатившийся его деньгами, сказал, что девушка приехала, добросовестно ночь с ним просидела и уехала, как положено. А разбудить невозможно было. Ну, от друга не убыло. Он коммерцией занимался, ему что, развлечься, а Вове вечер воспоминаний.

Вот об этом и рассказал он Ване, с присовокуплением массы вымышленных подробностей. Слушателей набилась вся палатка. Вовка врал самозабвенно, приписывая себе невиданную мужскую силу и очарование. От хохота слушателей чуть палатка не рухнула. Один только Олег, молча с завистью смотрел на новоявленного секс символа. Да, тому было не до смеха.

На следующее утро всех подняли по тревоге. Со стороны завода слышались выстрелы, несколько пуль с противным свистом пронеслись и над блокпостом. Солдаты быстро расселись на броне и помчались к заводу. Минут через пять он был уже окружен. БМП и танки заняли свои позиции. Пехота осторожненько пробираясь по сугробам кралась к забору, окружающему здание. Вова вместе с Виталиком, залег у дырки в заборе и жду дальнейших команд. Что произошло, толком никто не знал. Виталик объяснил, что вроде как трое из их палатки ушли перед рассветом за вином, а потом пошла стрельба, которую Вовка благополучно проспал, теперь вот надо выручать их.

Далее ситуация развивалась куда как более странно. Откуда-

то слева, где находилась заводская проходная, послышалась громкая гортанная речь. Слов было не разобрать, но вскоре после окончания монолога поступила команда садиться на броню. Вова с Виталиком разочарованные покинули позицию. Разочарование было вполне объяснимо: они так надеялись первыми ворваться на завод и напиться. Но не судьба. А вот у БМП их разочарование переросло в отчаяние. Там стояли трое лазутчиков, пытавшихся раздобыть спиртное. Вид их был довольно жалкий. Андрюха — зам. ком. взвода — стоял с перетянутой левой рукой, бушлат его в этом месте пропитывался кровью, Леха — танкист нервно курил, пальцы его еле держали сигарету. Но хуже всех выглядел Серега санинструктор — того просто била нервная дрожь. Глаза его казалось, вылезают из орбит. По приезду на блокпост они рассказали следующую историю.

Оказывается, на винзаводе действительно находится наблюдательный пост боевиков. Располагался он на крыше главного здания. Добытчики шарили по заводу, разведывая, где и сколько вина находится. Все было хорошо до того момента, как они не спустились в подвал. Они даже боевиков не заметили, пока в подвал не вошли. А там, в потемках чехи их и окружили. Несколько выстрелов и Андрюха уже ранен. Чехи им: "Оружие бросайте". Андрюха уже автомат не держал, Леха свой ствол тоже кинул на пол, Серега разоружился. Боевики оружие зашли забирать и тут Серега оказался молодцом. Выхватил гранату Ф-1, что в разгрузке у него была и предъявил чехам: "Или оружие отдают и всех выпускают или пойдут вместе с ним к своему Аллаху". Чехи, несмотря на заверения, к Аллаху особенно не спешили, и оружие отдали, и отпустили всю троицу. Пока шли эти переговоры солдаты как раз и окружали завод.

Для прояснения ситуации надо небольшое отступление в реалии той войны. Отношения с боевиками были очень странными. Политика менялась не по дням, а по часам, а армия металась между противоречивыми приказами то, воюя, то, мирясь с боевиками. Боевики, напротив, во время перемирий открыто ходили в своих селах в форме и с оружием. Наши военные, скрипя зубами, смотрели на них и не имели права открывать огонь. Во всех средствах массовой информации только и трубили о зверствах Российской армии в "маленькой беззащитной Чечне". Все это сковывало по рукам и ногам войска. Часто после удачных операций покидали взятые села, куда тут же входили боевики и устанавливали свои порядки.

Днем покой вновь был нарушен тревогой. Опять запрыгивание на броню и выдвижение к винзаводу. Что же на этот раз? Оказывается, в этот раз на поиски клада отправились

двое срочников. Чехи через местного фермера Саида вызвали Чернявского на переговоры, обещая вернуть срочников живыми и здоровыми. Снова окружили вожделенное здание. Вот идут. Три человека. Двое срочников и с ними "чех", их ровесник. Срочники с автоматами, "чех" в левой руке зажимал гранату Ф-1 и улыбался. Срочники шли тоже веселые и, кажется поддатые. "Чех" сказал несколько слов командиру и, оставив срочников, быстро удалился внутрь завода. А через минуту из проходной вышли два бородатых боевика, увешанных оружием, как рождественская елка игрушками, и с ними два древних старца в папахах и горских сапогах. Начался разговор с командиром. Речь боевиков сводится к следующему:

Да, на крыше винзавода регулярно выставляется наблюдательный пост боевиков. Но боевикам было неясно, почему русские в нарушение недавно заключенного перемирия регулярно делали вылазки на винзавод. Однако сегодня, срочники наконец-то прояснили причину такой агрессии. Боевикам стало ясно, что цель русских это не их наблюдательный пункт, а запасы вина, во множестве оставшиеся на заводе еще с советских времен. А раз так, то они предлагают следующее: вот эти два старика бывшие сторожа этого завода, будут находиться на проходной. Пусть русские приходят к ним, и они будут выдавать им банки с вином, сколько ваши смогут унести. А ваши пусть не заходят на территорию завода и особенно не поднимаются на крышу.

Капитан Чернявский огляделся вокруг и с ужасом увидел, что этот разговор слышали как минимум человек десять солдат и в тайне это соглашение не удержать. Теперь жди каждодневных походов и повального пьянства, остановить которое вряд ли удастся. А обстановка была крайне тяжелой и опасной, и в любой момент можно было ожидать нападения. Его же подчиненные, услышав столь мудрые речи чехов пришли в неописуемый восторг. Воображение их рисовало пьяную вольницу. Теперь все хотели, чтобы пребывание здесь затянулось как можно подольше. Теперь не придется больше ходить на дорогу и менять на водку что угодно. Теперь алкогольный вопрос был благополучно разрешен.

С этого счастливого дня началась пьяная эпопея. С самого утра и до вечера на завод начали отправляться ходоки. По два — три человека с каждой палатки и приносили литров по двадцать — тридцать вина на свои палатки. Командир поделать ничего не мог и пустил дело на самотек. Чтобы избежать потерь оружия Вовкино отделение врыло в землю пулемет, и он как монумент возвышался на фишке. К нему и ходили по очереди на дежурство,

захватив с собой предварительно кружку подогретого на печке вина.

Вино же было изумительное. Крепленый портвейн, заводского разлива, безо всяких разбавление. Как он прекрасно пился подогретым на печке. Еще иногда попадались банки с напитком вязким и тягучим как сироп, но таким же крепким как портвейн. Этот напиток, по вкусу напоминал нектар и веселил солдатские сердца куда лучше противной водки осетинского разлива. Однако не все было так уж безоблачно. На почве алкоголя стало случаться много ЧП. Так, отправившись в одиночку за вином, пропал без вести Стас- пулеметчик.

Пропал он вместе с пулеметом и "мухами". Стас вообще последнее время начал сходить с ума. В одиночку, часто без оружия, никому не говоря, уходил за вином. Пропадал там целыми днями. Вырыл себе отдельную землянку, где лежал целыми днями на принесенной с завода сетке от кровати. Была даже версия, что он перешел к боевикам. Хотя Стас здесь уже второй раз был. Первый раз еще в Грозном, кто знал, говорили, что отчаянной храбрости был человек, а потом остался в бригаде служить, теперь уже в командировке, а раньше в 201 дивизии в Таджикистане служил. Одним словом: человек-загадка.

Его искали. Обшарили окрестности. Нашли даже труп убитого давно русского солдата. Тот видимо отбивался до последнего. Вокруг трупа валялся корпус от "мухи" и россыпь стреляных гильз. Труп разложился до неузнаваемости. Единственно было ясно, что свой, по одежде. Никаких документов или жетона не было. Тело безвестного героя с максимальными почестями завернули в принесенную плащ-палатку и тем же днем на прилетевшей "вертушке" отправили в Ханкалу. Еще нашли труп женщины в одной ночной рубашке. Тоже разложившейся. Приехавший на переговоры Шамиль, внес ясность, сказав, что труп местной "джаляб" (бляди), которую свои убили, за какие-то провинности в области морали. А к Стасу он никакого отношения не имеет. Они его точно не похищали. И вообще, за вином надо меньше ходить, может, напился да дорогу перепутал и забрел к боевикам. А он то тут при чем?

— Короче, если через сутки мы его не найдем, — твердо заявил заместитель командира батальона, — то наводим артиллерию на вас. Все, это мое условие.

Однако что-то не получилось. То ли блефовал командир, то ли не удался его замысел, но прошли сутки и вторые и третьи, но Стас так и не появился. Ни живым, ни мертвым. Обещанного артобстрела тоже не было. Все шло по старому, только без Стаса. Надо бы еще заметить, что исчезновение его мало кого напугало,

и как ходили за вином, так и продолжали ходить.

Водитель ГАЗ-66 утопил в луже автомат, правда, вскоре нашел его. С ним вообще произошла комичная история. Командир за пьянство посадил его в яму, которую предназначали сначала для боеприпасов, но стали использовать как вытрезвитель. Полагая, что такое наказание вряд ли вразумит водителя, он пошел на интересный шаг. Из соседнего полка привез сына водителя, который служил там срочную службу и устроил ему свидание с сидящим в яме отцом. (К тому времени к ним подошел Уральский полк, и изоляция была прорвана). Во время свидания командир неоднократно повторял, обращаясь к сыну: " Ты спроси папу, за что он тут сидит. А то будет дома сказки рассказывать, как воевал. Вот ты и посмотри, как папа воюет". Не известно, что дома рассказывал сын про отца, но вроде оба остались довольные свиданием и были благодарны Чернявскому.

Тут еще Ромка гранатометчик, напился на "фишке" и, проснувшись, не обнаружил автомата. Вовка сменил его на посту и они вместе стали обшаривать подступы к блокпосту, справедливо полагая, что автомат скоре всего скатился со склона вниз. К ним присоединились и другие часовые, несшие службу в это время. Пока шли поиски, Ромка как-то незаметно исчез в кустах. Наконец, Старый, который с утра пораньше, обретался у кухни, пытаясь что-то приготовить, с радостью возвестил о находке автомата, который лежал в луже на противоположной от Ромкиного поста стороне. Теперь осталось только найти самого хозяина оружия. Ромку обнаружили сидящим в кустах. В руке он держал гранату.

— Эй, Ром! Ты чего? — с тревогой спросил его Старый. — Ты что задумал?

— Отойдите! — Как безумный крикнул Роман. — Все п…ц. Я под суд не хочу. Я сидеть не хочу!!!

— Да ты что, совсем охренел? Вот автомат твой нашелся. Вон он в кустах внизу валялся. — Скороговоркой затрещал Старый, чтобы быстрее успокоить бедолагу.

— Не бреши, ты меня успокоить хочешь, — не верил Рома. — Все ты брешешь.

— Да вот он, — Старый кинул оружие под ноги потенциальному самоубийце. — Смотри, твой же.

Недоверчиво Рома наклонился, не выпуская из рук гранаты, и счистил грязь с номера. После чего лицо его просветлело. Он спрятал гранату обратно в карман. Лицо его просветлело.

— Спасибо пацаны! Вы меня от смерти спасли. Я то думал все, потерял. Я как проснулся, а его нет, ну думаю все. На зону не

пойду. Я же мент бывший. Мне там не жить. Спасибо ребята.

На том все счастливо и закончилось.

Спустя несколько дней — еще ЧП. Средь бела дня раздались истошные крики Женьки о том, как ему все это надоело и как он хочет домой. Вовка вылез из палатки в надежде успокоить земляка, но тут увидел, что успокоить так просто его вряд ли удастся. Женька стоял у входа в палатку босиком в одном исподнем. В руках он держал автомат, ствол которого ходил в разные стороны. Скорее всего, патрон находился в патроннике, как у всех. Был ли снят предохранитель, не видно. Но сама ситуация заставила не на шутку испугаться. Если случайно дернет курок, то кого-то не досчитаешься. Это было не такой уж и редкостью в федеральных войсках. Однако стрелять Женька явно ни в кого не собирался. Еще раз, помянув недобрыми словами, командование и их родственников, он перехватил оружие за ствол и, раскрутив, его подобно метателю молота, закинул в лужу, что была в центре блокпоста. В общем, и в этот раз все обошлось. Несколько часов спустя, протрезвевший Женька, в завернутых по колено штанах лазил по луже и искал автомат, к которому он несколькими часами ранее обещал не притрагиваться.

Старый тут отличился. Договорился он все-таки с тем "чехом" на "Ниве". В тот день Вовка стоял как обычно, пытался консервы сбыть. А рядом Чернявский стоял, размяться вышел на дорогу. Тут и "Нива".

— Эй! — крикнул "чех" Вовке. — Пазавы моего друга Старого.

— Тише ты, — цыкнул на него Вовка. — Сейчас позову. Не видишь, капитан стоит.

— Пазавы быстрее, я ему дэнгы прывез.

— Стой! — остановил Вовку Чернявский. — Чего пошел.

— Эй, капитан, — обнаглевший "чех" обратился теперь к командиру. Тогда ты моего друга Старого пазавы. Я ему как человеку полтинник привез, пускай цинк несет, как договорились.

— Чего, чего, — изумился Чернявский, — какой у тебя друг тут есть? Какой цинк?

— Как какой? — удивился чечен. — Старый ваш. Я тут с ним договорился цинк патронов купить. Зайчиков пострелять. — "Чех" явно издевался. Полтинник красная цена за него. Чего он не несет. Я что его тут весь день ждать буду.

— А ну пошли со мной — позвал Вовку Чернявский. — Езжай, не придет твой друг, — это уже чечену.

— А почему нэ придет, что цена плохая? Да больше никто не даст.

— Все, сказал не придет и точка. Пошел вон отсюда, —

Чернявский угрожающе потянулся к автомату и "чех" решив не испытывать судьбу укатил.

Вовка с угрюмо молчавшим Чернявским шествовали на блокпост. Вовка понял, что дела Старого плохи, да глядишь, и ему перепадет под горячую руку, все-таки вместе вертелись. Наконец тяжелое молчание нарушил командир.

— Это какой Старый, тот что на кухне?

— Не знаю товарищ капитан. У нас тут каждый второй старый, я вон тоже не молод, да и вы не мальчик. — Стал на ходу сочинять отговорки Вовка.

— Так, ты тут не остри. Сейчас я этого коммерсанта выловлю. Обнаглели совсем, уже зам. комбата на побегушках сделали.

Старый, все это видел, он наблюдал с насыпи. Цинк лежал у него в вещмешке, приготовленный для сделки. Эх и принес черт Чернявского на дорогу. Теперь сюда идет. Все тут ясно. Перепуганный насмерть Старый, поспешно вытряхнул цинк из мешка и бросил в десантный отсек БМП. Сам бегом забрался под спасительную кухню и изобразил кипучую деятельность по приготовлению обеда.

— А, вот ты где! — грозно прорычал Чернявский, увидев прячущегося повара-самоучку. — Чего, с "чехами" торгуешь? Опупел совсем. В яму захотел.

— А! — встрепенулся Старый, — что случилось товарищ капитан?

— Это я тебя хочу спросить, что случилось? Тебя "чех" искал?

— Какой "чех", — включил дурака опрашиваемый. — Я что друг им что ли?

— Вот именно друг, — утвердительно произнес Чернявский. — "Чех" так и сказал: "Где мой друг старый?" Какой ты цинк ему должен? Какой полтинник он тебе привез.

— Да что я тут один, что ли старый? Только и слышишь Старый да Старый. Вот "чехи" уже и прознали про меня. Я тут весь день у кухни кружусь, когда мне с ними дружить.

— Смотри, еще раз услышу, в ФСК пойдешь, с первой "вертушкой", пригрозив напоследок, Чернявский ушел в палатку.

После этого разговора испуганный Старый подошел к стоявшему на посту и взиравшему вдаль Вовке.

— Ох, Вова, ну что за козлы эти "чехи". Ну, договорился с ним как с человеком, а он меня так подставил. Ох, козлы, ну как тут верить людям? Ох, Вова, ну ничего у людей святого нет, что за народ.

Вовка так и упал со смеху на дно окопа, слушая причитания незадачливого купца. Давясь смехом, он попытался ответить:

— Да, Старый, ты прав, ничего святого. — И давясь смехом,

махнул рукой, — иди Старый, а то я вообще умру сейчас со смеху.

Кончилась, однако, эта вольница в один день. Также внезапно, как и началась. Уральский полк, который должен был зачищать Курчалой, внезапно выслал группу саперов и разведчиков на винзавод. Чехи, к этому времени оттуда уже исчезли, остались только два деда. Теперь увидели этих дедов, печально бредущих по дороге к себе в село. Капитан Чернявский ходил радостный и потирал руки. Вскоре раздалось несколько взрывов и над винзаводом поднялись грибы, как от ядерного взрыва, только поменьше. Все обитатели блок поста выскочили на насыпь и с ужасом наблюдали такой акт вандализма. По их грязным и небритым лицам текли скупые мужские слезы. Все, веселая и вольная жизнь окончилась.

К вечеру выяснились подробности и подноготная этого чудовищного деяния. Оказалось, что Чернявский не поленился и съездил к Уральцам и сказал их командиру, что винзавод представляет собой логово отпетых боевиков, склад оружия и боеприпасов, что оттуда ведется систематический обстрел наших позиций и прочую чушь. Командир Уральцев, не долго думая, снарядил группу саперов, под прикрытием разведки, причем из одних только срочников, и те уничтожили завод.

О том, что там действительно находилось, солдаты, конечно, не замедлили сообщить контрактникам, служившим в Уральском полку. Всю ночь со стороны взорванного завода до нас доносились крики. То контрактники воспитывали срочников, уничтоживших такую святыню.

Теперь по дороге постоянно носились БМП и танки уральцев. Солдаты стояли на дороге, сбывая кашу, но с говядиной была продана давно, а со свининой "чехи" особо не жаловали, ссылаясь на мусульманские традиции. А скорее просто цену сбивали. Женька совсем ушел в коммерцию. Скупил несколько ящиков каши с говядиной и теперь хотел продать их за кругленькую сумму. Планировал, что как раз на телевизор хватит. Когда Женька излагал свою коммерческую авантюру Вовке, во время стояния на посту, они увидели интереснейшую картину. По дороге мчались на полной скорости белые "Жигули", их пыталась догнать БМП с уральского полка. Они пытались стрелять в машину, но ничего не получалось, попасть в таких условиях было бесполезно. Пулей пронесясь мимо блокпоста машина резко, почти не сбавляя скорости, свернула на проселочную дорогу и вскоре исчезла из виду. БМП попытавшись повторить этот маневр, едва не перевернулось, половина солдат послетало с брони, гусеница сорвалась и машина встала. Незадачливые преследователи подошли к блокпосту.

— Ребята, чего гнались-то? — спросил Женька, — нам бы по рации сказали бы, мы его и тормознули бы.

— Нет, это наше дело. — Ответил один из солдат. — Он у нас деньги взял на водку, и проскочил с ними, так ничего и не купил, чурка хренова.

— А сколько водки-то? — Поинтересовался Вова.

— Да литр, скотина зажал. Эх, попался бы нам.

— Сколько? Литр? — в один голос удивились Вовка и Женька.

— Ну да, литр, — как ни в чем не бывало, ответил уралец.

Было воистину удивительно, как за такую жалкую сумму человек так рисковал. Что это такое смелость или глупость? Или может быть, что-то за этим крылось другое? Вопрос так и остался без ответа. А вскоре оба блокпоста, после почти двухмесячного сидения, убрали в бригаду за ненадобностью. Женька так и не смог сбыть свою кашу и теперь вез ящики с собой, впрочем, ничего он не довез, так как по дороге все поели.

За время Вовкиного отсутствия Барсика все-таки превратили во льва. Теперь он являл жалчайшее зрелище. С лысой спиной, мохнатыми лапками и чудовищной гривой он походил на фантастического зверя рожденного фантазией клиента психолога на тестировании (это когда просят нарисовать животное).

А Джохару прострелили лапу, когда он слишком ретиво, защищая роту пытался загрызть пришедшего в гости к земляку солдату. Теперь пес прыгал на трех ногах, правда храбрости и агрессивности ему это не убавило.

ГЛАВА 12

Наступила весна. Растаял снег. Хотя по ночам по-прежнему было холодно, но днем вполне можно было обходиться без бушлата. В роту пришло пополнение из контрактников. С пополнением прибыл Боря. Тот самый, что служил здесь почти год назад. Он мало того, что попал в свою часть и в свою роту, но еще и на туже должность — химика-разведчика. Греясь на солнышке Вовка выспрашивал его о гражданской жизни.

— Да что там говорить, — устало отвечал Боря. — Деньги кончились, работы нет никакой. Жена пьянствовала всю дорогу, что я здесь был.

— Борь, а деньги как, сразу дали? — поинтересовался Вовка.

— Да сразу. Нам сразу. А до этого плохо давали. Даже было дело, и голодовку объявляли контрактники и движение перекрывали, это за неделю до нас. Ну, сейчас вроде все дают. Хотя знаешь, Вова, едва получишь деньги, как за тобой тысяча жадных глаз, так и пасет. У многих отобрали все, вообще голые босые домой поехали.

— Как это так, Боря?

— Да просто. Вышел за КПП, и двигай на вокзал, а чуть где затормозил в кафе или баре, так тут местные только и ждут, чтоб ты напился. А напился, тут тебя и отоварят по полной программе. Ну, можешь с офицерами договориться, до Москвы довезут на машине. Там многие так таксуют. Дорого, но надежно. Доедешь с деньгами это точно.

— Борь, да что, неужели все так мрачно? А переводом переслать домой? Или через банк?

— Да пробовали, только фин. часть ничего не шлет. Я же тоже переводом оформлял, ну чтобы жена с детьми дома жалованье получали по почте, так ничего за три месяца им не переслали. Вот только как приехал, так и получил все тогда. Да и не один я так. У всех так. А про счет в банке и слушать не хотят. Такие вот делишки.

— Да, дела как сажа бела. — Грустно резюмировал Вова. — А с работой то что?

— Да некуда идти, безработица. А где еще можно устроиться, так там годами денег не видели.

— А в милицию?

— Да пробовал я туда, да как узнали что из Чечни, так все. Говорят, у вас там, мол, у всех крыша съехала. Нам, мол, ЧП ходячее не нужно. Вот я опять сюда и решил податься. Все одно больше некуда.

— А теперь Боря насколько контракт?

— Теперь на три года. Меньше нельзя было. Не давали. Ну да мне все равно, подписал. Сам знаешь, захочу — разорву.

— А народу много едет? — спросил Вова напоследок.

— Толпы. Что в Нижнем не протолкнешься, каждый день партии огромные. Что в Моздоке, отправки ждут. В военкомат без магарыча не заходи. А то будешь месяц отправки ждать.

Этот разговор лишний раз убедил Владимира в полной бесперспективности будущего. Чего там дома ловить неясно. Ясно одно, в те, кто с ложкой он не попал и уже не попадет, а с сошкой много не наживешь. Он не Агеев, за него словечка никто не замолвит. Самому придется пробиваться, а куда даже неясно. Нет, лучше уж здесь пока отсидеться. Может и пройдет дурное время. "Да нет, не пройдет", — нашептывал коварный внутренний голос.

Готовилась снова крупная операция в горах. Пока Вовка виснул под Курчалоем, для этой операции отобрали четырех огнеметчиков и усиленно тренировали каждый день на ЦБУ. Командир роты сказал Вовке, что он может писать рапорт на отпуск, все равно в горы не пойдет, а народу в роте полный комплект. Радость и страх поселились в Вовкиной душе. Боже мой, через десять месяцев отсутствия оказаться дома. Увидеть лица тех, кого почти забыл. Окунуться в весеннее веселье, девочки, пьянки-гулянки, чистая одежда, без вшей. Эх, какая красота. Но когда он уже занес ручку над чистым листком, образ бредущего в темноте жалкого человечка, которым он был год назад, снова явственно предстал перед глазами. "Нет, не хочу, уйди, я не знаю тебя!" отогнал он непрошеное видение. И видение исчезло вместе с мыслью об отпуске. Вовка решил выждать еще немного.

А долго ждать и не пришлось. Операция началась через три дня. И, как в армии часто бывает, в последний момент все переменилось. Люди, которых готовили внезапно слегли с различными болезнями в мед. роту. Трудно сказать, было ли это просто совпадение, или симуляция, но как бы там ни было, вместо их запихали первых встречных поперечных, в их числе и Вовку с Мишкой. И вот снова сборы и снова погрузка на броню. Уезжала почти вся бригада. Осталась в охранении лагеря одна третья рота, куда по злой иронии судьбы был переведен за два месяца до того их огнеметчик Юра. Он так рвался воевать, что добился перевода в пехоту. И вот теперь, его сослуживцы ехали на настоящее дело, а он провожал их колонну печальным взглядом, стоя на блок посту у выезда из лагеря.

Колонна снова ехала к Курчалою, уже по новой взятому и зачищенному войсками. Теперь тот же путь был проделан за

сутки. Там же, у подножия гор скапливались различные части. Встали лагерем вместе с уральцами. К "химикам" прикомандировали "Урал" вместе с водителем Вадимом — Вовкиным земляком. Вадик тоже был не просто так. Пока три дня торчали там, он Вовке порассказал за свою жизнь непутевую. А что путевая что ли, алиментов на сто лет вперед, плюс еще и наркоман со стажем. Жену даже на иглу посадил. А самому только двадцать пять лет. Теперь вот надо хоть с алиментами расхлебаться, а то тюрьма. О местной конопле Вадик был невысокого мнения. "Да дома, куда лучше с наркотой дело было, чем здесь. Знал бы, ни в жизнь не поехал бы", — часто повторял он.

Потом распределили по подразделениям. Вовка опять попал в разведроту. Теперь напарником ему дали крикливого, здоровенного узбека с русским Именем Антом и украинской фамилией Хоменко. Вот и разберись тут, кто он есть. В разведроте знакомых никого не осталось. Единственно только, командовал ей теперь, тот самый щупленький лейтенант, вернее уже старший лейтенант Удалов. "Ну что ж хороший выбор, — в уме заключил Вовка, — кому как не ему этим и заниматься". Снова надо было идти впереди колонны, прокладывая ей дорогу. Особых трудностей пока не было. Если только не считать порядком надоевшего своим вечным недовольством всем и вся Узбека. Сейчас разведгруппа подходила к небольшому селу, по которому весь предыдущий день "работала" артиллерия. К счастью для Вовки, Узбек двигался с другой группой. А Вовка погрузился в свои мысли.

"Скоро, уже очень скоро возвращаться в тот, ставший ирреальным мир. Все чем он жил стало казаться далеким и несерьезным. Люди без подлинных эмоций. Марионетки обстоятельств, актеришки играющие героев, но не желающие ни за какие коврижки побывать в шкуре тех, кого они изображают. Да хрен бы с ними. Просто ясно, что никакие проблемы не решены. Все придется начинать с нуля. А главное — ты забыт. Кроме матери и Лехи (один раз) никто больше не писал. Ладно, Люба. А Наташка? "Пилится" там со всеми, а я опять "другом" буду. Да далось мне это все. Деньги будут, а там прорвусь". — Самоуспокоился Вова.

Вошли в село. Все насторожились. Присели на корточки, кое-кто лег на землю. Вовка, пользуясь случаем, перевесил огнемет через другое плечо и снял автомат с шеи. Может быть, хотя и нежелательно, придется стрелять. Командир что-то говорил по рации. Село как вымерло. На краю находилось кирпичное здание, видимо сельсовет или магазин, сейчас трудно понять из-за

разрушений. Здание от зарослей отделял пустырь метров 100 шириной. Закончив переговоры по рации, командир подозвал Вовку к себе и, указав на здание, сказал:

— Вон туда пульни на всякий случай. Чет его знает, может там "чехи" сидят. Вчера вроде снайпер оттуда работал.

Перспектива избавиться от изрядно натершей плечо тяжелой пудовой трубы несказанно обрадовала. Благо и дело то плевое, со ста метров грех в такие здоровенные окна не попасть. Да и тихо вроде вокруг.

— Эй, сзади не стойте, а то оплавитесь, — для порядка крикнув, Вова стал ставить планку прицела на "единичку".

Теперь затычки в уши, чтоб не оглохнуть и… БАХ!!! Оглушительный грохот и черный, похожий на мячик предмет полетел в здание. Как и предполагалось, он влетел в огромный, с выбитыми стеклами, оконный проем первого этажа. Здание содрогнулось. Посыпались еще уцелевшие стекла, какие-то щепки и куски кирпича. Вот и все. На сегодня Вовка свою задачу выполнил. "Шмелей" больше нет. Теперь идти будет легко.

Идти и в самом деле было легко. Вовка держа автомат в руке стволом вниз наконец то расправил затекшие плечи. А, черт, прямо под ствол забежала испуганная курица, соблазн был слишком велик и Вовка нажал курок. Благо, что патрон всегда в патроннике, а предохранитель, как обычно перед возможным боем снят. Пуля прошила курицу насквозь. Она на секунду словно влипла в землю и, закудахтав, припустила со всех своих ног. "Вот это не хрена себе, живучесть", — только и осталось удивляться. На выстрел настороженно обернулись остальные разведчики. Поняв, что произошло, молча покрутили пальцами у висков. А что тут скажешь, Вовка и сам не понимал, зачем убил курицу, просто под ствол попала.

Заночевали в этом селе, найдя более менее пригодный дом. Само собой, что продуктов набрали вдоволь. Вечером, при свете керосиновой лампы, найденной в доме, Узбек вырезал на цевье автомата "ЮЛЯ". "О, тоже двойное дно", — сразу подумалось Вовке.

— Это кто, жена твоя? — спросил он.

— Нет, просто девушка любимая, — отвечал Антон. — Я расстался с ней.

— А что такое, другому дала, а тебе нет?

— Да нет, я понимаешь, с ней три года дружил. Жениться хотел на ней. С родителями ее все отлично. Осталось только дом купить и все живи на здоровье.

— Ну, а это дело как? — жестами уточнил свой вопрос Вовка. — Все класс, или бревно бревном?

— Ничего у нас не было. Я же говорю тебе, для свадьбы берег.

— А что, сначала штамп в паспорте, а потом все остальное? А так как репетицию, нельзя?

— Конечно нет, ты что Вова, совсем дурак наверное, — начинал злиться Антон. — Как не понимаешь, это же не шалава, это невеста моя была.

— Ну подожди, Антон, если все так хорошо, так в чем дело-то. Другому не дала, тебе тоже. Хоть убей, ничего не пойму. Что случилось то? Разлюбила тебя? Или ты ее? Хотя, раз имя пишешь, значит, нет, так что случилось-то?

— Ну, понимаешь, я ее проверить решил. Сказал, что все кончено между нами. Хотел посмотреть, будет она с кем еще встречаться или нет. Ну, она через неделю другого нашла. Я видел, как они целовались на остановке. Потом я сказал ей, что это я так проверить хотел, как она меня любит. Она в слезы, того парня бросила, а я с ней порвал. Мне такая не нужна.

— Антон, получается не я, а ты дурак, — утвердительно произнес Вовка. — Ты вообще чего добивался то. Ходил, ходил, потом бросил, а чего хотел-то? Чего она, по-твоему, должна была делать?

— Как чего, — искренне удивился Антон, — конечно, дома сидеть, у нее ведь жених есть.

— Кто?

— Да я, конечно, кто же еще?

— Так ты же вроде как в сторону ушел? Какой же ты жених?

— Так я проверял так, чего тут непонятного?

Вовка действительно ничего не понял в такой запутанной азиатской логике. Черт их этих нерусских не разберет. Еще больше он удивился через несколько минут, когда Антон показал ему письма этой неизвестно Юли. В каждой строчке аккуратного ученического почерка, сквозила искренняя любовь. Она ждала Антона. Он любил ее и тем не менее, такая вот история.

Тут он еще сюрприз преподнес. Задав такой вот вопросец:

— Вова, а если меня убьют или ранят, ты мстить за меня будешь?

— Нет конечно, на кой ты мне сдался, — отмахнулся Вовка.

— А я буду, — серьезно ответил Антон. — И если что случится с тобой, то не брошу.

"Во, к чему этот разговор? — дивился Вовка. — А, небось рисовка".

Вскорости, Вовка убедился, что Узбек не рисовался. И вообще скоро многое поменялось.

В тот достопамятный день, разведгруппа в состав которой он был включен, утром выдвинулась пешком прокладывать путь

колонне к горному селу Ц. Как обычно разведчики разделились на две группы по десять человек и стали прочесывать лес с обеих сторон от горной дороги. Все складывалось очень удачно. День был теплый и солнечный. Уже прошло часа три, как они вышли, и никаких людей и жилищ на пути не встречалось. Солнце порядочно поднялось над горизонтом и стало жарко. Наконец увидели в низине по правую сторону дороги небольшое село. Командир долго смотрел на карту, но никак не мог найти там этот населенный пункт. Плюнув на все и спрятав карту обратно в наколенный карман брюк, Удалов решил пройти село. Разведчики спустились по довольно-таки крутому склону вниз. Село как вымерло. Домов совсем мало. Они расположились в один ряд по обе стороны дороги. Нестройной толпой, глазея по сторонам, прошли разведчики по сельской улице. Нет, село не вымерло. Вот кто-то копается в огороде. Это две старухи возятся в земле. На крылечке, опершись о клюку, сидит седобородый аксакал и куря сигаретку, наблюдает за ходом работ. Командир подошел к нему, чтобы уточнить название села, после чего с удивлением глянул на карту. Там это село вообще отсутствовало. Убедившись в отсутствии боевиков, стали выкарабкиваться по склону обратно на дорогу. Вьюк с огнеметами тянул назад. Несколько раз Вовка думал, что упадет и кубарем покатится вниз. Но вылез. Все вылезли. Теперь их путь извивался по склону горы. Дорога сделала поворот, и открылся чудесный вид.

С правой стороны глубокое ущелье, дорога походила по его краю. На противоположной стороне ущелья — гора, с редкими деревцами. Слева дорога ограничивалась отвесной стеной. Разведрота разделилась на две группы. Первая, в которой находился Вовка, вышла на поворот. На открытое место. Вторая группа, где был Узбек, осталась перед поворотом. Они залегли за пригорком. На вершине горы, что по ту сторону ущелья, между деревьями Вовка увидел четыре маленьких человеческих фигурки. Расстояние большое и виделись они величиной со спичечный коробок, не больше.

Группа остановилась, сели на землю спиной к стене и лицом в сторону горы. Командир запустил зеленую сигнальную ракету. Были все основания думать, что люди на горе — наши вот он и давал им сигнал, что и они тоже свои.

А человечки на горе, увидев ракету, засуетились. Командир ждал когда с их стороны полетит ответная ракета. А ее не было. Удалов запустил еще одну ракету. Ответа снова не последовало. Пошарив в разгрузке и не найдя больше ракет, он сказал зам. комвзводу, чтобы тот свою ракету запустил, у него есть. А человечки на горе, тем временем, прекратили суету и спешно

попрятались между деревьев. Достал зам. комвзвода ракетницу, поднял ее вверх.

Как хлопнуло. И тут Вовка сразу понял, что это не выстрел ракетницы. Со стороны горы в их сторону медленно полетел черный предмет. Такой же, знакомый, похожий на мячик, которые выпускал из своей трубы Вовка, вот так, за что боролись, на то и напоролись. Люди на горе произвели по ним выстрел, и именно этот хлопок и слышал Вовка. А летящий предмет, тем временем стал приобретать очертания. Он перестал быть похожим на мячик. Стала видна его головная часть, конусообразной формы и большие хвосты оперения. Володя с ужасом понял, что это летит прямо на него. Это ПТУРС (противотанковый управляемый реактивный снаряд) он наводится по проводам и поэтому скорость его относительно невелика. Время замедлило свой бег. Доли секунды полета снаряда показались минутами. Он отчетливо видел его приближение. Сейчас, сейчас он взорвется, и от Вовы останутся клочки. А вместе с ним от всего мира, от всей вселенной. Не будет ни его, ни Наташек, Любок, Лешек, Агеевых. Все больше никого не будет. Не надо быть особым военным гением, чтобы понять, что с двумя огнеметами за спиной представляешь лакомую мишень для стрелков, тем более здоровые "Шмели" видно за версту. В безнадежной попытке избежать гибели Вовка упал лицом на землю, и накрыл голову руками. В момент падения он увидел и ощутил на себе, как хвостовое оперение снаряда пронеслось в сантиметрах десяти от правого уха. Словно дыхание смерти повеяло. Время останавливается. Лежа, вжавшись в землю, он ждал взрыва, после которого наступит неминуемая смерть. С этой мыслью Вовка к своему удивлению сразу смирился. Он понял, что теперь от него уже ничего не зависит. Полное бессилие перед страшной, смертоносной силой, внезапно придало ему спокойствие фаталиста. Он уже не боялся смерти. Все равно она вот уже сейчас наступит. С удивлением он заметил, что спокоен и совершенно не боится. Неизбежность гибели вселила в душу такое мужество, какое он не представлял в себе. Мысли проносились в мозгу с чудовищной скоростью. Его донимал вопрос: "Что же дальше? Забытье или, правда, вечная жизнь. И где в аду или раю? И что это вообще такое. Ну надо же, ведь через мгновение я разгадаю вечную тайну человечества — что же там. Только бы не в ад, а может, наши представления о загробном мире в корне неверны и все совсем не так, а намного страшнее. А вдруг Бог, совсем не таков, как изображает его религия. Не добр, не всемогущ, а главное — не всеблаг? А вдруг его вообще нет? Вдруг тот мир населен страшными призраками из ночных

кошмаров? Нет, Господь, Ты есть!!! Господи! Прими меня к Себе!!!"

Оглушительный хлопок рядом позади и совсем не благая уже мысль: "П…ц" пронзила сознание Вовки. Сразу же после взрыва он почувствовал теплую кровь на левой щеке и сильный звон в голове. Теперь стало ясно, что жив. Разгадка тайн бытия откладывалась на неопределенное время. Мгновенно Вовка, из которого вмиг улетучилось Сократово спокойствие перед смертью, вскочил на ноги. Тут дошло, что после взрыва снаряда прошло уже порядочно времени, а не доля секунды как ему казалось. Ведь он думал, что только и успел моргнуть глазами, после разрыва. Но, первое что бросилось в глаза то, что вокруг никого не было. Хотя не совсем, вот метрах в десяти лицом вниз лежал Димка, срочник, замыкавший группу. Да и сам Вова, оказывается, лежал лицом в противоположную сторону. Взрывом его развернуло.

В метре от того места, где он лежал, в отвесной глиняной стене воронка, глубиной около метра, проделанная снарядом. Вовка помнил, что снаряд летел с правой стороны, а кровь текла из левого уха и левой щеки. Автомат, огнеметы и "лифчик" с магазинами были раскиданы вокруг, на голове не было вязаной шапочки. Да и хрен бы с ними. Схватив автомат и "лифчик", секунду поколебался, взять ли огнеметы, они тяжелые и будут мешать бегу. А он собрался уносить ноги, да побыстрее. Тем более что люди на горе опять что-то зашевелились, не иначе опять решили стрелять. Все-таки взял огнеметы и со всех ног полетел к холмику, за которым увидел залегших разведчиков. Они словно забыли про него и Димку, что до сих пор не подал признаков жизни. Пробегая мимо Димки, он все-таки, на всякий случай, пнул его ногой по туловищу. Срочник поднял голову.

— Димка! Живой!

Он поднял голову и безразличным тоном дал утвердительный ответ.

— Так бежим отсюда, наши уже все убежали.

Димка, однако, так и продолжал лежать. Вовка пинками попытался поднять его, но безрезультатно. А время дорого, человечки наверху горы опять активизировались. А наши? Наши спокойно лежали за холмиком, заняв безопасную позицию и не могли или не хотели пока, приходить на помощь. До них всего, каких-то сотня метров. Но как её пройти с Димкой, который видимо, контужен и сам не пойдет. Схватив его за воротник бушлата одной рукой а другой за ремень Вовка поволок того по земле. Димка застонал от боли. Тут где-то сверху раздался еще такой же хлопок. Это выстрелил еще один ПТУРС. Все страх взял

свое. Бросив Димку Вовка со всех ног устремился к своим, под прикрытие холмика. Тут раздался взрыв ПТУРСа. Вовка едва в штаны не наложил. Не хватало, одной беды избежав во вторую попасть. Мужество его напрочь покинуло. Пришел липкий, противный страх, за себя любимого.

Подбежав к Удалову, Вовка порадовал того ему, что Димка живой, но остался лежать и надо его забрать. Он слегка удивился, что они оба живы и тут же дал команду вытащить раненого. Первым подорвались Узбек, вместе со снайпером Сашка и зам. комвзвода Анатолием. Четвертым побежал и Вовка сбросив огнеметы командиру. Вытащили Димку удачно, без происшествий. Ясно стало, что ранен он серьезно в почки. Видно было, как на глазах, его бушлат в поясе пропитывался кровью. Он не мог двигаться. Только говорил, но говорил мало. Санинструктор вколол ему промидол. Кто-то уже тащил жерди, из которых сделали импровизированные носилки. Раненого унесли на них в сторону подъехавшей МТЛБ (многоцелевой транспортер легкобронированный) — "таблетки".

Теперь очутившись в относительной безопасности, Володя ощутил, как сильно звенит его голова. Он почти перестал слышать. Ощупал голову. Так и есть, в левой щеке под кожей застрял осколок величиной с дробину, на затылке тоже вздулся нарыв, там тоже маленький осколочек. Еще лопнула барабанная перепонка в левом ухе. Больше, кажется, ничего не пострадало. Стало ясно, какой опасности он избежал и от осознания этого Вова закатился истерическим смехом. Возле кружился Узбек. От него и узнал, что их обоих сочли убитыми и бросили. А пролежал он оказывается около десяти минут без сознания. А казалось, что вообще его не терял. Для него от взрыва и до настоящего момента не прошло и минуты. Подошел санинструктор и стал что-то говорить, но что Вовка почти не слышал. Санинструктор осмотрел ухо и раны от осколков, потом ушел. Командир в это время по рации пытался выяснить, кто же их все-таки обстрелял. До сих пор все полагали, что это были все-таки наши, т. е. какой-то соседний полк или бригада, принявшие разведчиков за "чехов". Но выяснилось что это не наши, а "чехи", поэтому был вызван танк.

С третей попытки тяжелой, грозной боевой машине удалось заехать на холмик, за которым недавно лежали разведчики и сделать несколько выстрелов. Командиры стали совещаться между собой, как и куда дальше идти.

К Володе вместе с Узбеком подошел санинструктор. Они стали долго объяснять ему, что сейчас он поедет на базу, а там возможно в мед роту или госпиталь. Вовка плохо соображал и

почти ничего не слышал. Узбек, не упустив свою выгоду, забирал Вовкины магазины. Действуя как робот он сел на БМП идущее в сторону лагеря. По дороге двигалось много бронетехники. Он был несказанно рад, что не пойдет сегодня дальше, на него напал дикий страх. Он все время вспоминал этот снаряд летящий прямо в него. Перед глазами стояло хвостовое оперение так четко видимое несколько минут назад. Вовка понял, что не сможет идти дальше. Голова звенела все сильнее, начало трясти и мутить.

По приезду в лагерь, осматривавший Вовку врач, предложил "вертушкой" лететь в бригаду. Соблазн был велик, но почему-то показалось, что если сейчас он улетит, то так и останется навсегда один на один с этим животным страхом. Он отказался и лежал в палатке, где ему поставили капельницу с какой-то жидкостью. Он в палатке один. В голове крутились подробности последнего часа. Все больше и больше он сознавал, как близко был от гибели. Если бы снаряд был фугасный, а не кумулятивный, то разорвало бы в клочья. А так только контузило и поранило осколками корпуса, которые и застряли в левой щеке и затылке. Димка, похоже, не выжил, в тяжелом, бессознательном состоянии, его "вертушкой" отправили в госпиталь, а долетел ли? То Богу ведомо. Осколками этого снаряда ему пробило почки.

Где-то рядом раздались громкие хлопки, и завибрировала земля. Вовку снова бросило в дрожь, неужели опять обстрел? Схватив автомат, он вжался в пол палатки. Вошедший в это время санитар, обалдел. Но успокоил оказывается, это рядом с палаткой стреляло БМП. На склоне горы заметили чехов, вот их и накрыли. Вовка не находил себе места. Выбравшись из под капельницы он вылез из палатки и пошел бродить вокруг, ища знакомые лица, чтобы перекинуться словечком. В роте кроме командира никого не было, а он на собеседника не котировался (субординация все-таки). Наконец, у костерка, где стояло БМП возившее заместителя командиры бригады он увидел, кого бы Вы думали? Своего тезку — Вовку, того самого мужичка, что в самом начале службы, на блокпосту мечтал "делать бабки на квартирантах". Вовка то полагал, что он уволился, может и правда "бабки" делает, а он гляди-ка зама возит. Карьерист.

Тезка и в самом деле был карьерист. Прослужив пятнадцать лет в милиции, дослужился до начальника дежурной части и майорских погон. Но что то случилось, о чем он туманно говорил, а скорее всего был покусан "зеленым змием" и как результат увольнение и без пенсии. И служба здесь в рядовом звании, механником-водителем БМП.

— О! Тезка, привет, — радостно отозвался экс-майор. — Эк тебя угораздило, — показывал он пальцем на кровь на голове.

— Да ПТУРС в голову попал — ответил, глупо улыбаясь, Вовка. Ему почему-то стало смешно, смех так и рвался наружу.

— Да ну тебя, тоже мне. Бреши да меру знай.

— Ну не в голову конечно, а рядом, а это так, осколками посекло.

Вовка сейчас заметил, что плохо слышит собеседника, а сам орет во весь голос. Он не улавливал, откуда именно идет звук. В голове продолжал нарастать звон. Он ни на секунду оставлял его.

— А чего тогда здесь ходишь, как дурачок ржешь, — стал читать мораль тезка. — Ты в госпиталь ложись, тогда пенсию получишь. Скажи, мол, так и так, голова болит, да не лыбься как баран. А то какой больной? Улыбка до ушей. Ты помрачней будь, не смейся как сейчас.

— Ладно, Вова, всему свое время. А у тебя как?

— Да, как, — грустно произнес отставной мент, — был в отпуске.

— Хату то купил, квартирантам сдавать?

— Ага, купил, все за три дня просадил, и не спрашивай как. Как крышу сорвало, сам не пойму. Я же от одного офицера письмишко жене его возил. А там такое. — И дальше последовал рассказ достойный лучших традиций эротики.

В общем Вова, приехал я туда, с Петрухой вместе, да ты его не знаешь. Ну деньги только после обеда давать будут, дай думаю к лейтенанта жене заскочу, письмо передам. Зашли. Такая бабешка, скажу я тебе, загляденье. Ну, письмо передал, посидели с ней. Петька и предлагает ей: "Давай мол после получки зайдем". Та не против. Ну получили мы, по десять "мультов" каждый, и к ней. Выпить, закусить само собой взяли. Ну посидели до вечера, захорошело нам. Тут к ней подруга пришла. Девка класс!!! Жена летехина — мне мол на работу. Потом собралась, оделась. Я как глянул, Вова, глаза на лоб выскочили. Просто фотомодель — секс-символ. Она на минутку с подругой потрещала о чем-то в коридоре и к нам. И открытым текстом: "Ребята, мы девушками по вызову работаем, хотите с вами на ночь останемся. Пол-лимона за услуги и мы Ваши. Чем в контору идти, так лучше уж с Вами. Только не надо мораль читать, мол офицерская жена. Мне жить на что-то надо. А от мужа и так денег не видала, а теперь он вообще на три месяца завис и пока приедет? А у нас ребенок, и у нее ребенок. Вот так и живем". А что Вова, я ее понимаю, что сделать то. Одним бублик, а другим дырка от него. Ну, мы недолго думая согласились, а что, раз живем, чего же не оттянуться. Я с лейтенанта женой, "бабки" ей само собой отстегнул, а Петька с подругой ее. Выпили еще, порнушку поставили. У!У!У!!! Вова, ну понимаешь, я как поглядел, и как

подумал, что все это сейчас за "бабки" получу. Она сразу меня целовать, "берцы" с меня снимает. Вова, ну ты представляешь, я неделю наверное не разувался, а она как начала меня с ног целовать. Я чуть с ума не сошел. А Петька со своей черти его знает чего, но почему-то в туалет пошел. Чего уж там было — сам понял. Утром проснулся, башка гудит, Петька где-то в туалете так и валяется. Подруги его нет. Посмотрел я первым делом по карманам, денег двух мультов нет, я к лейтенанта жене, так мол и так, я по моему чуть меньше должен. А Петька глянул по своим, там пяти не хватает. А жена летехина нам: "А что мальчики хотели? Я что за так ваши извращения должна делать. А ты Петя, вообще молчи, твои дела туалетные только она и делает, теперь отмываться ей от тебя неделю. Так что все по прейскуранту. Сами вчера согласились, мы лишнего с Вас не взяли. Права качать не советую. Сами понимаете Вы здесь чужие. А так если хотите еще пожалуйста, так и быть могу со скидкой, выпивка бесплатно". Ох, Вова, и паршиво же мне стало тогда так. Куда же мы пришли? И я то хорош, да черт с деньгами, просто что же теперь есть деньги так все дозволено. А нет денег, так что — под любого ложись, хоть в прямом, хоть в переносном смысле. Я же как вспомнил, что с ней вытворял, самому стыдно, посейчас. Ты на меня глянь, я же старик, а она красотка, а вот я с "баблом" и все мне можно, и пляши передо мной. А знаешь, мне так еще захотелось, чего-нибудь этакого, ну и пустился во все тяжкие, пока "бабло" было, так все передо мной ластились. Ну, как кончилось, сам понял. И ведь я то старый дурак знал, что так и будет, а нет же. Как закружил, как закружил. А ты представляешь, у кого "бабла" такого навалом и каждый день. Вот крышу то сносит.

— Ну а сейчас что?

— Да что, что, думал в отпуске уволиться, а получилось опять сюда, я приехал, тебя не было, а меня тем же днем сюда отправили в охрану зам. комрига.

— А лейтенанту тому про жену не похвастал?

— Нет, тезка, зачем его расстраивать. Да и что изменит. Ну, она может и блядь, но деньги то мы им несем. А как жить ей на самом деле? Может и все устроится и нормально все будет. Чего мне в его жизнь лезть.

— Да, — задумчиво ответил Вова, — ты прав. Я бы тоже ничего не сказал бы. Сами то мы не без греха, а таких же судим. Мы ведь те же проститутки. Воюем за деньги, а эти "пилятся" за тоже самое. — И закончив тяжелую для обоих тему спросил, — Нормально то тут?

— Спрашиваешь, конечно, классно. Еда от пуза, шмотки тоже лучшие. Попробую до пенсии добить.

— Ну, удачи Вова, пойду, как ты говоришь в санчасть.

— Только не улыбайся, серьезнее будь, — напутствовал тезка.

Последние слова Вовка почти не расслышал, звон заглушил все. Вместе с ним пришел неодолимый страх. Вернее животный ужас. Летящий снаряд стоял перед глазами. Мысли роились в его голове. Заманчивая перспектива, выстроенная тезкой, была так привлекательна.

Госпиталь, лечение, наверняка отпуск. И тут же снаряд, его растопыренные хвосты, страх. Зависание на краю бездны. Словно ты сумел заглянуть за грань, отделяющую жизнь от смерти. Что означали те минуты проведенные без сознания. Ведь он был уверен что умер. Мысль о стопроцентной смерти была так сильна, что растворила грани между бытием и небытием. Привычный мир потерял черты реальности. Все стало казаться неестественным. А ответ на вечный вопрос: что же там? Так и остался открытым. А что же там? И снова снаряд перед глазами. И снова звон в голове. Нет, в госпиталь нельзя. Иначе этот страх перерастет в манию. Надо изгнать его. Страшно возвращаться, но еще страшнее балансировать на грани между разумом и безумием. Все время кажется, что снаряд вот вот достигнет цели. Словно что-то недоделано, что-то не решено. Надо решить, довести до конца, тогда страх пройдет. Лечение, а вдруг вместо пенсии учет в псих. диспансере, что тогда? Как жить, нет, не в смысле как жить дураком, не он один дураком живет и ничего. Дело не в том, как зарабатывать на жизнь. Со справкой перспектив нет. Ведь оно что получается, если место отличное, то и спрос никакой, а вот сторожить какую ни будь шарагу, так сто бумаг принеси. А ежели клерков той шараги так же протестировать? Может и половина не пройдет свои же барьеры. Нет, даже с этой точки зрения в госпиталь нельзя.

Приняв решение, Вовка вернулся и попросил ротного отправить его обратно в разведроту, где Узбек, скучая по злейшему другу, успел переругаться со всем личным составом и довести до белого каления командира роты. Который в сердцах обещал расстрелять его к чертовой матери и списать на боевые. Через три дня, отъевшись и отоспавшись, он воссоединился с разведчиками к радости Узбека и в тот же день успел с ним поругаться из-за воды с головастиками, в которой был заварен чай.

Попав снова не передний край, Вовка шарахался от каждого хлопка, будь то выстрел или просто гром. Стал пропадать слух. Левое ухо практически ничего не слышало. Порвалась барабанная перепонка. Однажды Вовка к своему удивлению заметил, что может дышать ушами. Да — да, зажав нос, он делал выдох и

чувствовал, как через порванную перепонку проходил воздух, еле — еле конечно. Развивая свои таланты, он попробовал пускать из ушей дым, на спор. Страшная боль в ухе, но дым пошел, тоненькой струйкой. Спор был выигран, и пачка сигарет перекочевала в его карман. Правда, на бис фокус не повторялся. Слишком больно.

Несмотря на страх и боль, Вовка понимал, что только так он сможет стать полноценным человеком, а не психом. Клин клином вышибается. Подсознательно он ждал переделки. Ему хотелось проверить себя. Хотя он понимал, что может быть и струсит, так что руки ноги не будут слушать. Но пока ничего не происходило. Пока были обычные переходы впереди колонны, пешком с тяжелыми огнеметными вьюками. Вечная ставшая уже нормой перебранка с Узбеком. Однажды также вот лежа на солнышке Вовка читал мораль собрату по оружию:

— Антон, мать твою, пошли окоп копать. Ротный че сказал?

— Э, за мать ответишь?

— Слушай, да не о ней речь, я пол окопа откопал, иди, помоги дальше, а то не дай Бог "чехи" обстреливать начнут, тогда чего? Где прятаться?

Село, где по предположениям должны были быть боевики виднелось за ущельем. До него было не более километров трех по прямой, и Вовкины опасения не были так уж беспочвенны. Однако то ли хладнокровие, то ли глупость напарника не знала пределов.

— А чего, они все равно не попадут, а если что, то и так помирать. Отвечал лежавший за небольшим бугорком, Узбек, продолжая уплетать банку добытой где-то сгущенки.

— Да пошел ты! — плюнул в сердцах Вовка и с лопатой в руке пошел углублять свою нору. — Короче я на себя копаю, а ты как хочешь.

— Копай, копай. — Невозмутимо продолжая есть сказал напарник. — Я же понимаю, тебя как шарахнуло, ты теперь каждого треска боишься.

Не став спорить, Вовка углубился в твердую землю. Однако работа никак не шла, и выкинув несколько совков земли он лег за бугорок покурить сигаретку. Тут и началось.

Раздался такой знакомый свист, и метрах в ста правее полетели в воздух клочья земли. Били с миномета и явно не прицельно, так как основная масса солдат располагалась намного левее. Но вот опять свист и мина полетела уже над Вовкой с Узбеком. Взрыв раздался далеко позади. Как безумный Вовка завертелся на брюхе, подобно ящеру пытаясь доползти до окопа.

— Да сиди здесь, тут нас не видно, — подтягивая его обратно за штаны, сказал Узбек. — Пока доползешь, весь виден будешь.

Логика в его словах присутствовала и Вовка остался. А все одно, чего он в этом окопе делал бы, от страха только трясся бы? А тут хоть не один, все веселее. Откуда-то слева подполз еще и снайпер.

— О, вижу у Вас закурить есть. Угостили бы.

— Э! Откуда у меня курить? Я думал сам у тебя спросить, вашим позавчера вроде выдавали. — Стал отнекиваться Узбек.

В это время раздался еще один хлопок. За ним рев выезжающего на удобную для стрельбы позицию, танка. Снайпер не отставал:

— Да у тебя полный мешок, все же знают. Давай, колись.

— Э, да когда это был-то мешок? Уже и не осталось ничего. На Вас не напасешься.

Нехотя Узбек полез в свою сокровищницу. Она являла собой обычный вещмешок, но с чем?!!! Он был до отказа набит "Беломором". Это он постарался, когда еще в хим. роте стоял на посту возле гуманитарной помощи. Соблазн был велик и Узбек набил два мешка папиросами. Один уже был скурен. Сокровищницу свою он охранял почище чем США свой Форт Нокс (там то слышал были кражи, а вот у Узбека нет). Вова был поражен и восхищен с каким упорством Антон, даже перед угрозой (вполне зримой) смерти, не хочет расставаться со своими "богатствами". Но Вовку все равно трясло, он думал, что любая из этих мин в момент разорвет их на куски.

Танк сделал несколько выстрелов, мины падать перестали. По видимому "чехи" просто свернулись. Потерь к счастью не было. Больше в тот день их не обстреливали. Вовка наконец-то понял, что может все-таки управлять собой. Ночью он сидя в своем окопчике (Узбек так кстати и не стал копать, решив что более уже ничего не будет) таращился через прибор ночного видения в сторону села, откуда их обстреляли. Но ничего, смена прошла спокойно. Засыпая правда была мыслишка: "А вдруг уже не проснусь"? Но проснулся.

Утром страхи развеялись. День выдался прекрасный. Бригада никуда с места не двигалась. Разувшись как и многие Вовка босиком, в нижнем белье расхаживал по молоденькой травке, подставляя тело и одежду, живительному солнцу. А главное, что бы отдохнуть от вшей, солнце для которых было явно как термоядерный реактор для нас смертных. Мысли неслись к дому, к гражданской жизни, так хотелось верить, что ты там нужен. Это был самообман, но такой необходимый самообман. Ему даже захотелось увидеть старых знакомых, просто так. В таком расслабленно благодушном настроении и застал его командир взвода. Тоже шедший босиком.

— Поднимись вон ко второму батальону, — он показал рукой в сторону пригорка, где стояло БМП.

— Надолго, собирать чего — спросил Вовка.

— Да нет, один "Шмель" возьми. Там какой-то сарай надо развалить, на пять минут дел.

Одеваться не хотелось, теплый воздух и солнце так ласкали тело, что Вовка решил так и идти, тем более и идти метров сто. Взяв одну трубу и автомат с одним "рожком" он направился к БМП. Там кроме механника-водителя и не было никого.

— А где командир? — Спросил Вовка чумазого парня, своего ровесника, что возился с траком.

— Не знаю, где-то там, он показал вниз, где несколько солдат с оружием наготове подбирались к какому-то сараю.

— Закурить не будет? — с надеждой в голосе попросил "механ".

— Угощайся, — Вовка протянул ему "беломорину" (для Вовки Узбек делал исключение и делился куревом).

В это время солдаты у сарая упали на землю, а возле БМП с противным свистом пронеслись пули.

— Ох, твою мать, — одновременно вырвалось у обоих.

Они сразу же оказались за катками БМП, осторожно выглядывая наружу. Огонь вели как "наши" так и люди цепью двигавшиеся с другой стороны сарая. Никого из офицеров рядом не было и они просто не знали что делать. Откуда на сарай наступали неизвестные все было напичкано "нашими" войсками. Конечно чем черт не шутит, может и "чехи" прорвались, но по опыту Вовка понимал, что могут быть и наши, поэтому огонь без команды открывать не спешил. Бой шел вялый. Потерь 0кажется не было.

— Давай закурим что ли, все равно там и без нас разберутся, предложил "механ".

— Да давай, — махнул на все рукой Вовка. — Откуда сам-то? традиционный вопрос в армии.

— С М-ска, месяц как привезли, Вадимом зовут.

— С М-ска, — обрадовался встрече с земляком Вова, — я тоже оттуда.

— Ты из самого города или с области? — заинтересовался Вадим.

— Я с самого, а ты с колхоза?

— Нет, я тоже с самого, с Транспортного района.

— О, — обрадовался Вовка, — я с Правобережного, вообще почти рядом, ты глянь. И как там?

Договорить они не успели, появился кто-то из офицеров и Вовку погнали с группой солдат, что пыталась окружить сарай с

другого бока. Однако страха Вовка не испытывал. Стрельба затихла и они шли явно для подстраховки. Похоже, просто два подразделения не узнав друг друга столкнулись. Сейчас разберутся и дадут отбой. Скорее всего это ВВ МВД, с ними вообще сообщение не отлажено. Как на разных языках говорить. Так оно и вышло. Пехота оказалась на высоте, без потерь, что значит "профессионалы", у ВВ один убитый и двое легкораненых, что значит срочники.

ГЛАВА 13

Несколько дней спустя Вовка понял, что нервы его на пределе. Нет дело не в войне. Он понимал, что война идет к концу. Операция в горах плавно подходила к логичному завершению. Каждое "зачищенное" село могло стать последним в боевом пути части. И солдаты и офицеры говорили о выводе. Его ждали с двояким чувством кто-то с радостью, как в общем-то где-то в глубине подсознания и Вовка. Или с беспокойством, как Вадим, с которым они чаще встречались, так рядом стояли. Интересно было поговорить с человеком, что сравнительно недавно из дома, как там сейчас.

Да все также. Люди без работы, без денег. Спиваются, сходят с ума. На фоне всего этого роскошь "сильных мира сего". Сплошной обман. Люди обнищали и верят всякому, только пообещает что вот завтра разбогатеешь, а сегодня денежки закопай. Ну как в сказке про Буратино. Вадимова жена сама с дуру ума подалась в какую-то "крупную международную торговую кампанию", сертификат какой-то дурацкий, за пятьсот "баксов" купила у них. Теперь вот банок каких-то понадавали и бегает с ними — свою сеть создает. Бред, полный бред. Баба то вроде не глупая была. Учителем в школе, а тут с этими аферистами связалась. Теперь очки набирает, и что она такая одна что ли? И его ведь туда же хотела затащить. Побыл на их собрании. Это дурдом. Он хоть и простой мужик, кроме "баранки" ничего не знает, да и то насквозь тех аферистов видит. А эти? Вроде все учителя да врачи вчерашние, а тут как ослепли. Те им лапшу на уши вешают, а они только и подставляют их. Тут то хоть какая-то реальная работа и деньги, правда как их домой перевести? Это у всех такой вопрос.

Слушая исповедь Вадима Вовка приходил в полное отчаяние: "Да неужели за год люди ничего не поняли. Неужели даже война никого ничему не научила. Нет. И не научит. Пока по ним самим не шарахнешь. Все по прежнему царство жуликов и мошенников. Здесь проще наверное выжить, чем там. Здесь хоть и жестоко, но более честно. Но и здесь я уже не могу больше. В конце концов жизнь в условиях каменного века, с оружием XX — го это тоже не жизнь. Да и признаюсь сам себе, я же и по бабам изголодался, да и просто по нормальной пище, по книгам, чистоте. Вши, они достали. Блага цивилизации они так много значат. Просто я уже устал жить в коллективе. Мне хочется, жаждется уединения. Как бы там ни было придется возвращаться. Да и так на меня уже косо смотрят командиры, слух наполовину пропал и голова

продолжает звенеть. У скольких уже крыши съезжали и за меньшее время. Как бы там ни было — здесь не проживешь всю жизнь, а значит надо готовиться к той и жить придется там. Как это не страшно".

Все эти мысли шли в Вовкиной голове когда он на БМП разведгруппы ехал по узкой лесной дороге. Деревья буквально аркой нависали над колонной. Бригада возвращалась в лагерь. Где-то позади со своим батальоном ехал и Вадим.

— Рассесться по обе стороны, и одиночными по "зеленке" — скомандовал Удалов.

Команда была с превеликой радостью и усердием выполнена. Некоторые энтузиасты в порыве служебного рвения, выпустили по "рожку", и не только одиночными. На полной скорости три "бешки" разведчиков проскочили опасное место. Пехота неторопливо на "броне" двигалась за ними.

БАБАХ!!! Позади раздался взрыв. Первое БМП, шедшее за разведкой остановилось. Его передняя часть представляла ужасающее зрелище. Крышка, в просторечье называемая "ребристая" была сорвана и валялась перед машиной. На месте водителя валялись окровавленные куски мяса и ужасающе четко, словно скульптура на постаменте стояла оторванная голова. Пехота спешилась и открыла огонь по "зеленке" в обе стороны. Но безрезультатно. "Чехи" поставив радиоуправляемую мину уже давно скрылись в "зеленке". Только сейчас до Вовки дошло, что за рычагами подорвавшейся машины сидел Вадим и его голова стояла как памятник на броне.

Однако сантименты в сторону. Мертвыми займутся другие. Разведка еще сутки сидела в засаде, карауля саперов-боевиков. Но тоже безрезультатно.

* * *

Агеевы Саша с Игорем сидели дома рассуждая, как же развлечься в такой благодатный весенний денек. Денег было совсем мало. Хотелось снять девушек, но на них не хватало.

— Эх, Вовка приедет, у него "бабки" будут. — Мечтательно протянул Саша. — Скорей бы уж.

— Погоди, его же убили? — Удивился Игорь, — ты же сам говорил.

— Ну, убили так убили, — философски заметил Саша, — а баб надо снять.

— На какие шиши? В то что ты капитан ФСК уже первоклассники не поверят, а ты хочешь бабу этим закадрить? —

Зло ответил Игорь, которого достали рисовки младшенького.

— Ну тогда не знаю.

— Придумал! — Радостно отозвался старший, — мы сейчас в сквер пойдем и какой ни будь дурочке денег наобещаем, да кинем потом.

На том и порешив молодые раздолбаи отправились в сквер, где собиралось много народа. Чтобы читатель не удивлялся реальности их плана, напомню, что в то время в провинции тысячи людей сидели без работы. Те кто находил ее, получали копейки и то нерегулярно. В порядке вещей было задержать, не выдать зарплату, обсчитать. Много одиноких женщин и мужчин метались между отчаянием и надеждой. Согласные на любой источник дохода. Толпы несли последние сбережения во всякие "Гербалайфы" и им подобные "международные фирмы", где за приобретение сертификата им обещали небывалые заработки. Пока до них это доходило? У женщин (да простят меня дочери Евы) с логикой вообще туговато, они чаще всего и верили проходимцам всех мастей.

Итак минут через пять на скамеечке парка они увидели одиноко сидящую женщину лет двадцати пяти. Она отсутствующим взглядом смотрела прямо перед собой. Видно было что ей не терпится поделиться наболевшим.

— Девушка можно к Вам, — максимально любезно произнес Игорь. — Вижу Вам одиноко, мне тоже. А это мой брат. — В сторону Саши.

— Не беспокойтесь, я человек серьезный, — залезая в карман за "корочкой" серьезно сказал Саша. — Капитан ФСК Мугеев, неделю как из Чечни.

В глазах женщины вспыхнул неподдельный интерес.

— Александр, Вы, Вы правда оттуда? — голос ее задрожал. — Вы понимаете, месяц назад мой муж туда уехал.

— В какой части, должность, звание, — официальным тоном произнес Саша.

— Да, я сама не знаю, — голос женщины задрожал, — ну как это называется добровольцем, или по найму. Я не знаю, Вы человек военный наверное лучше в этом разбираетесь. Он водителем был. Я не знаю.

— Так, разберемся, — уверенно, войдя в роль вещал Агеев младший, запишем данные и выясним.

— Да, да, спасибо Вам. У Вас есть на чем записать, я телефон Вам свой оставлю.

Братья радостно переглянулись. Самое — то. Лучше и не придумаешь. Наверняка бедна, и муж неизвестно где. Что лучше-то. Веревки вей.

Закупив пару бутылок водки они с девушкой отправились домой. По дороге ее как прорвало. Она рассказывала долго о своих несчастьях, сводившихся как у большинства к одному — безработица, одна с ребенком, денег больше вообще нет. На любую работу согласна, а где взять? Со школы, где преподавала литературу сократили. Сейчас в сетевом маркетинге, вот вот должен доход быть, уже баллов много набрала, кампания серьезная, но пока что-то с продвижением товара застопорилось, но скоро все будет хорошо. Вот только уже месяц в долг живет. Муж вот "крутую тачку" "подрезал", да нет не сильно. Расплатились. Вот только муж запил после этого. Ему бы к ней, в сетевой маркетинг, вдвоем можно больше товара продвинуть, а он в Чечню. И вот месяц ни писем, ни денег.

Слушая ее болтовню, Агеевы пришли в полный восторг. Придя домой Саша, деловито записав данные мужа, звонил куда-то, разговаривая с каким-то генералом (как понял читатель, на другом конце никого не было). А Игорь просто предложил:

— Заработать хочешь? Даю сто тысяч (в то время месячная зарплата сторожа, дворника).

— Но, я не пойму, — замялась женщина.

— Да все ты понимаешь, деньги за так никто не платит, плюс мужа мой брат устроит, где ни будь при штабе служить, еще и денег тебе переведут с части, да и у меня связи. Тебе хорошую работенку подыщем, штук так на семьсот для начала. — С этими словами телефон взял Игорь и так же делал вид интенсивных "бизнес-переговоров".

От выпитого и всех обещаний, у вчерашней учительницы, а ныне труженицы "крупной международной торговой кампании" голова пошла кругом. "Да что я одна такая — думала она, — что мораль, а вот реально и все будет и парни вроде серьезные".

Через несколько минут, выпив для храбрости бывшая учительница снимала одежду.

Из свойственного мне как автору целомудрия, и не желания составлять конкуренцию порнобизнесу, я не стану утомлять читателя описанием половых извращений, коим они с ней предавались. Порнофильмы были их любимым зрелищем, а недостатком фантазии, они не страдали. А еще недавно, в минуты просветления Игорь прочел маркиза де Сада, который и стал для него руководством к действию. А о Сашиных пристрастиях я уже поминал в первых главах.

Истерзанная морально и физически Алена (а так звали женщину), долго отмываясь в ванной, после Сашиных изысков, с нетерпением ждала пробуждения "благодетелей". Все происшедшее было для нее кошмаром, все болело не только

душа, но и тело. "Но ладно "Цель оправдывает средства". Можно все претерпеть. Но вот скоро, уже сегодня ей будет на что купить хорошей еды дочери, что-то из одежды. А главное, работа, и с мужем будет все в порядке", — только этим Алена оправдывала и успокаивала себя.

Проснувшись, Игорь первым делом притянул Алену к себе.

— Игорь, а вчерашний разговор? — робко отстранилась от него Аленка.

— Потом, чуть позже, еще рано.

И все возобновилось. Спустя несколько часов Алена настойчивей вернулась к вчерашнему "деловому предложению".

— Ну, хотя бы денег, ну хоть немного, хоть ребенку что ни будь купить. — еще надеясь на порядочность любителей "клубнички" умоляла она.

— Слушай, пошла отсюда! — рявкнул разозленный Игорь, которому порядком насточертела эта идеалистка. — Вон пошла, проститутка хренова.

— Ну хоть с мужем то что? — поняв что все рушится, но еще на что-то надеясь продолжала упрашивать Алена.

И тут взгляд ее упал на раскрытое удостоверение. "Товаровед фирмы "Рога&Копыта" Агеев Александр". Все, мир рухнул для Алены. Слезы полились из глаз. Мечта, надежда рухнула. Осталось только опустошение и физическая боль после тех штучек, что проделывали с ней, и на которые она, как последняя дура и проститутка, согласилась, в надежде за все боли и унижения, наконец, вылезти из безысходной жизни, что жила она последний год. Не будет ничего. Трясущимися руками она оделась и вышла из ненавистного дома.

Заявлять в милицию она не пошла. Сама же согласилась. Силком то все мерзости ее никто делать не заставлял. Она же была учитель литературы, а не юрист, а так бы еще и "бабки" сняла. Но она была не прожженной шлюхой, а просто доверчивой бабой выбитой в страшный мир капитализма, где человек человеку волк, а лежачего бьют сильнее всего.

Через неделю Агеев самый старший подкинул своим отпрыскам на расходы по "пол-лимона".

Через неделю Алена узнала, что ее муж погиб.

Еще через неделю Агеева старшего избили в пьяной драке в ночном клубе. Инициатором драки, как обычно был младший брат, который вовремя скрылся, расхлебывал все старшой.

Днем позже Алену насмерть сбила машин. Когда она бредя как сомнамбула, в думах о будущем, с семинара в "крупной международной торговой кампании", где очередной раз вместо денег, прослушала лекцию о пользе распространяемого ею

продукта и пожеланий успеха и процветания на ниве сетевого маркетинга.

В тот же день пьяный Вовка с вещмешком в руке и полными карманами денег сходил с поезда "Москва — М-ск", и горланя: "Враги сожгли родную хату", — направлялся к стоянке такси.

Сам по себе путь до родного города заслуживает отдельной главы, которая и следует ниже.

ГЛАВА 14

По возвращению в бригаду, Вовке, объявил ротный РХБЗ, что пора ему бы и на отпуск писать. В бригаде теперь на раз — два увольняют и отпускают всех желающих. Ну что, написал и Вовка. На другой день и домой. С их роты с ним вместе отбывал в родную часть и Мишка, с каким вместе на винзаводе сидели. Пока до вертолетной площадки добрались, еще трое к ним прибавилось с артиллерии. Те в новом камуфляже были, нарядные. А Вовка с Мишкой как были в старых "афганках", какая-то у их старшины заминка с формой произошла. Наверное, из-за "известных событий". Быстро добрались на "вертушке" в Ханкалу, а там нет транспорта. Ходили как на стоянке такси от одного вертолета к другому. Ну хоть упрись, нигде мест нет. Армейские переполнены, а МВД не берут, приказ, только своих брать. Ну что за черт. И денег нет, а так намекали, десять штук и все "в ажуре". Тушенку хотели продать, а кому, здесь своей завались, здесь же все склады и есть.

По закону подлости, как только ее продали наконец, тут их итак посадили в огромную "корову". На "корове" до Моздока, опять всю Чечню облетели. Где-то приземлялись несколько раз, кого-то сажали, кого-то высаживали. Но, слава Богу, выбрались. К ним еще два офицера и прапор добродушный, ушлый армянин, присоединились — тоже в Россию, тоже домой. Что делать дальше, в Моздоке, Вовка с Мишкой, да и артиллеристы не представляли. Слышали, что "бортом" лететь надо. А где он есть тот борт? Но тут ушлый прапор, что добирался с ними, сразу указал на белеющее в конце взлетной полосы здание:

— Вон там, диспетчерская. Быстрее туда. Надо в посадочный лист вписаться успеть.

В посадочный лист они ухищрениями прапорщика удачно вписались в пять секунд. Наверное, сработала пробивная кавказская натура. "Борт" белоснежный красавец ТУ-134 дожидался их. Но и здесь злоключения путешественников не кончились. Теперь их ждал очередной досмотр. Вместе с ними на площадке, под брюхом самолета стояло человек пятнадцать представителей разных войск и званий. У одного на поясе висел охотничий нож. Он и стал главным объектом претензий досматривающего офицера.

— С ножом нельзя, сдайте его нам. — Спокойным, равнодушным тоном усталого человека, монотонно проговорил проверяющий. — Этот предмет запрещен к вывозу.

— Не сдам, вы его забрать себе хотите, — агрессивно ответил

военный неизвестного звания. — Это я с России еще привез.

— Предъявите документ, тогда и вывозите, — также равнодушно ответил офицер.

— Вам его все равно не видать, — с агрессией ответил парень, однако документов не показал.

— Тогда ломайте его здесь и выбрасывайте, — спокойно продолжил досмотрщик. Видимо он привык и не к таким переделкам здесь на "взлетке".

Вовке импонировало его спокойствие. Ему надоело ждать, парень с ножом раздражал его. А тот, картинно вынув свое холодное оружие из ножен, бросил на бетон и со всей силы ударил каблуком по клинку. Печально звякнув, нож распался на две половинки. "Прощай оружие, — пронеслось в голове Вовки, теперь домой".

Однако и теперь злоключения не кончились, а продолжились. Перед трапом ожидал не совсем приятный сюрприз. Пилоты предъявили, что с каждого пассажира по "сотке", а иначе мест нет. Ждите "транспортник". А когда он будет? Да кто ж его знает. Солдатики наши понятно приуныли. Где же им "сотки" то брать, да и вообще много ли это сейчас? Инфляция знаете ли. Деньги каждый день "прыгают". Ну, все, казалось бы, жди этого "транспортника".

Офицеры, что были с ними полезли в карманы, радуясь что сейчас то наконец улетят. Но теперь неприятности поджидали их.

Если сажать, то всех кто в посадочном листе указан. И деньги, стало быть, со всех. А у вас тут еще пятеро "пассажиров" непроплачены. Что же, пришлось и за контрактников платить.

Полет прошел бесподобно. Обычный пассажирский лайнер, только без стюардесс и пилоты военные. А так, полный комфорт. И салон почти пустой. Где хочешь — там и садись. Наша пятерка ушла в самый хвост. И тут выяснилась приятнейшая вещь, пока все бегали с посадочным листом, один из артиллеристов умудрился купить водки, целую фляжку. На высоте десять тысяч метров прошел незабываемый ленч, где в качестве закуски к Осетинской водке подавалась килька. Потом они закурили, потом на них наорали, потом они уснули в креслах. И тут же проснулись, так как лайнер приземлился на Чкаловском аэродроме под Москвой. Это были те места, где Вовка за десять лет до того служил "срочную". Поэтому роль гида и проводника до Москвы досталась ему. С радостью наши путники узнали, что еще нет и десяти вечера. А значит не все потеряно и сегодня будет Москва. Россия встретила их теплым весенним днем. Завтра Первое мая. Контраст был разителен. Только несколько часов назад они стояли на истоптанной вертолетной площадке

бригады, на "вертушках" пролетали над разрушенными домами и сожженной техникой. Видели раненых и убитых, отправляемых с аэродромов Ханкалы и Северного. И вот — мирная жизнь и цивилизация. Словно машина времени перенесла их из дикого средневековья в наши дни.

Но настоящий шок они испытали, выйдя с аэродрома в поселок. По дороге к станции они только и пялились по сторонам, разглядывая гуляющих людей, по большей части стайки подростков в ярких одеждах, девчонок в мини да и макси и брюках тоже. Все казались им красавицами. На станции, видя, что им еще почти два часа ждать электричку, наши герои стали соображать. О чем читатель уже догадался. Вовка с Мишкой диву дались предприимчивости артиллеристов. Особенно Олега, усатого мужика лет тридцати с лишком. Он уже стоял у ларька и выменивал какие-то банки на водку. Его мешок казался неиссякаемым рогом изобилия. Теперь вожделенный литр распивался прямо из горла на платформе. Но душа требовала чего-то еще. Тут на платформе появились две, как сказать феи, нимфы, прекрасные дамы или как там еще, короче две девушки. Они имели неосторожность пройти мимо в слишком уж опасной близости.

— Девушка в красном дай нам несчастным! — заорал Олег ослиным голосом.

— Много не просим, палок по восемь! — тут же поддержал боевого товарища второй артиллерист Макс.

— Девчонки! Давайте развлечемся! — влился в хор озабоченных Сатиров Вовка. При этом, мерзко высунув язык, продемонстрировал способ развлечения.

Девчонки так и подпрыгнули на месте. Впрочем, дальше таких корявых комплиментов действия не зашли. Поэтому девицы спокойно удалились с брезгливым видом. В душе, однако, радуясь такому хотя и грубоватому, но искреннему проявлению мужского внимания.

Почитательницы дамских романов, читая любовно-эротические сцены с прекрасными рыцарями, вернувшимися с войны, или благородными корсарами с походов, пусть подумают, что их любимцы мало чем отличались от наших героев. Ну оденем их в латы или во что там еще их наряжает воспаленное воображение старых дев, вот Вам и сюжет о всяких Ланцелотах и прочих дамских любимцах. Смелых, красивых и благородных. А что Вы думаете, тогда что войны лучше были? Или люди другие туда ехали? Итак, боясь навлечь на себя гнев феминисток, замолкаю и просто прослеживаю дальше за нашими "рыцарями без страха и упрека".

В электричке прекрасных леди не наблюдалось. Но кто ищет, тот всегда найдет. Олег с Максом удалились на поиски. Третий артиллерист, по имени Денис, жил где-то тут, на ближайшей станции. Когда Мишка с Вовкой пошли провожать его в тамбур, то увидели такую картину.

Над щупленьким, БОМЖеватого вида мужичком горой нависал Макс. Олег придерживал за рукав его спутницу. Тоже не лучшего вида и возраста женщину. Совершенно серьезным голосом, максимально грозно Макс "вел базар" с БОМЖом:

— Э, брат, ты понимаешь, что ты не прав! — При этом подмигнул товарищам, приглашая приколоться его шутке. — Ты "братву" обидел.

— Да, я, — пролепетал мужичек, не понимая, чего вообще от него хотят.

— Ты брат, давай, "крышу" свою сюда подтягивай. Мы тебе "стрелу" забиваем.

В это время электричка остановилась и Денис, быстренько попрощавшись, соскочил на полустанке. Попытались это же сделать и БОМЖи. Что тут началось.

— Ты что брат! — грозно рыкнул Олег, разводя "пальцы веером" в сторону мужичка. — Ты по "понятиям" за базар ответь. Мы значит "стрелу" тебе забиваем, а ты соскочить хочешь? — С этими словами он натянул ему кепку на самые глаза.

Макс с мужика переключился на его спутницу.

— Так, короче, ты в рот возьмешь?

— Да ты меня за кого считаешь? — полупьяным голосом возмутилась женщина.

— Так брат, значит на "счетчик" тебя ставим, за то, что ты "косяк запорол", — это Олег БОМЖу.

— А если я тебе одеколона стакан налью, тогда как? — это Макс соблазнял женщину.

В глазах той загорелся неподдельный интерес. Все ее мысли сводились только, не "кинут" ли ее. Видимо ее спутник, зная о ветрености своей подруги, попытался напомнить ей о женском целомудрии, но тут же был осажен Олегом:

— Ты вообще молчи, а то тебя за так отвафлим.

— Так правда нальешь? — поинтересовалась БОМЖиха у Макса.

Пока Макс ходил к своему необъятному мешку за оплатой секс-услуг, вмешался Его величество случай. Двери открылись на очередном полустанке и пара, пользуясь тем что Олег прикуривал у Мишки поспешно ретировалась. Впрочем, женщина ретировалась не так уж и поспешно, видимо она все-таки не против была поживиться одеколоном, ну вроде я же не виновата,

а что мне оставалось делать. Но мужчине то одеколон не светил, ему же надо "за базар отвечать".

Наконец появилась Первопрестольная. Была уже глубокая ночь, но Московская жизнь не затихала. По крайней мере, в районе вокзала. Сплошной яркой стеной стояли ларьки, павильоны, магазины. Людей толпилось столько, что на Вовкиной малой родине и в час пик не бывает. Теперь узнав расписание, путешественники поняли, что ждать придется утра, а тогда опять же электричкой в часть. Спирты выветривались, а душа жаждала еще подогрева. Теперь стали искать, что же еще продать. Артиллерийские припасы кончились. Максов одеколон решили отложить на самый уж крайний случай. Озарение нашло на Мишку.

— Пацаны! У меня же две лисьих шкурки есть. Я их жене везу. Ну, мы ту что похуже и сдадим. Ей литр — цена.

Вовке вспомнилось, как еще вчера его сотоварищ, клялся и Божился, что эти шкурки, добытые на "боевых" обязательно привезет своей любимой жене. Выходит уже любит в два раза меньше. Не прошло и минуты, как были извлечены шкуры, Мишка вообще разлюбил жену.

— Да пошла она! Обе сдадим, уж наверняка до утра хватит.

Покупателя нашли довольно быстро. Им оказался как ни парадоксально лицо, да и не только лицо, кавказской национальности. Цену он дал просто прекрасную: четыре бутылки отличной водки и четыре шоколадки, плюс пачка сигарет с фильтром. Наши герои думали получить в два раза меньше и без всяких закусок.

Тут и пьянка пошла. На прекрасный пол уже внимания не обращали, впрочем и он на них тоже. Пошел какой-то уж вообще сумбурный разговор. Который прервал подошедший наряд милиции. Они держали за руки кавказца со шкурками. Тот, радостно увидев кампанию, обратился к стражам порядка:

— Вот, у них я и купил. Я же говорю, что не украл.

— Вы, правда, ему шкуры продали? — спросил кампанию сержант.

— Нет, не знаем мы этого человека, ничего ему не продавали, наперебой стали отрекаться пацаны.

— Ах ты б… п….. - с этими словами сержанты завернув руки кавказцу поволокли его куда-то в глубь вокзала. При этом попеременно старались ударить его по почкам.

Однако, ничто не вечно под луной. Выпивка кончилась куда быстрее, чем хотелось бы. И опять русский вопрос: "Что делать?" А что делать-то? Конечно — еще что-нибудь продавать. Достали бушлаты, уж за них точно что-то да дадут. Краше всех оказался

Мишкин. Ну, его и решили первым. И тут опять неожиданность. Мишка проявив неожиданную бдительность обшарил карманы бушлата, полагая, что мог там что-нибудь и забыть. И забыл. И что? Да не поверите. Пачку патронов к ПМ. Уж как они к нему попали он и сам не знал. И ведь все "шмоны" то прошел, вот подика.

— Братва живем! — радостно воскликнул он. — В Москве они по пять "баксов" за штуку идут.

— Да ладно, тут хоть все оптом за пять сдать — подал голос Вова.

— Короче Вов, ты самый грамотный и контуженный тебе и идти. Если что и "отмажешься" — было постановление "братвы".

Да кабы самый трезвый то Вовка ни в жизнь не пошел бы. А тут, как нив чем ни бывало к первому же ларьку. Далее, уже потом Вовка с ужасом вспоминал свои усилия по продвижению товара на рынке. Эх, такие таланты, да в мирное русло. Выглядело все примерно так. Подходил к окошку ларька и говорил:

— Девушка, у меня есть исключительно выгодный для вас товар, по совершенно низкой цене. Пачка патронов к ПМ, всего за литр водки. Согласитесь, выгоднее уже не бывает.

Что самое интересное, его выслушивали. Когда он видел, что торговки сомневаются в правдивости его слов, он тут же на прилавке вскрывал пачку и демонстрировал товар лицом. Чтобы его не обвиняли в мошенничестве. В одном ларьке он даже порывался отстрелять пробный патрон, а пистолет попросить у стоявшего метрах в десяти охранника. И главное, он особо не прятался от покупателей, которые иногда стояли в очереди за его спиной и даже давали высокие оценки его товару. Наконец, в пятом или десятом по счету ларьке, миловидная девушка после недолгого раздумья вручила ему желаемые две бутылки и еще пакетик орехов, как бонус. Вот уж действительно, где пьяный упадет, там черт солому подстелит. Так и с Вовкой. Протрезвев, он понял, в какой опасной близости был от тех мест, куда сам раньше отправлял. Но, пробыв почти год в мире оружия, он невольно перестал воспринимать как дикость его присутствие.

Вернувшись и порадовав "братву" Вовка, как и остальные, пил без толку, без смысла, просто убивал время до электрички. В электричку они вошли держась друг за друга. Олег с Максом сели на одну скамейку и вспомнили про одеколоновый НЗ. И решили, что время пришло. Вовка с Мишкой отсели немного в сторону, не желая мешать закадычным друзьям подкрепляться. А народу прибавилось. В полудреме Вова заметил, как на скамейку, напротив артиллеристов, уже употребивших НЗ имела

неосторожность присесть молодая мать с сыном лет пяти. Видимо вид дремавших в объятиях друг друга военных усыпил ее бдительность. А напрасно. Нет, они не приставали, не домогались. Они просто мирно рухнули, как были, обнявшись, под ноги семейству. И тут же из промежностей обоих обильно полилась известная жидкость. Природная скромность не позволяет мне продолжить детальное живописание их вида. Так они и пролежали друг на друге до станции назначения. Вовка с Мишкой тоже проспали дорогу, правда, сидя на скамейке. Но выглядели тоже не лучше. Тем более, что на песчаного цвета "афганке" это куда заметнее чем на камуфляже.

Итак утром первого мая они были в части. Не буду утомлять читателя подробностями поиска нашими героями ее места расположения. Попыток привести себя в порядок, что привело к совершенно обратному результату. Выяснению, что Мишка вообще человек "левый" в бригаде, а ехал просто за компанию.

Самое главное и неожиданно приятное, им выдали деньги в тот же день, после обеда. Нет, Вы представляете получить деньги Первого мая.

Олег с Максом просушив промежности убыли в неизвестном направлении. Мишка с Вовкой, после той же процедуры — на вокзал. Там распрощались.

Опущу и подробности Вовкиной езды в плацкарте, откуда он падал неоднократно и получил увечий больше чем за всю войну. Одним словом он добрался до дома и сохранил большую часть денег. Хотя и пропил тоже немало.

ГЛАВА 15

И вот Вовка дома. Мать засуетилась, не зная толком что и делать. Растерянность от радости. Она суетливо пыталась то что-то приготовить на кухне, то набрать ванную. То протягивала ему какие-то кушанья. Но пьяному Вовке ничего этого не хотелось. Единственным его желанием сейчас было отмыться и хорошенько посидеть за бутылкой с кем ни будь. Желательно противоположного пола. Совсем уж серьезно в этой мысли он укрепился во время купания.

Но отставший от жизни Вова не учел одну страшную вещь. За время его отсутствия по родному городу прокатилась волна борьбы за нравственность, в связи с предстоящими выборами мэра. И к его ужасу он не обнаружил ни в одной газете, ни единого намека на эскорт услуги. Бедняга не знал, что в эти дни кампания достигла апогея. Просидев около часа над ворохом скупленной местной прессы, он понял, что попал. Даже деньги ему не хотят помогать. Ну что делать то? Он вспомнил про Любу. Нет, пожалуй, не надо. Он выкинул ее из головы уже давно, в надежде, что и она также. Про Наташку он конечно подумал в первую очередь, но памятуя прошлый опыт решил начать все-таки с более легкого пути. Тем более и телефон ее не отвечал. И все так оборачивалось, даже за деньги не найдешь. И нетвердым шагом (не с пустыми руками конечно), он двинулся к Лехе, надеясь что тот как ни будь поможет ему. Тот то помог, да не совсем так, как хотелось бы Вовке. Но об этом речь ниже.

В жизни Алексея к этому моменту произошли некоторые события. После ряда кодировок он бросил пить. Да, именно совсем бросил пить. Женщины стали посещать его куда как меньше, находя скучноватым и занудным. Наташка кстати, тоже пропала от него. Трезвенник хорош только в роли мужа, но никак не любовника. Хотя, написав это, я опять навлек на себя гнев прекрасной половины человечества.

Так вот Леха круто завязал. Теперь он увлекся восточными учениями, причем всеми в подряд. Воскурял благовония и покуривал травку. Но при этом, как ни странно дела его пошли на поправку. Он теперь делал мебель и зарабатывал чуть меньше Вовки в Чечне. Но, как женщины охладели к нему, аналогично и он к ним. Нет, не подумайте что он стал "голубым", просто мысли подобного рода частенько его посещали после того, как в очередной раз просветлившись у него открылся третий глаз. И этот коварный глаз показал, что в следующем перевоплощении, для поправки кармы ему придется побыть женщиной. Доверчивый

Алексей решил заранее к этому подготовиться. Но кому это доверишь? А тут — на ловца и зверь бежит. В окно он увидел, радостно махавшего ему бутылкой Вовку, за которым бежал Барсик, задрав хвост трубой. Впервые за столько лет он выбрался из дома. Тут Алексей вспомнил слова Агеева о страшной кончине товарища и решил еще раз просветлится, и потолковать по душам с третьим глазом. Медитация была прервана сильнейшей трелью звонка. Выйдя, он с некоторой опаской встретил "восставшего из ада", но пустил его, решив продолжить просветление и выяснить все до конца.

Алексей, сразу разъяснив Вове, что он "подшит" и пить ему и вправду нельзя. А гостю предоставил возможность посмотреть "видик" с известными фильмами, а коллекция их у богоискателя была приличная.

— И пей, не стесняйся, а я пока ванную приму, вода то уже налита. Да я быстро. Чувствуй себя как дома.

Впрочем, уговаривать Вову и не надо было. По-хозяйски расположившись с пультом в руках на диване, он уставился на экран, где переплелись голые тела. Ну и водочки себе подливать не забывал.

Из ванной комнаты потянулся сладковатый дымок. Алексей углубился в "Комментарий к пятьдесят седьмому воплощению Кришны в семнадцатой нирване" некоего гуру Джамалунгафарнагаладжара. Взгляд его после третьей затяжки, уткнулся в следующую фразу: "Не мертвый и не живой, с Барсом будет путем для тебя". И тут включился третий глаз. Итак, со слов Агеева Вовка убит, но он здесь, в моей комнате. Пришел он с котом Барсиком. Вон тот пытается на улице изнасиловать кошку. Путь для меня? Вот кто поможет мне познать, каково придется в следующей жизни. А может быть, я пройду это перевоплощение и сегодня, и сразу стану еще совершеннее.

С этими возвышенными мыслями, вновь просветленный, с новым "косяком" в руке вошел в комнату, где ничего не подозревающий "путь к нирване" допивал залпом последний стакан, не отрывая осоловевших глаз от экрана. Он и сам уже был близок к "нирване" от обилия свалившихся впечатлений последних двух дней и употребленного внутрь "горючего". Говорить Вовка был практически не в состоянии, да его особо никто и не спрашивал. А с "косяка" он вообще улетел. Голые тела замельтешили перед глазами, ему показалось, что он сам среди них, по крайней мере, ощущения были такие же, как и в реальности. Какие-то красавицы ласкали его. Одним словом Вовка уснул. Проснувшись через час (сон пьяницы крепок, но краток), он не сообразил сразу, где есть. А где баба, с которой он

прекрасно провел время?

Тут в комнату вошел удрученный Алексей. Он, просветлившись еще, дочитал до конца цитату Джа…..и т. д. а она оказалось оканчивалась так: "будет путем для тебя в бездну". Третий глаз страшно обманул Леху и он решил теперь освоить экстрасенсорику и общаться с космическим разумом.

До Вовки дошло, что же случилось. Но сделанного не воротишь. Он попытался узнать у Лехи как бы Наташку? И вообще, нет ли баб на примете? Леха, обманутый третьим глазом в лучших намерениях, отвечал односложно.

— Не знаю, что она примитивная оболочка. Кусок слабомыслящей материи созданный для регенерации биополя галактики.

"Вот это ни хрена себе, — подумал Вова, — тут и сам сейчас станешь чем-то этаким". Так оно и вышло. Леха произнес монолог, из которого явствовало, что все нереально. И вот Вовки тоже, может и нет, как впрочем, и Чечни и их города.

Нет, более терпеть этот бред не было никакой возможности. Вовка попрощавшись отправился домой. И на пороге подъезда встретил Агеева Игоря.

Тот, несказанно обрадовавшись (ведь Вовка теперь точно при деньгах) стал настойчиво зазывать его в гости. И Вовка пошел, а чего, всего два этажа вверх подняться. Там уже сидел и Сашенька. И его жена. Пьянка продолжилась. Все распустили павлинье хвосты, и Вовка в долгу не остался, тоже еще то оперение выпустил. Игоря, недавно пострадавшего в драке и все время державшегося за живот, украшенный огромным синяком, особо растрогал Вовкин рассказ о ранении ПТУРСом. И нашему герою пришлось на бис рассказывать эту историю.

В общем, все банально до безобразия. Немного скрасило скуку драка Саши с женой. Ну, кто жену не бьет, тот ее не любит. Хотя Саша только бил. Любили ее другие, А били ли то неизвестно.

На следующий день, к обеду его разбудил звонок Игоря Агеева. Зачем пришел — итак ясно. Но Вовка все-таки решил проявить свою мужскую силу по прямому назначению.

— Слушай, Игорек, все будет, хоть ящик водки, бабу только найди, жалобно простонал мучившийся с похмелья Вова. — Ну надо, заплачу, сил нет.

— Вова, да без проблем, бери пузырь, и мы мигом сообразим, — таков был бодрый ответ.

Игорь долго вел телефонные переговоры с некой Валей, живущей на другом конце города. В разговоре Игорь все время оправдывал свое долгое отсутствие тем что "служил по найму".

Вот и Валя. Миловидная, да что там говорить, красивая девушка двадцати лет. Поехали сразу к Вовке. Он преследовал гнусное намерение оставить ее у себя на ночь, а еще лучше — на много ночей. Игоря спровадить к сожалению не удавалось, да и Валя без него ехать не хотела. Ну да ладно. Приехали. Посидели. Игорь постоянно корчился и держался за живот. Валя как-то с Вовкой мало говорила, и о его боевом прошлом ничего не знала. Зато вот Игорь.

— Игорь, ты где был то столько времени? Я тебя все время ждала, а ты пропал.

— Валя, я тебе говорю: служил в армии.

— Да ты же давно уже отслужил?

— А я по найму пошел, вот вчера приехал только. Из Чечни. Скорчившись, Игорь схватился за живот.

Рубаха его при этом задралась, обнажив огромный синяк. Вовке стало смешно и интересно, как складно будет дальше тот врать.

— Ой! Правда? — нежно обнимая Игоря, прошептала Валя. — А это что? указывая на синяк. — Больно? Бедненький мой.

— Это? Это мне в живот попал, Вов, как он называется ПЭ или РЭ?

— ПТУРС — машинально ответил Вовка. Действие напоминало ему спектакль абсурда.

— Во, точно, Валя, это мне ПТУРС в живот попал. Вот сюда. — Он указал на пупок.

Вовка схватился за свой пупок и повалился на пол со смеху. Он на секунду представил, что было бы с тем, кому данный объект попадет в живот.

— Да что ты смеешься, идиот, тебя бы так, — окрысилась Валя на Вовку. — Игорек там такого натерпелся, а ты тут глумишься.

— Слушайте, вы что тут с ума все посходили?! — уже не сдерживал раздражения Вовка, — что за чушь тут мелете? Какой ПТУРС? Какой живот?

— В мой живот, чеченский ПТУРС — невозмутимо отвечал Игорь. — Знаешь Валя как больно было.

— Молчи бедненький, тебе тяжело вспоминать, — закрыла поцелуем его губы Валя. — Пойдем к тебе, я не могу больше находиться рядом с этим циником. Бедный мой герой, пойдем.

Такой цветистый монолог могла произнести только Валя, так как училась в театральном, какие произносились монологи у Игоря и что там были за спектакли пусть читатель сам догадается. Одним словом Вова опять в пролете.

На следующее утро Вовке наконец повезло — к телефону

подошла Наташка. Оказалось, что она замуж вышла, вот и пропала. А сейчас муж в больнице. Решили и встретиться на Вовкиной территории.

Изголодавшийся Вовка в ожидании ее метался по квартире. Это не ушло от внимания матери.

— Вовочка, а чего ты к Любе не сходишь? Она вот интересовалась тобой. Женщина вроде хорошая?

— Мама! Да она тебе в ровесницы годится, а ты меня тут сватаешь! Отрезал Вовка. — Вообще мам, у меня тут свидание намечается, ты уж пожалуйста в комнату без нужды не стучись.

— А, опять за старое! — стала бурчать мать, но Вовка уже бежал открывать дверь на ходу пристегивая к рубахе медаль, чтобы показаться во всем блеске.

Выглядела Наташка "супер". Не обращая внимания на злобные взгляды со стороны матери, он сразу повел ее в комнату. Пошел как обычно разговор за жизнь. Хотя Вовка максимально старался ускорить события и перейти к апофеозу. А переход должен был быть неминуем.

— Да вот муж в больницу слег, — горестно сетовала Наташка, передозировка. Сейчас вот хочу передачку ему отнести. А знаешь, и не знаю даже чего и взять.

— Ну и ни хрена! — поразился Вовка. — Что же за муж такой, что так набузовался? Где ты нашла его?

— Да нет, Вова он хороший. Это просто так вот произошло у него. А тут еще в ларьке, где работаю недостача. Даже не знаю, что и делать? — При этом платье ее соблазнительно поднималось все выше и выше, давая понять Вовке, кто может выручить ее.

— Да не проблема, не вопрос Наташа. — Вовка радостно полез в тумбочку, служившую его казной. — На пока, немного, ну чтобы выкрутиться первое время.

С этими словами он протянул ей несколько купюр, составлявших ее полуторамесячный заработок в ларьке. Призывно глядя на него, она положила деньги в сумочку. А Вовка обняв, потянул ее к кровати. Наташка не строила, как обычно оскорбленную невинность. И вот в момент, когда, как пишут сочинители многочисленных "дамских романов", их одежда была разбросана в беспорядке по полу, а ее соски затвердели, его губы, слились с ее, а его копье, готовое пронзить, ну и так далее, о чем мое целомудрие не позволяет много говорить, раздался громкий стук в дверь. Нет, даже не стук, а грохот. И пронзительные крики, кого бы Вы думали — Любы.

— Вовка, ты с кем там! Ты что про меня забыл!? — Барабаня кулаком со всей дури в дверь кричала она.

— Он там с проституткой какой-то — в унисон ей вторила

Вовкина мать. Притащил какую-то шлюху и черти чем там с ней занимаются. Напились и вот.

— Открывай, не то дверь вышибу, — голос Любы был явно нетрезв. — Я этой шлюхе волосы повыдираю.

— Люба, я как увидела, кого он привел, так тебе и позвонила. Меня то он не слушает. А всякую заразу в дом тащит. — Чуть слышно растолковывала случившееся Любе Вовина мать.

Когда слабая задвижка поддалась мощным Любиным ударам (а женщина она была не маленькая), то бедная Наташка металась думая что же надеть в первую очередь платье или колготки. А Вовка предстал перед разъяренной фурией в одном покрывале и пытался прикрыть девушку своим телом.

Решив, что колготки и прочее можно забрать и после, Наташка в одном платье (не забыв, однако сумочку с деньгами) со всех ног выскочила из квартиры, превратившейся в арену нового локального конфликта.

А конфликт развивался также как и чеченский. Сначала сильнейший удар активное сопротивление — переговоры — шаткий мир. В момент позорного бегства Вовкиной несостоявшейся любовницы, конфликт перешел в стадию Хасав-Юрта. Поцарапанный, но непокоренный Вовка сидел на кровати рядом с нарушившей его суверенитет стороной, у которой начинала распухать скула. Пытаясь одеть рубашку, он случайно крепко задел ее локтем.

— Вова, ну почему ты такой свинья? — пытаясь обнять шарахающегося от нее бывшего любовника, щебетала Люба. — Я тебя так ждала. А ты?

— Ну, Люб, бес попутал. — Первое что пришло в голову, брякнул Вова. Сейчас он готов был подписать любые условия, лишь бы ему дали время на передышку. А там уж выкрутиться.

— Вова, я понимаю, война и все такое, но надо же и человеком быть.

— Да, да, Люба, виноват, — одеваясь, говорил Вовка. — Ты знаешь, мне тут надо в военную комендатуру съездить. Я одна нога тут, другая там. Хорошо?

— Нет, Вова, хватит, завтра съездишь.

— Но, я же военный, у меня долг, присяга — сел на верный конек наш незадачливый любовник.

— Брось, ты, что совсем забыл, что я в военкомате работаю. Все уладим. — Безапелляционно произнесла Люба. — А сегодня останемся вместе.

Не буду утомлять читателя описанием тем, что было тем днем и ночью. Скажу лишь одно, Вовка чувствовал себя так, как человек, которому дали пригубить прекрасного вина и тут же

поменяли бокал на стакан самогона. Но слава Богу, с утра Люба ушла на работу, но обещала вернуться. А Вовка посвятил день покупкам. Не буду утомлять читателя прас-листом, но денег заметно поубавилось, правда и Вовкино жилье приобрело цивилизованный вид. А вместе с этим немного сбросивший пар его обитатель стал задумываться о будущем. Служить дальше, откровенно говоря, не особо хотелось. Тем более по телевизору, что он приобрел, постоянно только о твердили об окончании войны, мирных переговорах и прочем. Близились перевыборы первого президента независимой от ума России.

Засев за телефон он стал обзванивать знакомых по факультету. Однако, отделываясь вежливыми словами, все ссылались на дела и закругляли беседу. Помощь в Вовкином трудоустройстве (даже за вознаграждение) все до единого отрицали, говоря, что и сами то с хлеба на воду перебиваются. И что вообще с этим тяжело. Короче тут выходил "голый Вася".

Но Вовка уже не был так пессимистичен, как перед отъездом. Деньги вселяли определенную уверенность в себе. А тут еще к его великой радости один из сокурсников подкинул все-таки телефончик полулегальной секс-конторы. И теперь Вовка набирал заветный номер.

После довольно длинных и осторожных переговоров, перезваниваний, они наконец пришли к соглашению. И через час его должна была посетить "очаровательная массажистка", которая будет в его распоряжении три часа (для начала, как он решил). Дабы не портить впечатления Вова не распечатывал приготовленную бутылку. А что бы не скучать смотрел неприличный фильм на только что приобретенном видеомагнитофоне. Сегодня ему ничего не грозило. Мать ушла к подругам и возможно очень надолго. А Люба полагала, что он в поисках будущей работы. Все складывалось как нельзя лучше.

И вот наступил назначенный час. Нетерпение его превосходило все пределы. Он стоял в прихожей и прислушивался к движению лифта и звуку открываемых дверей, шагам в подъезде. Так он простоял минут тридцать.

Поняв это, Вовка подскочил к телефону и вновь набрал тот же номер. Теперь отвечал уже другой женский голос, который и довел до его сведения, что девушка его найти не смогла.

— Да как так!? — возмущенно кричал в трубку Вовка. — Вы же десять раз мне перезванивали, то телефон, то адрес уточняли. Я же все по полочкам разложил. Сам встретить предлагал. Могла бы и перезвонить. Где она есть, дай ей трубку, я еще раз все объясню.

— Мужчина, — эротично произнес голос на том конце, —

ничем не могу помочь, ни ее, ни других девушек у нас сейчас нет.

— Слушай, тогда командира Вашего позови. Давай вопрос решим, ну надо, еще доплачу.

— Командира тоже нет. Перезвоните мужчина через час.

Свет померк в глазах "мужчины". Да что же это творится? Да за что я кровь проливал. И с этой мыслью он налил от души стакан и засадил его. Все внутри обожгло, и через мгновение жизнь уже казалась лучше. Так наедине с бутылкой он и провел этот час.

Через час, изрядно под хмелем он опять пытался дозвониться. Теперь трубку взяла та же девушка, с которой он разговаривал первый раз. Теперь Вова узнал уже совсем фантастическую новость — оказывается, девушка уже побывала у него.

— Может вы скажете, что она и деньги от меня получила? — Не веря ушам своим, пробормотал Вова, рассматривая приготовленный гонорар.

— Да, и деньги Вы ей заплатили, все как положено, осталась вполне довольна Вами — уверенно утверждал голос из трубки.

— Да вы что, с ума посходили?! — уже перешел на крик "мужчина". Ладно, если вполне довольна, то пусть еще на три часа приезжает. Хорошо.

— Нет, мужчина, сейчас к сожалению к Вам никто приехать не сможет. Девушки будут вечером, в семь часов. Можете на это время заказать.

Поглядев на часы и увидев, что их стрелки только перевалили за полдень, Вова пришел в отчаяние. Это был полный "звиздец". Но решил идти до конца. Черт возьми, чем-то это должно закончится или нет.

— Слушайте, давайте я сам к вашей блядской конторе подъеду и там заберу, а то у ваших девушек что-то с ориентацией, опять не найдут. Жалобно попросил Вовка.

— С ориентацией у наших девушек все нормально, — обиженно ответил голос, это может у Вас что-то не так.

При этих словах Вова вспомнил "просветленного" и покраснел до корней волос.

— А подъехать можете. Будьте в семь часов на входе в гостиницу "Луч", там к Вам подойдет высокая брюнетка в брюках. — Перешел к деловому разговору голос.

— А как меня узнает — спросил Вовка.

— А вы себя опишите.

Далее пошел уже разговор о взаимном опознании, после чего Вовка взяв деньги, поехал прошвырнуться по городу, чтобы убить время.

Ровно в 19.00. уже изрядно пьяненький Вова украшал собой

вход в гостиницу "Луч". Тут надо заметить, что указанная гостиница не была каким-то отелем "Хилтон". Скорее наоборот. Поэтому на крыльце данного заведения никто, кроме подпиравшего колонну Вовки не находился. Улица вокруг тоже была практически пуста. Не то что высоких, но и низких брюнеток, равно как и блондинок в зоне видимости не было.

В 19.15. тоже никого не было. На секунду заглянув в гостиничный бар, Вовка уже в чуть более веселом настроении заступил на наблюдательный пост. Вокруг ничего не изменилось.

В 19.30. после очередной отлучки в бар, на улице, наконец, появились люди заинтересовавшиеся Вовкой. Это был шедший по улице наряд милиции. Они то, вместо высокой брюнетки и подошли к нему и повели, покорно предавшегося в руки Закона нашего героя в отдел. А Вовке было все равно, он не сопротивлялся, а просто брел, опустив голову.

* * *

Низкий потолок нависал над глазами. Где-то позади светила тусклая лампочка. Окон видно не было. Грубые стены. Грубый топчан отдавил спину. Голое тело испытывало холодное прикосновение дерматина. Где-то за стеной слышались шаги.

Вовка с ужасом глядел в потолок. "Боже мой, — проносились в голове мысли, — попал. Но, как и когда они меня взяли? Может "вертушку" сбили и тогда? Ну надо же, лететь домой и попасть в плен. Уже и раздели гады. Ну как же так? Так глупо. Ясно, что уже не жилец, раз контрактник. Лучше бы разбился насмерть. Теперь будут глумиться. Может сразу убьют. Нет, если бы сразу, то сюда бы не тащили. О Боже!!! Сволочи!!! Гады!!! Козлы!!!"

— Да, козлы менты, гады забрали не за что!!! — Раздались голоса вокруг.

Тут Вовка внимательнее огляделся и увидел человек семь таких же голых мужиков вокруг, которые на разный лад проклинали и поносили сотрудников правоохранительных органов.

— Мужики, а где мы? — с надеждой в голосе спросил Вовка.

— Да в Ленинском "трезвляке", браток, — ответили голоса. — Самый поганый во всем городе.

— В Ленинском? В трезвляке? — с радостью и окрепшей надеждой переспросил Вова.

— Да, а ты думал что, в сказку попал?

— Мужики!!! Да это же трезвляк!!! — не скрывая радости заорал Вовка и спрыгнув с топчана пустился в пляс. — Урааа!!!

— Эй, голос твой я где-то слышал, — услышал Вовка откуда-то из недр камеры. — Вовка ты что ли?

— Я, а ты кто? — Вовка старался понять, кто же его невидимый собеседник.

— Женька я, — отозвался тот. — Мы с тобой под Курчалоем были.

Боевые товарищи радостно обнялись. Ну обычные в этом случае вопросы за жизнь.

Оказалось, что Женька сразу после Курчалоя уволился. Деньги, понятно, уже просадил. Живет также в "общаге", не работает. Грустно и печально.

Вовка про свое рассказал. Тут и решили: "А чего сидеть до утра? Деньги то у Вовки должны быть, вот и выкупиться ночью. Не все ли равно ментам, когда штраф получить, ночью или утром".

Переговоры прошли успешно для Вовки. Никакого компромата, кроме пьяного вида на него не было, минимальный штраф и все. А вот с Женькой похуже — мелкое хулиганство. Подрался с кем-то. Тут штраф побольше.

К Вовкиному приятному удивлению, все, или почти все деньги были целы, так что на все хватало и еще оставалось. И вообще вытрезвитель оказался не таким уж мрачным, как говорили обитатели камеры. Обращались с Вовкой достаточно корректно для его положения. После выполнения формальностей, типа "объяснения нарушителя", которое Вова как юрист сформулировал лаконично: " Я выпил полбутылки пива". Ему даже предложили на выбор или платит штраф здесь и уходит, а при желании ночует в отдельной камере, либо, деньги ему возвращают и как военного передают в комендатуру.

В комендатуру не хотелось и через несколько минут Вова с Женьком уже ехали на такси домой.

Уже утром, когда Вовка проводил товарища, ссудив его деньгами, он впал в уныние. До чего жалко тот выглядел. Ну чистый БОМЖ. А ведь раньше он знал его совсем не таким.

Неужели все они неприспособленны к этой жизни. Как бы это получше выразиться, экономически вымирающий тип, наверное. Нет, можно конечно сказать, что Женька дурак и пьянь. Да так оно и есть. Но ведь видел же его не таким. Толковым, смелым солдатом, отнюдь неглупым. А теперь что? БОМЖ, не хуже чем тот в электричке. И оттуда он уволился. И там Женьке плохо. А что? Кому там то хорошо было? Там даже генералу не мед. Как его осуждать. Тут сам не знаешь, что дальше делать. Служить или нет? Там тяжело, тут подло. Да где же выход.

Замучив сам себя горькими вопросами самокопания, Вовка

плюнул на все и решил все-таки завершить начатое вчера.

Теперь разговор пошел успешнее. Наконец часа через три его посетила молоденькая девушка, с которой он действительно прекрасно провел время. И плевать ему было, что там ни говорили о недостатках "продажной любви". Он их не нашел.

ГЛАВА 16

Прошло два месяца. Отпуск кончился. Провел его Вовка так же бестолково, как и подавляющее большинство сослуживцев. Чечня осталась в нереальном мире. Четвертое измерение. Нет, ночами ему часто снились те дни, особенно летящий в лицо снаряд. Пугала тишина. Сейчас он заметил, как все-таки здесь тихо. Нет канонады, нет выстрелов. Несколько раз было, когда он падал под кровать, от хлопков раздававшихся на улице. Особенно достали его вошедшие тогда в моду петарды, которые продавались в каждом ларьке и разбрасывались на улице агрессивными подростками.

Вовка не хотел возвращаться обратно. Ну не верилось ему, что жизнь снова выкинет его за борт. Тем более, видя красивую витрину, крайне не хотелось возвращаться снова в окопную грязь и блиндажную вонь. Да и зачем? Всех денег не заработаешь. Идея? Долг? Присяга? Да полно Вам, какая идея, "Бери от жизни все!" — вот идея. Долг — это сколько ты или тебе денег должны. В данном случае должен был не он, а Родина, ему еще жалование не все выдали. Присяга — ну это уж вообще смешно. Об этом и вслух говорить неприлично. А раз так, то почему не брать, раз тебе еще и дают.

Да и так, судя по теле-новостям, всенародно переизбранный Первоалкоголик, на БТР подписал мир. Войска выводятся. Служба в гарнизоне со всеми прелестями УСТАВА, совсем не прельщала. Чего оставаться то?

С работой правда полная неясность, но вроде есть объявления "Требуются". В конце концов, это дело не одного дня. Да и выглядел Вовка значительно лучше и увереннее в себе, чем до отъезда. Ему казалось, что теперь он горы своротит. И личная жизнь вроде наладилась. Появилась подруга, вроде постоянная.

Вот с такими мыслями он стоял на вокзале, ожидая поезда к месту службы. Добрался он без особых приключений, если не считать домогательств к попутчице по купе. Но на вокзале в Москве, стоя в ожидании электрички, он увидел БРАТВУ, которая, так же как и он два месяца назад возвращалась из Чечни в часть за деньгами. Ноги сами понесли его к ним. Нет, он не знал этих ребят, но по форме, растерянно-удивленному виду он понял, что это за публика.

Братва была большая, человек пятнадцать. Они долго и недоверчиво приглядывались к Вовке, но наконец барьер рухнул. Хмельные все сели в электричку. В вагоне стоял обычный гвалт большой мужской кампании. Вовка как разум потерял. В

мгновенье ока он решил, что не поедет домой. Только туда, к братве. К черту все. Какая работа? Какая семья? Подобно Тарасу Бульбе он готов был бить горшки — черепки, да вот только под рукой их не было. В часть он входил уже в душе не гражданским человеком, а снова "солдатом удачи".

Казарма гудела. Народу было человек сто. Все ждали денег. Многие, только приехали с Чечни, многие, как и Вовка с "гражданки". Перегарный тяжелый дух стоял в ней. Люди то прибывали, то убывали, получив жалование, а его давали частями, по непонятной схеме. Жизнь бурлила и кипела. За несколько дней до того одному контрактнику табуреткой проломили голову насмерть. Велось следствие и человек десять потенциальных подозреваемых не отпускали домой, не выдавая жалования. Это удерживало их сильнее тюремных стен.

Шлялись какие-то вообще гражданские местные жители. Однажды дошло до абсурда. Вместе с пятью контрактниками учинившими дебош, на "губу" попал и местный житель, так за компанию. И просидел там все пять суток, что им выписали. Чудеса в решете. Бригада выводилась и отправлять обратно никого особо не собирались. Там же формировались команды для отправки на службу в совместные комендатуры. Но туда брали только не воевавших, с гражданки. Да и никто из сослуживцев туда не рвался. Можно было остаться служить в самой бригаде, здесь, но это тоже мало кого прельщало. Вовку уж точно нет.

На пятый день пребывания он к своему удивлению увидел на плацу, где стоились солдаты части Вадима, водителя "Урала", того наркомана, что с алиментами. Вот так встреча. Он оказывается, тут служит. Вчера первый день на службу вышел. А до этого в госпитале лежал.

— Что ранили?

— Да нет. Избили. Приехал деньги получил: пятнадцать "мультов". Купил музыкальный центр, помнишь, какой я мечтал. Здесь, на рынке взял. Тут баба ко мне подходит, мол, не хочешь выпить у меня, переночевать.

— Баба то хоть, ничего? — поинтересовался Вовка.

— Да какой там ничего. Ты Виктора Цоя помнишь?

— Ну да, — не понимая к чему тот клонит, согласился Вовка.

— Так вот тот же Цой, только в женском облике. А фигура, как колобок.

— Да на кой же она тебе?

— Вова, да не в том дело, ты не перебивай, я итак плохо соображаю, а ты еще глупости спрашиваешь. Ты слушай дальше. Так вот пришел я к ней. У нее хата прямо за рынком, на первом этаже. Она и мать вдвоем. Две комнаты. Ну выпили, закусили.

Мать ушла, мы вдвоем. Напился я Вова конкретно, даже не помню, было чего с ней или нет. Но не в этом дело. Проснулся. Она и мать обе дома. А музыкального центра моего нет. Я его не распаковывал даже. И денег ноль. Вообще полный ноль. Я им: где мол все. А они представляешь, вот смотрят на меня и друг на друга все валят. Мать на дочь — она видишь воровка. А дочь на мать, я с ним была, как я могла украсть, а вот ты "психическая", уже не раз попадалась. — После этого Вадик замолчал, мучительно взявшись за голову.

— Вадик, так что потом-то. В милицию ходил, или так морду им не начистил. Это же куда годится.

— Вова, ну что я поделать мог. Я же не бандит, чтобы их раком поставить. Силенок то у меня тоже не густо. Так и ушел. Попытался голос повысить, так они крик подняли, всех соседей созвали, мол к старухе одинокой с дочерью пристает. Ну что я мог. Ушел. Сто "штук" нашел в кармашке на поясе. Как чувствовал — отложил. А так даже мелочь выгребли. Ну и напился на последние. Где-то шлялся, где как избили, не помню. Как в трансе был. Может даже и не избили, а сам где свалился или машина сбила.

— А теперь то что?

— Да вот, остался здесь служить. Все одно, куда ехать? Дома алименты ждут. Тут я хоть с ними расплачусь. Да я тут такой не один. Еще бедолаги есть. Один даже тоже через ту хату прошел. А хватит об этом Вова, пошли лучше выпить сходим к одному корешку. Он тут рядом живет. У меня все равно на сегодня все. Развод прошел. Сейчас по домам. Ну что?

— Да пошли Вадик, — печально ответил Вовка. Ему не по себе стало от истории товарища.

Корешок жил в квартале двухэтажных трущоб недалеко от части. Войдя в квартиру, первым делом Вовка увидел обрюзгшего, заросшего щетиной мужика, в камуфляжных брюках и грязной тельняшке. В комнате стоял страшный беспорядок и грязь. Повсюду были разбросаны пустые бутылки и грязная посуда.

— Олег привет! — Обратился к мужику Вадик, — познакомься это Вовка, тоже с нами служил.

— Здорово! — Буркнул Олег и, глядя на Вовку, — а тебя я знаю. Мы с тобой вместе возвращались.

Тут Вова узнал в спившемся мужике того самого артиллериста, который "разводил по понятиям" БОМЖа в электричке.

— Привет Олег, — поздоровался Вовка, — а ты давно приехал?

— А я и не уезжал, как тогда с тобой приехали сюда, так я и

здесь.

"Вот те на! — подумалось Вовке, — и что он тут делал все это время? Он ведь как помню, не отсюда вовсе был".

— Ладно Олег, — захватил инициативу Вадим, — выпить сообразим?

— А чего не сообразить, сейчас Галку спрошу. — И в глубь квартиры Галя, поди сюда, ко мне кореша зашли. Сообразим?

На зов, из глубины комнаты выплыла неряшливая, спившаяся женщина лет шестидесяти, не меньше. Она подсела к Олегу на полуразваленный диван и нежно обняла его.

— Знакомьтесь братва, моя жена: Галина, — представил Олег женщину.

— Гражданская жена, — поспешила поскромничать Галя. — Я еще подумаю, расписываться ли с тобой, — кокетливо добавила она.

У Вовки потихонечку стали глаза вылезать из орбит, как у того краба из анекдота о совокуплении кита и камбалы. Из скромности не стану цитировать его полностью. "Да что все с ума посходили", — только и думал он.

— Олег, а на что покупать? — Спросила Галя. — Мы вчера мою пенсию всю пропили, а у сына только через неделю может получка будет.

— На, "военник" мой заложи, — протянул ей красную книжечку Олег.

Поохав и поахав, Галина все-таки отправилась к соседям и скоро вернулась с двухлитровой пластиковой емкостью мутной жидкости. И пьянка началась. Как обычно разговор плавно перетек о планах на будущее. Здесь Олега и прорвало:

— Галя, мужики, все, завтра в Чечню обратно поеду! Не могу я здесь! Не могу!!!

— Олеженька! Да что ты надумал? — запричитала Галя, — с ума сошел? Да тебя там убьют.

— Да пошла ты! — Крикнул Олег. — Все, завтра же в часть иду. Пускай отправляют обратно к чертовой матери.

— Олег, — продолжала Галя, — да брось ты. Живи тут, распишемся вот. Заживем. Чем тебе тут плохо?

Ответа она не дождалась, так как Олег погрузился в пьяную нирвану. Наверное, в своих снах он видел все что угодно, только не сегодняшнюю убогую жизнь. Пробуждение вряд ли принесет ему радость, только головную и душевную боль. Не в силах находиться более в этом гадюшнике Вовка не прощаясь, удалился тихо по английски. Неверные ноги едва несли его и желая сократить путь, он решил махнуть прямо через забор части.

С первой и второй попытки это сделать не удалось. Во время

третьей попытки он был снят патрулем с забора. Майор — старший патруля, узнав о цели одетого в "гражданку" человека одобрил его благое намерение и сказал своим бойцам — срочникам:

— Вот видите, Вы от Чечни "косите" а человек туда, даже через забор лезет.

После чего приказал подчиненным подсадить славного патриота, чтобы он вновь не сорвался.

Утром было всеобщее построение. Выгоняли всех и трезвых и пьяных. И военных и штатских. Перед строем стоял целый и настоящий полковник, два подполковника, не считая более мелких чинов. Рядом с полковником стоял грязный мужик лет сорока с помятым лицом и тоскливым взором, одетый в поношенную и затертую танковую форму.

— Ну, расскажи всем, — обратился к мужику полковник, — как ты провел вчерашний день.

— Вчера утром я прибыл в часть из Чеченской республики, — печальным и тихим голосом начал свой рассказ мужик.

— Громче говори, чтобы все слышали! — рявкнул полковник. — Что я тебе тогда сразу сказал?

— Вы мне сказали, товарищ полковник, чтобы я шел в фин. часть и получил денежное довольствие, — грустно ответил солдат.

— Ну, и ты его получил?

— Получил, полностью.

— И сколько ты получил? — продолжал допрос полковник.

— Двадцать миллионов за восемь месяцев, — чуть не плача ответил мужик.

— И что я тебе потом сказал?

— Потом, товарищ полковник, Вы мне сказали идти на КПП и прямым ходом домой.

— Ну, а ты?

— А я в казарму зашел. С братвой попрощаться, — он уже чуть не плакал. А полковник с садистским наслаждением продолжал допрос.

— Значит, вчера у тебя было двадцать миллионов, так?

— Так точно.

— А сегодня у тебя сколько? Отвечай, чтобы все слышали, — и к строю. Все слушайте!

— А сегодня у меня ничего нет, — выдохнул мужик и уже не мог сдержать слез, что прокладывали дорожки на его грязных и небритых щеках.

Вовке стало так жалко мужика, потерявшего в одну ночь все, ради чего он жил в тех условиях, переносил трудности и

опасности. И теперь все. Одна пьянка, да ладно бы кутнул по человечьи, а то в вонючей казарме, Бог весть с кем, даже не увидев толком жизнь, как другие. И все. А ведь у него может быть семья, дети, что ждут возвращения папы. И вот теперь папа вернется. Хотелось самому заплакать вместе с мужиком.

Но полковника история не растрогала, бардак в казарме ему надоел, и он решил на примере этого бедолаги хоть кого-то образумить. Поэтому шоу продолжалось.

— Нет, ты карманы выверни, чтобы все видели, что у тебя ничего нет.

Мужик безразлично вывернул карманы, из которых выпала коробка спичек и пачка сигарет. Ну и документы само собой. И все, больше у него действительно ничего не было. Наглядный пример собственной глупости и чьей-то подлости.

— Вот, — продолжил полковник, — все убедились. Одного убили табуреткой, этого до нитки обобрали, пока пьяный валялся. Вы хоть скиньтесь ему на дорогу, когда деньги получите. А то вообще человек руки на себя наложит, а так хоть что-то домой привезет.

Но как только разошлись, все про мужика и забыли, скидываться ему явно никто не собирался, да и сам пострадавший, куда-то пропал.

Теперь Вовка точно решил, что хватит, наслужился. Что толку ото всего, если ничего не меняется. Тем же днем он подал рапорт, а еще два дня спустя, он, получив документы, и окончательный расчет уехал домой.

ЭПИЛОГ
(неважно где и неважно когда)

Солнце палило нещадно. Пропотевшая куртка прилипала к телу. Автомат натирал плечо. Закурив сигарету, Вовка посмотрел на небо. Так хотелось улететь туда и никогда не возвращаться на эту землю. Что позади? Одиночество, безвыходность и разочарование. Что впереди? Пустота. Нет мечты, нет надежды, нет цели. Говорят жизнь это черная и белая полоса. Вовка не мог понять, где же у него и какой цвет. Что сейчас? Белая или черная. Где его настоящая жизнь и настоящий мир? Кто он в этом мире? Зачем живет? Кто он, жалкий неудачник, так и не сумевший ничего добиться в жизни или наоборот счастливейший из людей, познавший бедность, войну и любовь? Заглянувший за грань. Видевший вершины духа и бездны подлости. Быть может это и было то главное сокровище, которого нет у "преуспевающих людей"?

Он понимал, что не нужен тому миру, миру людей живущих "как все", "не хуже чем у других". А нужен ли тот мир ему? Он не знал ответа. Он уже и не искал его.